

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2013. № 29 (3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

А. М. Мамадалиев (г. Сочи, Россия)
канд. пед. наук

О. В. Натолочная (г. Сочи, Россия)
отв. секретарь – канд. ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals, Российского индекса научного цитирования.

ИФ РИНЦ 2011 – 1,567

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС77-47157** от 03.11.2011

Редакционный совет:

Е. П. Бажанов (г. Москва, Россия)

Й. Бекман (г. Хельсинки, Финляндия)

В. А. Исупов (г. Новосибирск, Россия)

И. И. Колесник (г. Киев, Украина)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

А. Ю. Рожков (г. Краснодар, Россия)

Г. М. Романова (г. Сочи, Россия)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

С. В. Януш (г. Ставрополь, Россия)

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354003, г. Сочи, ул. Макаренко, 8а, каб. 219.
Тел.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Английский сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 33.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Плакаты Второй мировой войны.
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Советские солдаты. Повседневность. 1943 г.»

BYLYE GODY (FORETIME). 2013. № 29 (3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

A. M. MAMADALIEV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (Pedagogy)

O. V. NATOLOCHNAYA (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open
Access Journals, Russian Index of Scientific
Quotations Copyright reserved.
Impact factor of Russian Science Citation 2011 – 1,567

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФЦ77-47157 03 November
2011.

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

354003, Sochi city, Makarenko st., 8a, cab. 219.

Tel.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Approved for printing 1.09.2013
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.
Circulation 500 copies. Order № 33.

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA
Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Posters of World War II.
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and a photograph "Soviet soldiers. Daily routine. 1943"

C O N T E N T S

RELEVANT TOPIC

Vlasovites and Policemen as a Phenomenon in the Great Patriotic War Period Through the eyes of the Workers and Peasants' Red Army Fighters Cherkasov A., Šmigel' M.	4
---	---

ARTICLES AND STATEMENTS

German-Soviet Nonaggression Pact of 1939: Debating Issues Narezhny A.I., Trut V.P.	10
Jews in Kiev Underground (1941-1943) Slobodyanyuk N.A.	18
Holidays, Celebrations and Memorable Dates in the Life of Ukraine Population during Nazi Occupation (Military Administration Zone) Titarenko D.N.	25
Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War (1941–1945) Fominikh S.F., Sorokin A.	32
Open Pages of the Great Patriotic War History in Kazakhstan Zhanbosinova A.S.	38
Rear for the Frontline: History of Mine Plant in Chekist Poselok (Settlement) Zinov'ev V.P.	42
Modernization of the Ural Metallurgy during the Great Patriotic War (1941–1945) Zaparii V.V., Zaparii V.V.	47
Faith and Superstitions in the Frontline and in the Rear in Wartime (1941-1945) Krinko E.F.	53
Living Space and Its Arrangement in Wartime (The second article) Khlynina T.P.	62
Soviet Jewish Community Strategies, Concerning Memory Perpetuation (Erection of Memorials to Jews-Fascism Victims Case Study) Tcherkasski A., Terushkin L.	69

PAPERS AND RECORDS

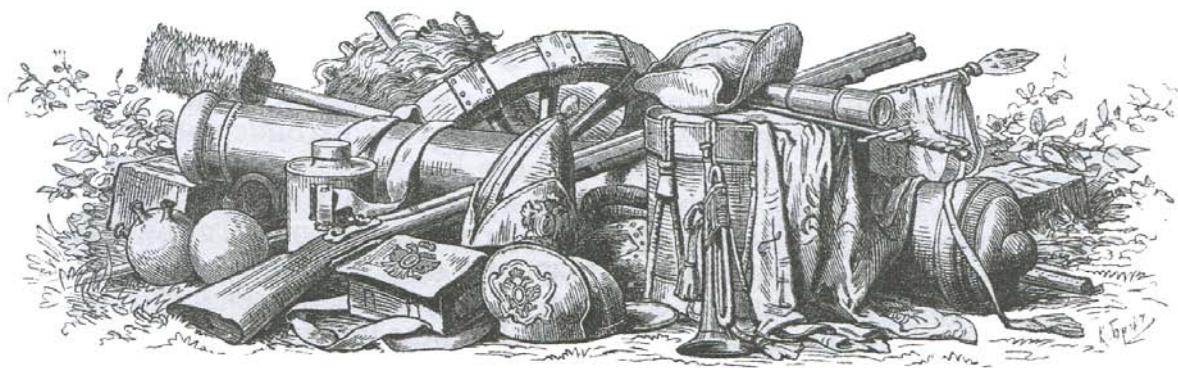
“These Are Our Legal Trophies...” The System of Parcel Freight Organization from the Red Army in the Field in 1945 on the Basis of Declassified Archive Documents Senyavskaya E.S.	75
--	----

LETTERS TO THE EDITOR

The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly at the Beginning of World War II (1939-1940) Petrov I.V.	96
The Third Reich and the Cossacks: Relations during the World War II Ratushnyak O.V.	101

REVIEWS AND SURVEYS

Review of Collection of Documents “Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War. 1941-1945 (On the documents by Archive Agency of Krasnoyarsk Region, 2010. 497 p.)” Malyutin D.A., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F.	107
---	-----

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94

Vlasovites and Policemen as a Phenomenon in the Great Patriotic War Period through the Eyes of The Workers and Peasants' Red Army Fighters

¹ Aleksandr Cherkasov

² Michal Šmigel'

¹ Tomsk State University, Russian Federation

Sochi State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

² Matej Bel University, Slovakia

Dr. (History), Professor

Abstract. The article, basing on the interviewing of 50 veterans of Great Patriotic War, considers complicated social phenomenon – collaboration. Soviet citizens, fighting arms in hand on the German side in front-line, front and occupied territory of the Soviet Union were considered collaborators. The article presents veterans' insights into the nature of Soviet collaboration and describes actual examples of collaboration, witnessed by the interviewed veterans. Special attention is attached to Soviet soldiers' antagonism towards compatriots, fighting on the side of the enemy. Some mechanisms, used by the Third Reich to recruit collaborators are presented.

Keywords: Vlasovites; policemen; Great Patriotic War; collaboration; veterans; interviewing.

Введение. Власовцы и полицаи в типологии советского коллаборационизма занимают одно из основных мест. Это обуславливается тем, что власовцы в значительной степени обслуживали фронтную и прифронтную территорию, а полицаи – оккупированную. В результате власовцами и полицаями достигалось многообразие проявлений коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. В ходе исследования было проинтервьюированы 50 ветеранов Великой Отечественной войны в звании от рядового до майора, которые проживают (проживали) на территории городов Сочи и Туапсе Краснодарского края, Российская Федерация. Опросы осуществлялись в период с 2001 по 2006 гг. Основная масса собранного материала никогда не публиковалась. В ходе исследования использовались такие общеисторические принципы, как объективность и историзм, а также системный подход.

Обсуждение. Под власовцами принято понимать несколько групп коллаборационистов – это **национальные дивизии** (с 1943 г. по линии СС из советских граждан были созданы 14-я, 15-я, 19-я, 20-я, 29-я, 30-я и 36-я гренадерские дивизии СС. Общая численность этих формирований за время войны составляла примерно 250 тыс. человек [1]) и **“хиви”** (от немецкого Hilfswillige – добровольные помощники), численность которых к 1945 г. составляла около 600 тыс. человек [2].

Полицейские функции на оккупированной территории выполняла “Наружная вспомогательная полиция” – Ordnung Hilfspolizei. Приказом Гимmlера от 6 ноября 1941 г. Ordnung Hilfspolizei была переименована в Schutzmannschaft – “шума”, в переводе “охранные команды”. “Шума” соответственно подчинялась СС [3] и делилась на следующие четыре группы: 1) т.н. “индивидуальная служба”

(Schutzmannschaft-Einzeldienst) по охране порядка в городах и сельской местности, именованная в первом случае охранной полицией (Schutzpolizei), а во втором — жандармерией (Gendarmerie); 2) батальоны вспомогательной полиции (Schutzmannschaft-Bataillon), среди которых выделялись фронтовые, охранные, запасные, а также немногочисленные саперные и строительные; 3) пожарная охрана (Feuerschutzmannschaft); 4) вспомогательная охранная служба (Hilfsschutzmannschaft) — команды, создававшиеся по особому требованию германских властей для выполнения каких-либо хозяйственных работ, охраны лагерей военнопленных и т.д.

Общая численность вспомогательной полиции с момента ее возникновения в ноябре 1941 г. (33 тыс. человек) за год выросла в 10 раз. При этом на “индивидуальной службе” и в пожарной охране было задействовано 253 тыс. человек (в том числе 29 тыс. в городах и 224 тыс. в сельской местности), а в полицейских батальонах — 48 тыс. человек [4].

В административном аппарате оккупационных властей были образованы и оборонные команды помощников Gema от “gemeinde”, что в переводе означает “община”. Под “гема” понимались лица из местного населения, которые по приказу местных властей (начальники полиции, бургомистры, старосты и т.д.) в необходимое время осуществляли полицейские функции. Как правило, “гема” организовывались в районах действия партизан.

Результаты. Воспоминания о власовцах можно разделить на несколько категорий:

1. Рассуждения о природе коллаборационизма.
2. Власовцы глазами очевидцев.

Рассуждения о природе коллаборационизма. Некоторые из опрошенных нами ветеранов довольно охотно рассказывали о природе коллаборационизма, о тех механизмах, которые, по их мнению, заставили часть советских граждан сотрудничать с врагом. Так, например, боец РККА Чахлов Степан Алексеевич полагал, что природа коллаборационизма связана с немецкой агитацией, направленной на советских военнопленных, в частности, он отмечал, что «с 1943 года власовцами стали называть самые разные воинские образования в составе вооруженных сил Германии. Для советских властей и советской пропаганды и, естественно, для большинства советского народа это были предатели родины, изменившие воинской присяге.

Когда Власов развернул свою предательскую деятельность и стал организовывать так называемую “Русскую освободительную армию” (РОА), к нам стали наведываться его агитаторы. В то время как пленные других государств находятся под защитой Красного Креста, получают продовольственные посылки, имеют даже возможность переписываться со своими семьями, для советских людей плен — это рабство. С советскими пленными немцы могут сделать все, что захотят, и никто за них не заступится. Отсюда агитаторы делали вывод, что единственная возможность освободиться от рабства — это вступить в РОА. Принуждая массы советских военнопленных, немецкое командование стало организовывать и идеологическое оболванивание пленных. Начали издавать газеты для пленных на русском, украинском и других языках Советского Союза. Несмотря на большой формат “русской” газеты, отличную бумагу и хорошее оформление, это откровенная антисоветская пропаганда. В газете подвизались и белогвардейские эмигранты, и вновь испеченные изменники, разные “националисты” и “интеллектуалы”. Восхвалялась немецкая культура, превозносились победы немцев, призывалось вступать в РОА, критиковалось все советское» [5].

О немецкой пропаганде, направленной на военнослужащих РККА, вспоминает боец Лычагов Александр Валентинович: «На фронте очень жестко было в отношении листовок. Свои листовки можем забирать, сколько угодно. Листовок бросали и мы много, и немцы много. Немцы бросали листовки такого содержания, например, что такое Сталинград? Это значит, Сталин стоит с лопатой, на лопате дивизии и в мясорубку. Это вот такая листовка немецкая была. С ней сразу пропуск, если ты хочешь сдать, то тебя там сразу определяют, куда там дальше. Но таких людей, которые бы уходили с фронта и пошли за линию фронта, пропуск, что возьмите меня... Наверно, уместно анекдот рассказать: «Солдат решил сбежать туда. Пришел — ему задают вопросы немцы. Он не может ответить, ни на карте показать, ни фамилии назвать, ну, ничего. Ему дают листовку и говорят: «Иди назад. Там написано: вам — не воин, нам — не язык!». Похоже. Теперь, конкретнее о власовцах. Что такое власовцы? Когда были окружены целые большие округа, когда миллионы людей, не меньше 3 млн., в первые месяцы войны попали в плен. В это время не только у этих солдат, но и у нашего руководства начали «мозги плыть». Что же такое, конец? Так вот те военнослужащие, которые несчастные оказались, в результате бездарного руководства, в плену, всякое могло быть. И одни, а может быть, некоторые по велению души, папа, мама расстреляны в лагерях, живут плохо, в это время за хороший паек, за одежду они пошли. В какую они армию пошли — Российская армия освобождения (РАО), власовцы. Власов, сам по себе, генерал очень известный. Он был обласкан Сталиным, талантливый военный, который мог много достичь. Но сколько генералов попало в плен, а сколько мы расстреляли уже на фронте? От Сталина был приказ №227 «Ни шагу назад!». Если ты отступил, значит ты — изменник родины. А для этого, чтоб не смотрели назад, сзади стояли части, которые расстреливали тут же из пулеметов. Так вот среди этих миллионов людей, которые ничего не знали, ни в какой степени не были виноваты, оказались в плену. У некоторых, наверное, был шок, а некоторые задумались, а что я защищаю? Там же тоже пропаганда работала: «Что вы защищаете?»

Где ваши родители? В лагерях? Ну и вы в лагерь поедете? Если Сталин своего сына не сохранил, всю семью посадили. Причем жена? Причем дети? А?» Хорош показательный пример. Этот пример распространился на весь народ.

Я лично власовцев не видел, с ними не встречался. Поэтому я не склонен осуждать, что все они враги народа, а все их родственники, члены семьи изменника родины (было даже специальное определение – ЧСИР – член семьи изменника родины), если ты оказался в плену, значит, твои родственники должны тоже подвергнуться репрессиям. К этому может быть самое разное отношение. Некоторые, оказавшись в плену, сразу брали пистолет и стреляли себе в голову. Я не знаю, много ли бы выиграла наша страна, если бы 3 млн пленных приставили к своим головам пистолеты и выстрелили. А среди людей, которые и в плену были, и перенесли тяготы. Мне пришлось много видеть людей, тех, которые оказались угнанными в Германию, работали на шахтах в Бельгии, а потом попали к нам. Они же были практически как прокаженные. У меня был случай, когда пришло пополнение ко мне в часть, ктбшник первым делом мне говорит: к тебе пришли такой, такой и такой, внимательней посмотри, там западный белорус есть, он некоторое время был на оккупированной территории. Ладно, посмотрим. Замечательный человек. Так мы с ним так подружились. Он играл на скрипке очень хорошо. Портным был. Шил всех нас, перешил форму. Хозяйственник очень хороший. Так вот он рассказал, как немцы поступили очень плохо, скрипку унесли. Зачем солдату скрипка? А может он тоже своим солдатам играл... Вот такие на фронте были встречи.

Ну а власовцы, что о них говорить – несчастный народ. Может быть, некоторые из них смалодушничили, может быть, были такие, которые считали – а какой я строй защищаю? Если среди наших ответственных руководителей мы нашли отщепенцев...» [6].

Приведем еще одно свидетельство бойца Красной Армии Тешева Ч.С.: «Власовцы и полицаи вербовались немецко-фашистским командованием и администрацией из числа советских воинов и граждан. Трусов, которые готовы, что угодно сделать, чтобы сохранить свою жизнь, а также из числа обиженных на советскую власть.

Немецко-фашистское командование не решалось использовать власовцев на ответственных участках, их больше использовали в других странах, за счет их выполняли вспомогательные задачи» [7].

Таким образом, в своих рассуждениях опрошенные ветераны видели основным поставщиком в ряды власовцев советских военнопленных, в то же время ветераны делали вывод о том, что полицаи вербовались на местах из состава местного населения.

Вторая выделенная нами группа – «**Власовцы глазами очевидцев**» – содержит материалы интервьюирования, в которых описаны встречи бойцов Красной Армии с коллаборационистами.

В воспоминаниях ветеранов жирной чертой проводится одна линия – это непримиримость власовцев. Там, где советским солдатам доводилось сталкиваться с ними, бои были более ожесточенными.

Есть это и в воспоминаниях бойца осназа Долгополова Тимофея Елисеевича: «По поводу власовцев, нам приходилось многих брать в плен, был случай, когда наша часть окружила за Варшавой с четырех сторон 300 власовцев, они тут же оружие побросали и сдались, говорят: «Нас заставили окопы здесь рыть». Власовцев направляли в спецлагерь на территории Польши, ближе к границе Советского Союза, там их и проверяли, кто сам сдался в плен, а кто случайно попал. Последним давали до 12 лет лагерей, а первых, как и власовцев-смертников, как правило, расстреливали. Со смертниками также доводилось сталкиваться, это были звери, они до последнего стояли, куда их не добывали в окопе. Много власовцев было прибалтийских, украинских, в Кубани и впоследствии нами были разгромлены даже калмыцкие полки. Поражение наносили и чеченским полкам, после этого их перебросили во Францию и Италию для продолжения войны. Наш орган СМЕРШ раскрыл преступление крымских татар, которые в Крыму вырезали 5 тыс. наших военнопленных, целый лагерь. За что эти народы впоследствии и повыселяли: калмыков, крымских татар, чеченцев, кабардинцев и т.д.

С власовцами приходилось сталкиваться часто, они до последнего обороняли Берлин, а летом 1944 года я получил ранение под Витебском, который удерживали власовцы, находясь в полном окружении. Власовцы занимали позиции во всех 11 укрепленных районах, каждый из которых имел полную линию обеспечения, включая противотанковые рвы, колючую проволоку, окопы и огневые точки. Наши части их уже обошли со всех сторон, взяли Оршу, подошли почти к Минску, а власовцы не сдавались. Бои там были тяжелые. Позже Гитлер издал приказ из власовцев создать заградотряды и в случае отступления немцев загонять обратно их в траншеи или расстреливать. Особенно были жестокими власовцы с нарукавными нашивками в виде андреевского флага и треугольника, как у казаков» [8].

Несколько ярких штрихов к картине противостояния в период Великой Отечественной войны добавляет военнослужащий РККА Д.С. Яныш: «Видел только мертвых власовцев. 27 мая 1945 года в Латвии засели власовцы в лесу. Никого не подпускали: ни немцев, ни наших. Так, наши договорились с немецким командованием, что в плену были, что немцы пойдут лес прочесывать. Сначала провели артподготовку. Немцев, которые выживут после этого похода для уничтожения власовцев, пообещали

отпустить в Германию. Власовцы были уничтожены немцами, хотя человек 150 немцев тоже погибло. Так, я потом видел, какие у власовцев блиндажи, в 8 накатов, не страшен никакой обстрел.

Что касается полицаев, то могу отметить такой случай: смотрим, один раз в деревне мужчина связанный лежит в кювете. Голову повернул, смотрит, а женщина одна говорит ему: «Как ты еще можешь смотреть на белый свет, на людей». Засыпали его живым землей, а земля поднимается, там, где он дышит, и плясали сверху. Полицаев очень ненавидели местные люди» [9].

В состав власовских подразделений вливались не только идейные противники советской власти, но в большинстве это были те, кто хотел избежать тяжелой участи в германском плену. Моральный дух власовцев колебался в зависимости от обстановки на фронте.

Ожесточенность в боях с власовцами приводила к тому, что нередко были случаи уничтожения пленных власовцев и полицаев.

Один из таких эпизодов описал Маркарян Арам Алексеевич: «Под Прохоровкой, помню, произошел и такой случай. Во время одной из немецких танковых атак в первый период немецкого наступления на наш взвод двинулись несколько немецких танков, непосредственно перед нами немцы скинули свой десант, а сами отвернули на соседнюю нашу роту. Немецкие автоматчики, видать, думали, что мы уже почти все уничтожены, шли с засученными рукавами и стреляли на ходу. Взводный матом кричит: “Да стреляйте же!”. И мы начали стрелять, я глаза закрыл и давай стрелять. Слышу, взводный кричит: “Прекратите стрельбу: они сдаются!”. Я очнулся, смотрю, немцы метрах в ста от нас руки вверх поднимают, оружие кидают на землю и идут на нас. А мы-то по инерции стреляем, взводный опять матом: «Прекратить, мол, огонь!». Мы прекратили. Немцы подходят раненные, побитые и среди них оказался украинец. Он с украинским акцентом, задыхаясь, кричит: “Да не стреляйте, я – украинец”. Один из наших это услышал, говорит: “А-а, украинец, ну это тебе”. И очередь ему в упор» [10].

Так, в своих воспоминаниях боец М.Г. Соколова рассказала: «Полицаев много везде было. Полицаи были из своих, всегда найдется человек, недовольный чем-нибудь в своем поселке, вот и переходили на сторону немцев. Они расстреливали людей по 10 человек, выбирали, кто был подозрительный, собирали продукты у местных жителей. Партизаны расстреливали их, и в лагерях тоже их расстреливали» [11].

О репрессиях по отношению к полицаям вспоминал и Фролов Михаил Филиппович: «В период наступления наших войск на Кубани особое внимание уделялось гражданам, сотрудничающим с немецкой властью. При заходе в деревню я сразу же направлял разведгруппу по хатам, и они вылавливали всех полицаев и старосту. Задержанные без долгих разговоров ставились к стенке и расстреливались. Уловив суть происходящего, другие полицаи в период вступления в станицу передовых армейских частей прятались в отдаленных местах и лишь после прихода НКВД с повинной возвращались в деревню. Из явившихся с повинной наши формировали штрафные отряды и использовали их на фронте» [12].

Бывали случаи, когда передовым советским частям оказывало поддержку и местное население. Из воспоминаний Бокатовича Василия Кузьмича: «По поводу полицаев к нам обращалось само мирное население. Заходим в деревню, люди говорят, так, мол, и так: у нас свирепствовали такие-то полицаи. Спрашиваем: “А где они?” Отвечают: “В лес ушли”, – и дают подробное описание, в чем ушел и так далее. Иногда задерживали» [13].

Среди собранных воспоминаний имеется и довольно эмоциональное рассуждение бойца РККА Бабичева В.А.: «Полицаев видел, много их было. Они – сволочи высшей степени. Такой случай был: в деревне, где я жил во время войны, бабы разговаривали о том, что хлеб спрятать надо. Полицай ехал мимо, а хаты были такие, что слышно, о чем говорят с улицы, как бумажные, пришел в дом и начал бить женщин. До войны он же дружил с моим братом, приходил в гости. Бабы говорят: «Что же ты делаешь?». И мать говорит, а он отвечает: «Тебя надо еще больше бить: у тебя два сына в Красной Армии». Полицаев назначал староста, который был в деревне, назначал из подлецов. Старосты были и хорошие, помогали партизанам. Вообще, полицаи – изверги.

Полицаями люди становились для того, чтобы не работать, бежавшие с фронта тоже становились полицаями. Наша армия, когда вступила в деревню, расстреливала их без суда и следствия совсем. Они готовы были убить родную мать и родного брата, чтобы выслужиться перед немцами» [14].

Имели место и попытки власовцев раствориться в толпе гражданского населения. Так, боец Хрящева Валентина Ивановна отмечала: «Это было на II-м Белорусском фронте. Бомбежка. Немецкий дом. Мы в подвал – там сидят немцы, не военные, гражданские. А в подвале, как и у нас, окна. Смотрим, подошел танк. Из него вышел один военный, второй. Мы видим, что бомбежка закончилась, вылезли. И вдруг Федор, с нами который был, кричит: «Ой, слушай, так это же наш!». Оказалось, они с одного села были. И Федор ему говорит: «А мне из дому писали, что ты в плен попал!». Тот: «Я? Нет. Глупости какие». А в полку обязательно были «СМЕРШы» так называемые. Так вот, один из них услышал и тут же для себя пометил. Пригласили его и начали разбираться. Оказался власовец. Его забрали и отправили воевать. И еще. Когда закончилась война, наши 2 недели по лесам власовцев вылавливали» [15].

О конкретных проявлениях коллаборационизма в прифронтовой полосе вспоминает Филимонова Лидия Андреевна: «Зачислили меня в 53-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, и в должности третьего номера я прослужила целый год. Сперва мы дислоцировались в районе Туапсе, прикрывая нефтебаки, кстати, если немецкие самолеты пробивались через наш заградительный огонь и взрывали резервуар, то наши командиры шли сразу в штрафной батальон. Затем нас перебросили в Джанкой. Прибыли мы туда как раз после боя, громадная площадь усыпанная разлагающимися трупами людей и лошадей. Дышать невозможно, одели противогазы и заняли позицию посередине этой площади. Зарыли в щель все снаряды, так как в случае попадания снаряда противника по ним может быть уничтожена вся батарея. Отрыть для себя щели не успели – в 22:30 начался налет немецкой авиации. С различных мест с земли стали подниматься сигнальные осветительные ракеты, вызывающие огонь на себя, это действовали немецкие лазутчики, как правило, местные жители, наше командование снимало иногда целые расчеты для того, чтобы выловить и уничтожить диверсантов. Предателей было очень много: и в Крыму, и на Украине, и на Кубани. Когда мы освободили Темрюк, то увидели пустыми целые городские кварталы: все ушли с немцами, а кто остался, относился враждебно, даже воды нагреть не давали» [16]. Похожие описания есть и в воспоминаниях Анищенко Веры Ильиничны: «Это было в Западной Украине. На аэродром мы могли пробежать только через лес. Причем бежать так – виляя, «змейкой». Потому что стреляли все время в летчиков и пробегающих в сторону аэродрома. Днем их почти не видно никого. Пакостили они очень много. Они обстреливали самолеты, машины. В Чечне тоже не очень приятные встречи с ними были.

Существовала и другая форма предательства. Как вы знаете, во время Великой Отечественной войны фашисты учредили на оккупированных советских территориях такую должность, как полицай. Те, кто шел в полицай, именовались предателями, т.к. подчинялись власти врагов и помогали им угнетать своих же соотечественников за вознаграждение (сало, одежда, полномочия, опять же – автомат шмайссер немецкого качества...). Хотя полицай были в народе и не в почете, но сами они, наверняка, имели точку зрения, оправдывающую свои поступки» [17].

Завершить воспоминания ветеранов можно уже послевоенным эпизодом, когда на окраинах СССР происходили операции по ликвидации власовских бандформирований. Из воспоминаний бойца Бочкова Т.П.: «На территории, освобожденной от фашистских войск, остатки разбитых немецких частей, понимая, что им предстоит нести ответственность за свои поступки, стали создавать отряды из власовцев и полицаяев. Власовцы и полицай действовали на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии.

Могу привести такой пример. После окончания военного училища в 1947 году я и мой товарищ Мельников И.С. были направлены в город Киров.

В один прекрасный день мне Мельников говорит, что его назначили в войска по борьбе с власовцами и полицаями. Прошло немного времени, и я получил от него письмо. Он был командиром взвода войск МВД, а потом я не стал получать письма. Я написал ему письмо такого содержания: «Ваня, что, зазнался совсем, почему не пишешь, как живешь». В 1948 году у нас в стране были выборы в Верховный Совет СССР, а эти самые отщепенцы, власовцы и полицай, старались всякими методами мешать подготавливать проведение выборов. После выборов получаю письмо из города Алитуса из Литвы. Письмо такого содержания: «Мы, солдаты вашего друга Мельникова И.С., со скорбью извещаем вас о гибели его в предвыборную ночь от рук бандитов» [18].

Завершая, хочется отметить, что среди 50 опрошенных в ходе исследования ветеранов 28 человек сообщили, что ничего о деятельности власовцев и полицаяев не знают или не слышали.

Заключение. Подводя итоги, хочется отметить, что одной общей особенностью прошедшей войны (в воспоминаниях фронтового поколения) являются представления о враге. Доминирующей чертой массового сознания советского общества было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали. Еще большее неприятие было к предателям и изменникам Родины, потому что даже маленькие успехи в боях доставались очень тяжело и с огромными потерями. Наряду с этим подчеркивается и проявление человечности, гуманности и человеколюбия (в основном у женщин-фронтовиков) к врагу, что объяснялось тем, что советские люди старались показать, что они не «звери-захватчики», а «освободители мира от зла – фашизма». Опять-таки повторимся, что данный мотив прослеживается у женщин-фронтовиков, и он так и не стал ведущим.

Другой характерной чертой стало нежелание значительной части интервьюированных ветеранов вспоминать о скрытой правде войны. Выяснилось, что ветераны путают деятельность власовцев и полицаяев или просто отказываются об этом говорить, т.е. присутствует попытка сохранить верность имевшей место в советский период доктрине – «единство и борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков».

Примечания:

1. Меженко А.В. Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 33.

2. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская Освободительная армия. М., 2000. С. 7.
3. Кудряшов С.В. Предатели, “освободители” или жертвы войны? // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 87.
4. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000. С. 4.
5. Из интервью с С.А. Чахловым от 02.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
6. Из интервью с А.В. Лычаговым от 05.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
7. Из интервью с Ч.С. Тешевым от 10.12.2005 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
8. Из интервью с Т.Е. Долгополовым от 16.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
9. Из интервью с Д.С. Яньшиньш от 06.01.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
10. Из интервью с А.А. Маркарянот от 26.03.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
11. Из интервью с М.Г. Соколовой от 16.12.2005 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
12. Из интервью с М.Ф. Фроловым от 15.03.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
13. Из интервью с В.К. Бокатовичем от 19.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
14. Из интервью с В.А. Бабичевым от 31.01.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.
15. Из интервью с В.И. Хрящевой от 09.02.2006 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
16. Из интервью с Л.А. Филимоновой от 12.02.2001 г. // Личный архив А.А. Черкасова.
17. Из интервью с В.И. Анищенко от 15.12.2005 г. // Личный архив О.И. Прокипчук.
18. Из интервью с Т.П. Бочковым от 17.02.2006 г. // Личный архив А.С. Тургановой.

УДК 93/94

Власовцы и полицаи как явление в период Великой Отечественной войны глазами бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии

¹Александр Черкасов

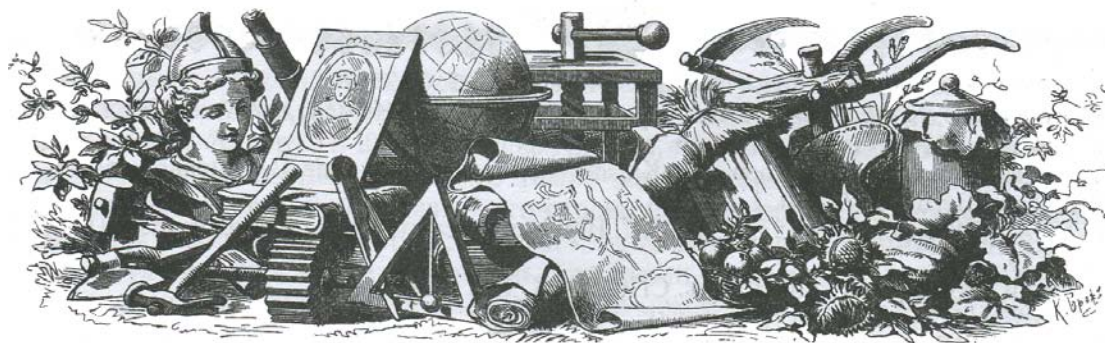
²Михал Шмигель

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

²Университет Матея Бела, Словакия
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье на основе интервьюирования 50 ветеранов Великой Отечественной войны рассматривается сложное социальное явление – коллаборационизм. Под коллаборационистами понимались советские граждане, с оружием в руках сражающиеся на стороне Германии в прифронтовой, фронтовой и оккупированной территории Советского Союза. В статье представлены рассуждения ветеранов о природе советского коллаборационизма, а также описаны конкретные проявления коллаборационизма, свидетелями которых были опрошиваемые ветераны. Уделено внимание антагонизму советских солдат по отношению к своим соотечественникам, сражавшимся на стороне противника. Представлены некоторые механизмы пополнения Третьим Рейхом коллаборационистских формирований.

Ключевые слова: власовцы; полицаи; Великая Отечественная война; коллаборационизм; ветераны; интервьюирование.

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 93/94

German-Soviet Nonaggression Pact of 1939: Debating Issues

¹Anatoly I. Narezhny

²Vladimir P. Trut

¹Southern Federal University, Russian Federation
344103, Rostov-on-Don, Zorge st, 56, apt.23

Dr. (History), Professor

E-mail: ain@sfedu.ru

²Southern Federal University, Russian Federation
346780, Rostov Region, Azov, Izmaylova st.55, apt. 16

Dr. (History), Professor

E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Abstract. The article, having analyzed the works by domestic and foreign researchers, attempts to consider major historiographic works, concerning the debating issues of German-Soviet Nonaggression Pact d.d. 23 August, 1939.

Achievements and problems of contemporary historiography on this theme were characterized, author's judgments and generalizations, concerning this problem were stated and lines of research of different aspects of German-Soviet Nonaggression Pact were offered.

Keywords: Historiography; USSR foreign policy; German-Soviet relations; German-Soviet Nonaggression Pact.

Введение. В настоящее время в центре внимания историков находятся наиболее важные, значительные, переломные, эпохальные события и процессы мировой и отечественной истории, оказавшие определяющее влияние на развитие международного сообщества в целом, и отдельных стран и народов в частности, последствия которых также продолжают оказывать в той или иной мере влияние на современность. Одним из таких важнейших событий явилась, безусловно, Вторая мировая война. Не случайно ее политическое и идеологическое "эхо" с новой силой зазвучало на международной арене в последнее время. Это связано с теми сложными и масштабными политическими, экономическими и социальными трансформациями, которые сегодня происходят в мире. Достаточно вспомнить, например, широкий и весьма разноголосый международный резонанс, вызванный очевидным искусственным нагнетанием страстей вокруг якобы нескольких главных виновников начала Второй мировой войны, явным стремлением руководителей ряда стран если не прямо уравнивать, хотя и это имеет место, то хотя бы поставить рядом в этом плане фашистскую Германию и СССР (а в контексте, естественно, современную Россию как правопреемницу последнего). Это нашло свое проявление и в масштабных международных мероприятиях в Польше в сентябре 2009 г., приуроченных к 70-летию начала Второй мировой войны, и в не имеющей не только какого-либо научно-теоретического, но и лишенной даже простого здравого смысла скандально-провокационной резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», принятой 3 июля 2009 г. [1], фактически уравнивавшей нацизм и сталинизм, причем единым днем памяти жертв двух режимов предложено сделать 23 августа! Многие источники охарактеризовали эту резолюцию как возлагающую ответственность за развязывание Второй мировой войны на Германию и СССР в

равной степени. Совместное упоминание и осуждение нацистского и сталинского режимов подверглось резкой критике со стороны российской делегации, а также представителей левых партий Европы.

Прямая антироссийская направленность данных акций очевидна. Но что за всем этим стоит? Попытка формирования новой общеевропейской идентичности, интеграции Европы на антироссийской основе? Стремление добиться политико-идеологического "воссоединения Европы" ("старой" Западной и "новой" Восточной) за счет России? А иначе, почему и зачем такая массивная, хорошо срежиссированная, шумная и агрессивная западная общественно-политическая антироссийская кампания. Кому и зачем это надо? Какие конкретные цели при этом преследуются, какие четко определенные задачи современности пытаются решить таким способом [2].

Необходимо особо отметить, что общественно-политическая и научно-теоретическая актуальность проблематики внешней политики СССР накануне Второй мировой войны очень сильно возрастает по мере приближения 70-летнего юбилея со дня ее окончания. Данная тема, безусловно, станет одной из центральных в общественно-политических и научных дискуссиях на различных политических, научных, культурных и иных международных форумах в 2015 г. [3] Таким образом, общественно-политическая и научная актуальность дальнейшего всестороннего и объективного изучения советско-германских отношений накануне Второй мировой войны, особенно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года и его секретных приложений, представляется более чем очевидной.

Материалы и методы. Задачей данной статьи является показ разнообразия мнений исследователей по проблеме советско-германского договора о ненападении 1939 года. Мы не ставим перед собой задачи рассмотрения полного спектра оценок советско-германского договора о ненападении 1939 года и всего объема историографической литературы по избранной теме ввиду их значительного объема. Нашей задачей является показ различных мнений исследователей по данной проблеме, которые условно можно разделить на три типа: обвинение и осуждение действий руководства СССР накануне Второй мировой войны, моральное оправдание и обоснование этих действий и попытка абстрагироваться от оценки действий в моральном отношении и проводить исследование, исходя из логики международной обстановки в конкретный исторический период. В работе использован многофакторный метод, всесторонний научно-критический анализ имеющихся наработок в отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме.

Обсуждение. Среди историков на сегодняшний день нет единого мнения в оценках этого договора и общей политики руководства СССР в отношении Германии в предвоенный период. Ряд историков оценивает договор положительно как высокое достижение внешней политики руководства СССР [4]. Другие считают его заключение вынужденным, оправданным политическим шагом и единственно возможным [5]. Третьи придают ему негативную оценку, называют его просчетом [6], указывают на нарушение международных правовых норм и считают его аморальным [7], часто используются такие словесные формулы, как «сговор Сталина и Гитлера», «раздел Восточной Европы» и другие политизированные и эмоционально окрашенные выражения.

Результаты. Научной литературы по данной теме много, но мы возьмем несколько наиболее показательных, на наш взгляд, позиций историков. Так, например, говоря о советско-германском договоре о ненападении, В.И. Дашичев практически безапелляционно утверждает, что это сговор двух диктаторов, а перекройка карты Европы и ее раздел на сферы влияния тщательнее скрывались от общественности [8]. Он считает, что в силу «отсутствия достаточных внешнеполитических знаний и опыта, а также вследствие извращенности его мышления, отягощенного классово-идеологическими догмами и предрассудками» [9], Сталин не понял, что без подписания пакта Германия оказалась бы в очень невыгодном положении и коалиция против нее из СССР, Англии, Франции и США образовалась бы неизбежно [10]. Его позиция по данному вопросу практически не изменилась даже спустя полтора десятилетия, лишь стало меньше патетики. Рассматривая действия СССР на международной арене в тот период времени, он особо отмечает, что Сталин знал о планах Гитлера, но коварно решил дать ему свободу рук на Западе, а заключив с ним пакт в 1939 году, стал соучастником в развязывании Второй мировой войны [11].

По его словам, Англия и Франция неоднократно протягивали руку дружбы СССР, но Советский Союз каждый раз ее отклонял. В подтверждение этого он указывает, что «21 марта (1935 г. – прим. авт.) правительство Англии предложило советскому руководству принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе» [12]. Притом, правда, он почему-то умалчивает, что уже 1 апреля инициатор предложения – английское правительство – вдруг заявляет, что считает вопрос о декларации отпавшим [13]. В такой ситуации возникает вполне закономерный вопрос о том, как данное обстоятельство согласуется с авторской аргументацией. Он отмечает, что 31 марта Англия и Франция взяли на себя гарантии безопасности и независимости Польши и что «Советское правительство могло присоединиться к этим гарантиям без всяких условий, но оно не сделало этого, что свидетельствовало об иных планах Сталина, связанных уже с ориентацией на нацистскую Германию» [14]. Вряд ли автор не знает того очевидного факта, что

Польша ни при каких условиях и обстоятельствах не хотела видеть советские войска на своей территории [15]. Возникает вопрос, каким же образом в данной обстановке СССР мог гарантировать безопасность и независимость Польши. Говоря о том, что «во второй половине апреля Англия и Франция независимо друг от друга направили советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате осуществления гарантий Польше и Румынии западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией» [16], В.И. Дашичев намеренно или по незнанию не говорит, что предложенные соглашения были неравноправными. Так в них прямо фиксировалось, что при нападении Германии на Польшу и Румынию Советский Союз должен был оказывать поддержку Англии и Франции как союзникам этих стран, но при нападении Германии на Прибалтику и Финляндию и вовлечении в данный конфликт озабоченного ситуацией вблизи своих границ СССР подобной помощи ему никто оказывать не собирался ни при каких обстоятельствах [17]. Вряд ли исследователь не знал всех тонкостей событий изучаемого им исторического периода, следовательно, напрашивается вывод о тенденциозной подаче фактов – представлении одной части и замалчивании другой. Он также считает несущественной явную провокационность заключения подобных соглашений, поскольку подписание этих договоров явилось бы прямым заявлением антигерманской направленности советской политики и поводом ввязывания в войну, которую Советское правительство всячески старалось избежать. Причем при нападении через Прибалтику СССР вынужден был бы вовсе воевать с Германией один на один. И аналогичных примеров можно привести немало. Очевидно, что автор рассматривает данную проблему с заранее определенных позиций, причем не столько с сугубо исторических, сколько с политико-идеологических.

Согласно точке зрения еще одного представителя ревизионистской школы, историка М.И. Семиряги, заключенный договор с Германией нанес большой ущерб престижу Советского Союза, подорвал к нему доверие, лег черным пятном на советскую внешнюю политику и привел к дальнейшей международной изоляции СССР. По его мнению, договор (и его претворение в жизнь) был грубым нарушением положений международного и советского права, также затормозившим образование единого антифашистского фронта стран и народов, дезориентировавшим деятельность мирового коммунистического движения, всех друзей СССР за рубежом. Характеризуя данный договор, он отмечает, что «в моральном плане партнеры по переговорам, пытаясь обмануть друг друга, свои народы и мировую общественность, длительное время, скрывая от них наличие секретных протоколов, поступали безнравственно» [18]. Из этого логически следует, что автор политику и дипломатию относит к высокой сфере морально-нравственных норм. Спорность такого подхода очевидна, хотя аналогичными суждениями отличаются достаточно многочисленные работы историков постсоветского периода.

М.И. Семиряга не отрицает, что советско-германский договор имеет связь с печально известными решениями Мюнхенской конференции, если не является его следствием, и даже упоминает англо-германский и французско-германский договоры о мире и дружеских отношениях 1939 года, что не часто делают историки-ревизионисты, но секретные протоколы, которые он называет договоренностями, в его изложении выходят на первый план исторических событий. Такой подход вряд ли можно назвать взвешенным и обоснованным.

Характеризуя советско-германский договор о ненападении, М.И. Семиряга считает его крупным политическим просчетом Сталина, так как Советский Союз потерял польский буфер, который при иных условиях явился бы благоприятным фактором для действий Красной Армии, и она совместно с польской армией якобы могла бы войти в боевое соприкосновение с вермахтом на более выгодных рубежах [19]. Притом он также упускает из виду такое очевидное обстоятельство, как полное и категорическое нежелание Польши воевать вместе с Советской Армией, а также то, что СССР пришлось бы вступить в войну уже в 1939 году практически в неподготовленном состоянии. (Как известно, даже закон о всеобщей воинской повинности, не говоря уже о других, гораздо более сложных мероприятиях по подготовке к крупномасштабным боевым действиям, в СССР был принят только уже после фактического начала Второй мировой войны в начале сентября 1939 года).

К тому же, по свидетельству начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, отраженному в его дневниковых записях за 14 августа 1939 года после совещания с фюрером, Германия вступила бы в войну с Польшей в любом случае, не оглядываясь на СССР, поскольку Гитлер был в немалой степени уверен, что Советский Союз не вступит в войну на стороне Польши, как не станут воевать и Англия с Францией, а ситуация для начала военной кампании самая благоприятная [20]. К тому же Гитлер тогда был готов даже к войне на два фронта [21]. Оценивая возможность такого варианта развития событий, М.И. Семиряга в то же время считает, что Гитлер не стал бы воевать с Францией, не обеспечив свой тыл с Востока [22].

Затрагивая советско-германские экономические отношения, М.И. Семиряга отмечает вклад Советского Союза в развитие немецкого военно-промышленного потенциала, благодаря советским поставкам стратегического сырья [23]. Однако при этом он не упоминает о вкладе немецких поставок для развития оборонной промышленности СССР, особенно таких ее важнейших отраслей, как авиа- и танкостроение, военное судостроение. И какой из данных вкладов оказался важнее и существеннее,

представляет еще один интересный дискуссионный вопрос, активно обсуждаемый в современной историографии [24].

В отечественной историографии присутствуют и иные подходы к анализу и характеристике советско-германского договора о ненападении 1939 года. В частности, М.И. Мельтюхов освещает его в другом аспекте. Советско-германский пакт о ненападении он оценивает как полезный, с одной стороны, поскольку «благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы» [25]. По его мнению, Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе [26]. Но, рассматривая данный договор, автор считает, что, с другой стороны, Советскому Союзу пришлось взять на себя ряд обязательств, в частности, «отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду» [27]. Необходимо отметить, что М.И. Мельтюхов является сторонником концепции, согласно которой СССР якобы готовил нападение на Германию в июле 1941 г. Он присоединяется к тезисам некоторых западных историков о стремлении Советского Союза к мировому господству и определении Германии как главного соперника СССР на континенте. В сущности, его подход отражает довольно хорошо известные положения В. Резуна (Суворова) [28]. Хотя М.И. Мельтюхов полемизирует и в чем-то не соглашается с Суворовым, характеризует «Ледокол» как «слоеный пирог», где «правда мешается с полуправдой и ложью», а также указывает, что подход В. Суворова «не поддерживает, пожалуй, никто из серьезных исследователей» [29]. Особо нужно отметить, что М.И. Мельтюхов выражает несогласие с Резуном (Суворовым) по вопросу об ответственности СССР за развязывание Второй мировой войны, поскольку Германия первой напала на Польшу. Он отвергает тезис Резуна (Суворова) о «превентивной войне», поскольку утверждает, что Гитлер ничего не знал о «наступательных» военных приготовлениях Сталина и «упредил Красную Армию» лишь «в силу случайного стечения обстоятельств» [30]. Однако М.И. Мельтюхов поддерживает главное положение Резуна (Суворова): определение СССР не как нейтральной страны в начальный период Второй мировой войны, а как страны-агрессора, и второе – в основе советской внешней политики лежат аналогичные стремления к мировому господству, что и у Германии, таким образом, уравнивая политику двух государств [31]. Оценивая данный вопрос таким образом, вполне закономерно получаем вывод о разделении поровну ответственности за Вторую мировую войну Германией и Советским Союзом.

Более чем спорный тезис о существовании у СССР планов нападения на Германию рассматривают в своих работах В.А. Неvejeин, В.Д. Данилов, Б.В. Соколов, И.В. Павлова, И. Хоффман, Э. Нольте и др.

Характеризуя различные историографические подходы к анализу проблематики советско-германских отношений накануне Второй мировой войны и договора о ненападении 1939 г., необходимо осветить доминирующую, можно сказать, традиционную точку зрения отечественной историографии по этим вопросам. Данный подход современной отечественной историографии многое воспринял из положений советской историографии, но также претерпел изменения, используя в своей концепции новые документы и материалы. Так, основные положения этой традиционной концепции мы видим у В.Я. Сиполса. Оценивая договор о ненападении вместе с секретным протоколом, он доказывает тезис о том, что этот документ имел в то время для СССР существенное значение. По мнению исследователя, если большинство стран Европы вскоре же оказалось втянутым в мировую войну, многие из них были разгромлены, потеряли независимость, то СССР еще почти два года оставался в стороне от этой войны, мог продолжать жить в условиях мира. А когда Германия напала на СССР, то война началась с новых, значительно более отдаленных пограничных районов, расположенных на несколько сот километров западнее советских границ 1939 г. По мнению В.Я. Сиполса, это имело в ходе Великой Отечественной войны принципиально важное значение.

Он утверждает, что советско-германский договор о ненападении не только содействовал укреплению безопасности у западных границ СССР, но и привел к стабилизации обстановки и на восточных границах страны. Опасность войны одновременно на два фронта – на западе с Германией и на востоке с Японией – была в то время снята. В.Я. Сиполс считает, что, хотя некоторые историки пытаются доказать, что в протоколе предусматривался захват Советским Союзом упомянутой "сферы интересов", это не соответствует действительности. Суть протокола в том, что германское правительство взяло на себя официально письменно закрепленное обязательство не посягать на территории, стратегическое положение которых имело огромное значение для обеспечения безопасности СССР [32].

Анализируя решение Советского правительства заключить договор о ненападении с Германией, он доказывает, что это решение было в тогдашних условиях фактически вынужденным, но вполне естественным и единственно возможным, поскольку добиться создания эффективной англо-франко-

советской коалиции не удалось. Альтернативы договору о ненападении с Германией не оставалось [33].

Исследуя договор о ненападении, Н.А. Нарочницкая констатирует, что «советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и "расписание" планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г., поменяв "всего лишь" "расписание" войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР» [34]. Она считает тот договор крупнейшим провалом английской внешнеполитической стратегии за весь XX век и главной причиной, почему его всегда будут демонизировать [35].

Различные, зачастую противоположные точки зрения по рассматриваемому вопросу присутствуют и в зарубежной историографии. Необходимо отметить, прежде всего, ревизионистскую концепцию немецкого историка Э. Нольте, в свое время вызвавшую активную и крайне неоднозначную дискуссию в зарубежной историографии. Он называет «пакт Гитлера–Сталина» европейской прелюдией ко Второй мировой войне, а также пактом «войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были «государства совершенно особого рода». Нольте выдвинул сенсационное в свое время утверждение, что Вторая мировая война – это продолжение всеевропейской гражданской войны, начатой Октябрьской революцией [36]. Как мы видим, это политически важная работа, поскольку, с легкой руки Нольте, многие историки, политики и публицисты, стали уравнивать, а то и объединять коммунизм с гитлеризмом, СССР с нацистской Германией и, как следствие, требовать равной меры ответственности за развязывание Второй мировой войны. Некоторые немецкие и австрийские историки в той или иной степени используют в своих исследованиях тезис о превентивной войне, среди них И. Хоффман, Х. Магенхаймер, Ф. Беккер, В. Мазер.

Характеризуя советско-германские отношения накануне Второй мировой войны, в том числе, естественно, и советско-германский договор о ненападении 1939 года, большинство немецких историков дают более взвешенные их оценки. Таким подходом отличаются исследования историков Г.-А. Якобсена, Г. Юбершера, М. Мессершмидта, Р.-Д. Мюллера, Ю. Ферстера. Если говорить об американской историографии кануна Второй мировой войны, то ее можно разделить на историографию военного и послевоенного периодов. Сравнение двух периодов будет явно не в пользу последнего, поскольку историографию времен войны отличали большая объективность, реализм, трезвое отношение к СССР и взвешенность оценок, хотя по своему научному уровню эти работы были невысоки. В работах периода войны мы встречаем положительные оценки советско-германского договора о ненападении. Так, в своей книге заместитель государственного секретаря США С. Уэллес писал: «С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность Советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя, когда произошло давно ожидавшееся нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль» [37].

Конечно, в американской историографии также есть разные точки зрения на советско-германский договор о ненападении. Так, американские историки Т. Бейли и П. Райан, оценивая внешнюю политику СССР накануне Второй мировой войны, отмечают, что Советский Союз, «хорошо зная о повсеместных разговорах на Западе о натравливании Гитлера на него, мудро ушел из-под удара» [38]. А У. Ширер считает советско-германский договор циничной сделкой Сталина и Гитлера по разделу Польши и предоставлением свободы СССР для захвата Прибалтики, Финляндии и Бессарабии [39].

Весьма противоречивы характеристики советско-германских отношений в английской исторической литературе. Так, в первом томе большого иллюстрированного издания о Второй мировой войне Дж. Хаммертона говорится, что Советская Россия «играет роль шакала при германском льве», что Россия «наносит удар в спину Польше», «нападает на польскую армию», которая «отчаянно сражается» с немецкими и советскими захватчиками [40]. А Дж.П. Тейлор характеризует советско-германский договор о ненападении гораздо более взвешенно. По его мнению, «германо-советский пакт не был союзом, это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете... На Западе поднялась шумиха по поводу преступления Советской России, заключившей соглашение с ведущей фашистской державой. Трудно было понять упреки британских и французских политиков, которые активно способствовали разделу Чехословакии и даже стремились к новому соглашению с Германией за счет Польши» [41]. Ф. Бэлл, отмечая, что соглашение с Германией позволило СССР укрепить свою безопасность, пишет, что «не может не вызвать удивления тот поток оскорблений, который обрушился на голову советских руководителей за то, что они заключили соглашение, которое было лучшим из возможных» [42]. Известный военный историк и теоретик Б. Лиддел Гарт в своем фундаментальном исследовании отметил следующее: «Сталин прекрасно осознавал, что западные державы давно склонны позволить Гитлеру двинуться на восток, на Россию. Возможно, он считал советско-германский пакт удобным средством, с помощью которого агрессивную деятельность Гитлера возможно повернуть в обратном направлении. Другими

словами, Сталин сталкивал лбами своих непосредственных и потенциальных противников. А это, по меньшей мере, означало ослабление угрозы Советской России и, вполне возможно, общее ослабление ее противников, что обеспечивало бы России доминирующее влияние в послевоенном мире» [43]. Довольно убедительную собственную оценку данного соглашения, основанную на сугубо реалистическом, можно сказать, жестко прагматическом видении рассматриваемой проблемы, обосновал в своей работе ведущий специалист британской военной разведки Лен Дейтон. Он достаточно прямолинейно указал на то, что в период московских англо-франко-советских переговоров летом 1939 года «русские, видя, что англичане не торопятся, заподозрили, что они хотят затянуть переговоры до бесконечности. Сталин, у которого были шпионы в высших правительственных кругах практически всех европейских стран, пришел к убеждению, что Великобритания и Франция вступят в боевые действия только в том случае, если сами подвергнутся агрессии, и решил, что спасение для России может принести только договор с ее заклятым врагом – нацистской Германией» [44].

Таким образом, рассмотрев основные историографические подходы к исследованию, анализу и оценкам взаимоотношений СССР и Германии в предвоенный период, особенно советско-германского договора о ненападении 1939 г., наряду с объективными, достаточно всесторонне обоснованными точками зрения исследователей, в значительном количестве работ отмечается весьма избирательная подача исторических фактов, их крайне односторонняя трактовка, искажение, а то и даже откровенная фальсификация. При этом, безусловно, самым непосредственным образом сказывается предельная политизированность этой тематики, что, естественно, не дает возможности исследователям разобраться в наиболее дискуссионных вопросах рассматриваемой проблематики, исходя исключительно из принципов научности, объективности и историзма.

Безусловно, можно полностью согласиться с тем очевидным фактом, что практически все работы советских историков, в силу хорошо известных причин, были в значительной степени идеологизированы и не всегда могли дать объективную картину рассматриваемого вопроса. Однако и постсоветская отечественная и зарубежная историография в данном плане также в необходимой степени не отличается полной объективностью и обоснованностью оценочных суждений, строго научной аргументацией и безусловной объективностью выводов и заключений. Более того, многие современные работы носят крайне субъективные оценочные характеристики. Историкам ревизионистского направления свойственно практически полное отрицание интерпретаций советской исторической школы, а также мнение о тотальной сфальсифицированности советской истории. Переосмысление советской истории предвоенного периода в их работах часто сводятся к перениманию концепций зарубежных коллег либо к простому изменению оценок с плюса на минус. При этом отечественные историки забывают об антисоветской, а сейчас и антироссийской фокусировке зарубежных исследователей, почему-то считая, что зарубежный исследователь обязательно будет независимым и объективным.

Недостатком многих историков, изучающих события кануна Второй мировой войны, является неадекватное восприятие исторической фигуры Сталина, в результате чего научные работы превращаются в суд над Сталиным либо с позиции адвоката, либо прокурора. Часто можно столкнуться с тем, что вынесению объективных выводов мешает неприязнь или чрезмерное восхищение Сталиным, а также перенесение рассуждений о политике в морально-нравственную сферу, при этом не все исторические персоналии оцениваются равноправно. К сожалению, рассекречивание новых документов и их публикация практически не изменяют позиции историков относительно внешней политики ведущих мировых держав, прежде всего, конечно же, Советского Союза кануна Второй мировой войны, впрочем, в должной мере по тем или иным причинам зачастую не становятся предметом пристального внимания и всестороннего объективного анализа и уже имеющиеся документы. Как верно заметил А.О. Чубарьян, «подход к анализу событий того времени должен исходить из того, что главный вопрос сегодня – это не столько поиск новых документов, а проблемы интерпретации уже имеющихся в распоряжении исследователей событий и фактов, отраженных во множестве рассекреченных документов» [45].

Заключение. Рассмотрев основные историографические подходы к исследованию, анализу и оценкам советско-германского договора о ненападении 1939 г., наряду с объективными, достаточно всесторонне обоснованными точками зрения исследователей, в значительном количестве работ отмечается весьма избирательная подача исторических фактов, их крайне односторонняя трактовка. Для работ историков периода конца 1990–2000-х гг. характерны большая широта суждений, всесторонность анализа фактов и обстоятельств самого разного характера, рационализм и взвешенность оценок, чем это наблюдалось в предшествующие периоды времени. Дальнейшее исследование советско-германского договора о ненападении 1939 г. и его приложений необходимо осуществлять на основе многофакторного метода, всестороннего научно-критического анализа имеющихся наработок в отечественной и зарубежной историографии по данной проблеме, источников различного характера, не являвшихся вплоть до настоящего времени объектами необходимого научного исследования и анализа.

Примечания:

1. Резолюция парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // <http://hristcommun.narod.ru/OBSE1.htm> (Дата обращения 26.04.2013).
2. Трут В.П. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в вузовских учебниках истории: состояние и перспективы // Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / Под ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Том.VIII. Книга 25. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 301.
3. Трут В.П. Место и роль исторических исследований по актуальным проблемам отечественной истории в обеспечении национальной безопасности России (на примере проблемы советско-германского договора о ненападении 1939 года) // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Матер. Междунар. науч.-просвет. конф. (Адлер, 24–28 мая 2013 г.). Краснодар: «Традиция», 2013. С. 277.
4. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? // Сб. ст. / Ред.: Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/narch000/index.htm>. (Дата обращения 22.02.2013).
5. Ржешевский О.Я. Защитить нашу победу. 65 лет Великой победы. В 6 томах. Под ред. Нарышкина С.Е. Торкунова А.В. Т. 1. Канун трагедии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 28.
6. Торкунов А.В. Предвоенные уроки нашему времени. 65 лет Великой победы. В 6 томах. Под ред. Нарышкина С.Е. Торкунова А.В. Т.1. Канун трагедии. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 38.
7. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. С. 289–291.
8. Дашичев В.И. Роковое решение Сталина //Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 4-5.
9. Там же.
10. Там же. С. 7.
11. Дашичев В.И. Между Молотовым и Риббентропом // Новая газета. 2005. 5 мая. № 32.
12. Там же.
13. История внешней политики СССР 1917–1980 гг. М.: Наука, 1980. С. 354.
14. Дашичев В.И. Между Молотовым и Риббентропом // Новая газета. 2005. 5 мая. № 32.
15. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М.: «Захаров», 2010. С. 711.
16. Там же.
17. История внешней политики СССР 1917–1980 гг. М.: Наука, 1980. С. 354.
18. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 289-290.
19. Там же. С. 53.
20. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971. С. 34-40.
21. Там же. С. 40.
22. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 55.
23. Там же. С. 54.
24. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 44-51.
25. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2002. С. 398.
26. Там же.
27. Там же. С. 69, 76.
28. Суворов В. Ледокол. День «М». Ростов-на/Д.: Проф-Пресс, 1994. С. 597-600.
29. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 7-8.
30. Суворов В. Указ. соч. С. 597-600.
31. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 75, 400.
32. Сиполс В.Я., Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки // «Новая и новейшая история». 2002. № 5. С. 232-233.
33. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М: Международные отношения, 1989. С. 296.
34. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? // Сб. ст. / Ред.: Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/narch000/index.htm>. (Дата обращения 22.02.2013).
35. Там же.
36. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. С. 253-263.
37. Орлов А.С., Рогалев А.П. Американская и английская историография Второй мировой войны (1939–1945 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://azbook.net/book/401-amerikanskaya-i-anglijskaya->

istoriografiya-vtoroj-mirovoj-vojny-1939-1945-gg/3-amerikanskaya-i-anglijskaya-istoriografiya-vtoroj-mirovoj-vojny-1939-1945-gg.html. (Дата обращения 19.03.2013).

38. Сиполс В.Я. О тайнах кануна Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. <http://ruslib.ru/book/35/17/039-071.html> (Дата обращения 26.04.2013).

39. Ширер. У. Указ. соч. С. 720-721.

40. Вторая мировая война. Начало войны // Под ред. Дж. Хаммертона. М.: АСТ, 2006. С. 68, 122.

41. Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 15.

42. Сиполс В.Я. О тайнах кануна Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. <http://ruslib.ru/book/35/17/039-071.html> (Дата обращения 26.04.2013).

43. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1976. С. 28.

44. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. М.: ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 182-183.

45. Чубарьян А.О. Международный кризис 1939–1941 г.: концептуальные подходы, проблемы интерпретации // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Матер. междунар. конф., организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М.: Права человека, 2006. С. 14.

УДК 93/94

Советско-германский договор о ненападении 1939 г.: дискуссионные вопросы

¹ Анатолий Иванович Нарезный

² Владимир Петрович Трут

¹ Южный федеральный университет, Российская Федерация

344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 56, к. 23

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: ain@sfedu.ru

² Южный федеральный университет, Российская Федерация

346780, Ростовская область, г. Азов, ул. Измайлова, д. 55, к. 16

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа основных работ отечественных и зарубежных исследователей предпринята попытка всестороннего и объективного рассмотрения основных историографических наработок по проблеме дискуссионных вопросов характеристики и оценок советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Охарактеризованы достижения и проблемы современной историографии по данной проблематике, сформулированы авторские оценочные суждения и обобщающие выводы по рассмотренной проблеме, предложены направления дальнейших исследований различных аспектов советско-германского договора о ненападении.

Ключевые слова: историография; внешняя политика СССР; советско-германские отношения; советско-германский договор о ненападении.

Jews in Kiev Underground (1941-1943)

Nikolai A. Slobodyanyuk

The Dnepropetrovsk National University of Railway Transport, Ukraine
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: nikslobo@gmail.com

Abstract. This article, basing on the already known and first published archival sources, investigates Jews involvement in anti-fascist struggle of the Soviet underground in Kiev. Special attention is attached to the conditions and methods of struggle against invaders, fate of individual members of the underground.

Keywords: Kiev; Jews; occupation; underground resistance movement.

Введение. Целью данной работы является исследование малоизвестных и малоизученных аспектов истории советского подполья города Киева в 1941–1943 гг., связанных с участием в антифашистской борьбе подпольщиков еврейской национальности. Особое внимание уделяется условиям и методам борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников подполья. В работе широко используется прямая речь с целью передачи атмосферы того времени.

Материалы и методы. Основной массив использованных в работе источников – это документы советского происхождения о партизанской и подпольной деятельности периода немецкой оккупации из Государственного архива Киевской области. В частности, в фонде П-4 «Киевский горком Коммунистической партии Украины» собраны следующие материалы: справки о результатах партийной проверки деятельности подпольных горкома и райкомов КП(б)У; протоколы заседаний партийных бюро об утверждении отчетов и сами отчеты подпольных горкома, райкомов, отдельных организаций; протоколы заседаний Киевского подпольного горкома; отчеты о собственной деятельности подпольного горкома; цифровые данные Киевского горкома КП(б)У о боевой деятельности и о личном составе подпольных организаций.

Не меньшее количество использованных в работе материалов содержит Центральный государственный архив общественных организаций Украины. В фонде 1 «Центральный комитет Коммунистической партии Украины» особого внимания заслуживают обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов о мероприятиях германских властей на оккупированной территории СССР Главного разведывательного управления Красной Армии; инструкции ЦК КП(б)У для подпольных партработников по работе на оккупированной территории; материалы Украинского штаба партизанского движения о состоянии партийного подполья Киева; донесения и письма подпольщиков и разведчиков на «Большую землю»; стенограммы опросов участников подполья и свидетелей подпольной деятельности; индивидуальные отчеты подпольщиков; материалы НКГБ УССР по расследованию причин провалов партийного подполья в Киеве и областях УССР и разоблаченной немецкой агентуре и др. Также в исследовании использованы стенограммы бесед с участниками советского подполья из фонда 166 «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР».

Фонд 7 «Центральный комитет ЛКСМ Украины» содержит отчеты комсомольцев о подпольной работе, а также доклады комсомольцев вышестоящим органам о положении на оккупированной территории. Важным источником стали протоколы допросов причастных к подполью лиц в рамках расследования органами НКГБ УССР деятельности предателей и лжеподпольных организаций и групп из 5-го фонда «Архивно-следственные дела» Государственного архива Службы безопасности Украины.

Также в работе использованы некоторые документы немецкого происхождения. К ним, в первую очередь, относятся «Донесения с оккупированных восточных территорий» шефа полиции безопасности и СД (Центральный государственный архив общественных организаций Украины, фонд 57 «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»). Сравнительный анализ изложения фактов с двух точек зрения, советской и немецкой, дает возможность более объективно восстановить картину событий, сравнить оценки и акценты освещения этих событий в документах разного происхождения.

В работе использован историко-сравнительный метод, который предполагает сопоставление одних событий и фактов с другими, сравнение разных документальных источников. Метод проблемной хронологизации позволил выделить в теме исследования круг более узких проблем и осветить их в хронологической последовательности.

Результаты. В начале Великой Отечественной войны многие жители Украины считали, что защита советской власти – это дело коммунистов и евреев, а простых людей это не касается, так как не соответствует их интересам. Лучше всего подобное отношение демонстрируют высказывания

простых киевлян, многие из которых попали в архивы советских спецслужб благодаря доносам информаторов. Проживавшая по ул. Юрковской Евгения Артемьевна Гольшевская оценила угрозу захвата Киева германской армией следующим образом: «Мое мнение, что русским и украинцам уезжать из Киева не следует, так как вместе с немцами придут украинцы и будет Гетман... До сих пор русские и евреи не давали жить украинцам, захватив себе все лучшее» [1]. Подобные настроения выразила и киевлянка С.Ф. Зеленская: «Немцы – культурный народ, и бояться их надо только евреям и коммунистам, а остальным нужно спокойно ждать» [2]. Весьма показательными стали слова связной запасного подпольного горкома «Матрены». После вступления в Киев немцев она категорически отказалась работать в подполье, заявив, что это «жидовская лавочка», которая занимается дурью [3]. Следует отметить, что подобные настроения были присущи не только Украине и Киеву. Современный российский исследователь А. Посадский приводит несколько примеров антисоветских и антиеврейских настроений в неоккупированной российской глубинке осенью 1941 г. [4].

С приходом немцев и при их подстрекательстве такие настроения выплеснулись на киевские улицы. По свидетельству секретаря Петровского подпольного райкома И. Скляренко, это происходило так: «Я сам был очевидцем такого факта: идет по улице еврей и сразу, конечно, не видно, что это еврей, но кто-то его узнает и кричит «жид», за ним бегут, догоняют, начинают избивать. Так было вначале, а сейчас многие поняли, что мы еще сильны. Тогда спешили выслужиться перед новой властью. Или другой факт: я ехал рано утром на Куреневку вместе с рабочими, стоит русская женщина и вдруг заявляет:»Вон пошел жид». Полицейский сразу выскочил, догнал, схватил за шиворот, женщина подбежала, закричала: «Он, он!» Его полицейский ударил по затылку и повел в полицию. Немцы, конечно, долго бы искали этого еврея и, может быть, не нашли бы, так наши помогли. Многие, конечно, на этом нажились: разбарахололи имущество евреев и коммунистов» [5].

Несмотря на подогреваемые немцами антисемитские настроения, многие киевляне, рискуя собственной жизнью, помогали евреям избежать расстрела, прятали их в своих жилищах, помогали достать фальшивые документы, принимали еврейских детей в свои семьи. По информации связного ЦК КП(б)У А. Левченко, неизвестная украинка прятала у себя евреев: «Как раз это ни в какой мере нельзя отнести к той женщине-управдому, которая мне помогла прописаться, устроиться с жильем и работой. Мне еще Борис Платонович говорил, что опасаться этой женщины не следует, так как она вполне наш человек. Он мне рассказал, что она скрывает одну еврейскую семью не то у себя, не то где-то на квартире. По национальности она украинка» [6].

По Киеву ходили слухи, что немцы поначалу хотели устроить для киевских евреев гетто на Куреневке. Однако, согласно этим слухам, после взрывов на Крещатике, в которых немцы обвиняли и евреев, ими было принято решение о полном и немедленном уничтожении всего еврейского населения не только Киева, но и других недавно оккупированных районов Украины [7].

После Бабьего Яра посчастливилось выжить Семену Григорьевичу Сатановскому: «Очутившись в окружении 22 сентября 1941 г., я попал в плен и был направлен в лагерь в гор. Борисполь. Там я пробыл три дня, откуда бежал в гор. Киев. Находясь в гор. Киеве без всяких документов и средств к существованию, я скитался дня 3–4 по всевозможным закоулкам. После всех этих страданий меня схватили и погнали в Бабий Яр. Это происходило 29 сентября 1941 года. Когда меня подвели к яме, где расстреливали евреев, я начал говорить, что я украинец и попал по ошибке, что я подносил евреям вещи и меня немцы вместе с евреями привезли сюда. Мне поверили и отвели в сторону. Через некоторое время приехал немец, доктор Босс, которому я также все это рассказал, он мне также поверил на слово и забрал меня с собой и ... устроил на работу при школе, куда свозили еврейские вещи для раздачи их фольксдойчам. Вначале я работал там рабочим, а после бригадиром, там же я достал себе документы на имя Ткаченко Семена Павловича, на работу старался устраивать украинцев, вещи старался в большинстве случаев раздавать украинцам и пленным. В октябре месяце 1941 г. стал жить с тов. Пеленчук Марией Александровной...» [8]. Впоследствии Сатановский стал участником подпольной группы В.П. Назаренко.

Несколько примеров помощи киевским евреям со стороны украинского населения, и даже полицаяев, приводит А. Прусин [9]. В последние годы получили известность факты спасения евреев настоятелем Покровской православной церкви на Подоле Алексеем Александровичем Глаголевым, его женой Татьяной Павловной и их детьми-подростками Магдалиной и Николаем. В октябре 1941 г. свояченица А. Глаголева Мария Егорычева попросила семью священника помочь своей невестке, еврейке Изабелле Миркиной укрыться от нацистов. Татьяна Глаголева отдала Миркиной свой паспорт. Благодаря этому Миркина смогла покинуть Киев и какое-то время прожить в селе. Однако в конце ноября Миркина, чувствуя опасность, вернулась в Киев. Глаголевы поселили Изабеллу и ее двухлетнюю дочь у себя как своих родственников. До самого освобождения Киева Красной Армией Миркины жили в церковной усадьбе по адресу ул. Покровская, 7. Кроме этого, отец Алексей оформил церковные метрические записи на жену Дмитрия Пасечного Полину и его тещу Евгению Шевелеву. Много усилий, правда неудачных, приложили Глаголевы для спасения крещеных евреев Николая и Людмилы Гермайзе и их сына Юрия. 12 сентября 1991 г. Алексей, Татьяна и Магдалина Глаголевы, а 8 октября 2000 г. Николай Глаголев были удостоены звания Праведник народов мира [10].

Курс нацистов на полное уничтожение евреев сделал их надежной социальной опорой советского Сопротивления. Членами киевского подполья также были евреи С. Пекер, С. Линько, В. Письменный, В. Либерман, О. Светличная, Т. Маркус, Л. Дисина, Л. Шрайбман-Гуменюк и др. Евреем по национальности был секретарь запасного подпольного горкома Киева С. Бруз. Бруз проявил себя как активный и непримиримый борец с врагом. При попытке его ареста гестаповцами Бруз ранил в шею предателя И. Кучеренко, а затем застрелился [11].

В середине 1942 г. к борьбе с захватчиками присоединилась Ольга Моисеевна Светличная, в девичестве Голда Моисеевна Азрилевич. Ее муж, Василий Светличный, был военным летчиком, а Ольга осталась в Киеве с двумя малолетними детьми. Опасаясь доноса, Светличной пришлось выйти на улицу и назваться «погорелицей». Местные власти предоставили ей квартиру в доме, где на первом этаже жил голова Ярославской управы города, а по соседству – полицаи. Чтобы прокормиться, Ольга начала печь пирожки, булочки и торговать ими на Евбазе (Еврейском базаре), на месте нынешней площади Победы. Там она познакомилась с Б. Петрушко и была вовлечена в подпольную организацию Железнодорожного района.

Чтобы скрыть ее еврейское происхождение, подпольщики сфабриковали Ольге документ за подписью священника и с церковной печатью, в котором говорилось, что Светличная является православной и крестилась в такой-то церкви. Также для большей убедительности ей предложили «выкрестить» детей: дочку двух лет и сына четырех лет. Легальным занятием Светличной была выпечка и продажа коржиков и пирожков на Галицком базаре. Главным же ее заданием было содержание конспиративной квартиры [12].

Именно в квартире Светличной по ул. Короленко 84, кв. 11 с сентября 1942 по сентябрь 1943 г. происходили все заседания Железнодорожного подпольного райкома. Член бюро этого райкома Г. Мироничев давал ей самые положительные характеристики: «Светличная, не щадя своей жизни и жизни своих детей, вся отдавалась подпольной работе, делу партии Ленина–Сталина, ... даже в момент ареста поведение ее было патристическое... Светличная постучала в дверь. Я открыл. Она обрадовалась и говорит: «Крепостей, которых бы большевики не взяли, нет». Моими соседями были полицаи, и я ей сказал об этом. Но Светличная засмеялась и сказала, что ничего не будет. Я как-то несколько раз говорил ей о смерти. «Ну что ж, – говорила она, – если дети останутся живы, будут мстить за свою мать. Их воспитает Родина». Светличная была наилучшая связная, это была наша героиня» [13]. Правда, такое поведение выглядит не столько как героизм, сколько как беспечность.

Героиня была арестована абвером 29 октября 1943 года, подвергалась допросам и избиениям, а 5 ноября, накануне освобождения Киева советскими войсками, в числе нескольких арестованных подпольщиков была почему-то выпущена из-под стражи, в то время как другие подпольщики были расстреляны. Это вызвало подозрения у НКГБ УССР, и в «Справке по расследованию причин провалов партийного подполья в гор. Киеве и областях УССР» отмечалось, что «в отношении Светличной собрано достаточно материалов о ее предательской деятельности. Вопрос стоит об аресте Светличной» [14]. Насколько известно, Светличная все-таки не была арестована, но «осадок остался».

Даже несмотря на позитивную статью об Ольге Светличной в газете «Известия», ходатайства в 60–70-е годы ее воспитателя в детском доме Иосифа Чверткина в Верховный Совет УССР о награждении Светличной орденом Отечественной войны ответа не получили. Уже в независимой Украине группа бывших партизан обратилась в Комиссию по делам бывших партизан при Верховной Раде Украины с ходатайством о награждении О. Светличной. В мае 1998 г. президент Украины Л. Кучма вручил Ольге Моисеевне орден Княгини Ольги [15].

Бывший работник Киевского горсовета и еврей по национальности Соломон Пекер принимал участие в обороне Киева, попал в окружение и вернулся в Киев. Там он связался с подпольщиками Д. Лисовцом и П. Четвертяковым. Они стали регулярно слушать по радио сообщения Совинформбюро, печатали листовки, подделывали различные оккупационные документы [16]. Кроме того, С. Пекер проводил устную агитационную работу среди киевлян. В этом деле он проявил недюжинную смекалку в маскировке и своеобразный юмор. С его слов это происходило следующим образом:

«У меня была большая седая борода, как у Карла Маркса. До войны я не был седой, во время этих событий поседел. Волосы были длинные, как у попа, черные очки, посох. Носил свитку, как монахи носят, рваные сапоги были.

Брал Библию и помаленечку с палочкой шел на базар. Усаживался возле какой-нибудь будки, где больше собирается народ. Сажусь, раскрываю Библию и начинаю читать... Мне не важно было, что читать, мне важно было, чтобы видели, что я читаю Библию. Когда народ соберется, я начинаю читать молитвы: «Отче наш», «Верую во единого Бога», «Десять заповедей». Читал и крестился.

Когда публика около меня соберется, я начинаю говорить: «Люди добрые, что делается на белом свете от того, что вы бросили верить в Бога. От Бога не убежите. Отцы и матери, от того, что даете врагу проливать нашу кровь, от того, что не жалеете ни бедных, ни несчастных, ни калек, от того, что даете на растерзание невинных людей, Бог будет гневаться все больше и больше. Пропадет тот человек, который прольет кровь невинных».

Когда я читал, возле меня ходили наши люди. В случае опасности был установлен сигнал – кашлянуть. Когда я слышу кашель, я перестаю об этом говорить, начинаю что-нибудь другое. Когда вижу, что вокруг полицейских нет, я опять начинаю свои песни. «Близок час расплаты с теми, кто проливает человеческую кровь, близок час освобождения от тех людей, которые проливают нашу кровь...».

Клади мне яички, хлеб, все что хотите. Я, бывало, приношу домой сотни две денег, яички, хлеб и прочее. Собирались в большинстве старики и женщины. Слышны были вздохи. Я крещусь, и они крестятся. Я видел, что сочувствие было большое. Особенно большой успех был в предпраздничные дни. На Пасху принес шестьдесят яиц домой. Я чувствовал себя удовлетворенным, что я мог войти в массу и мог людям рассказать, что делается и в массе вызвать сочувствие...

...Был такой случай. Когда мы начали печатать листовки, я получил задание эти листовки раздать на базаре. Я пошел на еврейский базар, сел возле часовни вроде нищего, разбросал эти листовки вокруг себя и ушел. Поднялся ветер, эти листовочки по базару разлетелись. Публика поднимает ...

Мы решили пойти в село и там проповедовать, что нужно. Я опять палочку в руки... Как только остановка, я начинаю читать Евангелие, всякие изречения. Тогда уже масса иначе относилась. Раскрывали рты, когда я говорил о советской власти... Тогда мои проповеди имели колоссальнейшую силу. Я рассказывал про советскую власть, про Москву. В последнее время наши победы были колоссальные. Все эти сводки прямо врезались в голову. Рассказывал про Харьков, про Курск».

«Три раза попался. Один раз я был неосторожен. Когда читал, упомянул советскую власть, что «единственная власть, на которую Бог не гневается, – это советская власть»... После этого подошел ко мне молодой человек лет двадцати пяти, одетый прилично. «Дедушка, идите сюда!» Вывел меня из толпы. «Покажите ваши документы?» – «Документы может проверить Бог, а не вы, вы – гражданский человек. Вот мои документы», – показываю на Библию.

– Вы из какого монастыря или вы просто коммунист?

– Единственный мой документ – это книжка Божия.

– Нет, ваши документы?

Начинаю копошиться. Вынимаю паспорт. В паспорте у меня было написано 1875 года рождения... Посмотрел. Паспорт у меня был вполне хороший. По паспорту я значился... Василий Константинович Иваненко.

– Еще какие документы?

– Метрика еще есть...

Показал. Умышленно вытащил бумагу, что я судился за антисемитизм. Когда я ему передавал метрику, из метрики эта бумага выпала. Он схватил эту бумагу. Читает: «Иваненко... Василий Константинович в таком-то году осужден Севастопольским военным судом на пять лет за агитацию против советской власти и за антисемитизм».

– Вы судились?

– Судился. Наказывали безбожники, неверующие в Бога. Нас святых судили.

– За что?

– За правду.

– А ну сними очки. Пойдем в район.

– Пойдем, а бить не будете, а то вы бьете.

– Бить не будем.

Повел меня по Шулявской улице в полицию. Там был следователь, проверил мои документы. Отпустили. Таких было три случая. Один раз они меня сбросили с лестницы, но не били. К старикам относились более или менее снисходительно. Кроме того, я всегда носил при себе Библию, всегда старался, чтобы крестик выпал как бы нечаянно, всегда икона была у меня. Отделялся более или менее благополучно.

Когда он прочел эту записку, говорит: «Иди дедушка, раз жьдив не любишь, иди домой» [18].

Неоднозначной категорией киевских подпольщиков были люди, присоединившиеся к движению Сопротивления только с приближением Красной Армии. Как правило, они вступали в подпольные организации по конъюнктурным соображениям, не отличались активностью и преданностью.

Иван Иванович Костенко только в начале сентября 1943 г. был вовлечен в подполье членом бюро горкома Петром Рябошапкой. Уже 10 сентября по рекомендации Рябошапки его ввели в состав бюро Петровского подпольного райкома КП(б)У. А примерно 20 сентября 1943 г. решением подпольного горкома Костенко назначается начальником штаба вооруженных отрядов горкома. Не менее головокружительную карьеру сделал Абрам Зельманович Несвежинский (в документах также проходит под именем Нестеров Александр Зиновьевич). По рекомендации Костенко он был принят в сентябре 1943 г. в подпольную организацию. Не успев провести никакой работы против оккупантов и проявить себя в деле, уже в октябре 1943 г. решением бюро подпольного горкома КП(б)У он становится начальником боевого штаба вооруженных отрядов подпольного горкома. Вскоре за пьянство и несоблюдение конспирации Несвежинский с этой должности был снят.

Но вместо того, чтобы полностью устранить Несвежинского от руководства, горком назначил его начальником разведки своих вооруженных отрядов [19].

Такая кадровая политика имела самые печальные последствия. Будучи арестован 29 октября 1943 г., Несвежинский заявил агенту абвера, что вступил в подпольную организацию не идейно, а чтобы оправдаться перед советской властью. Далее он сам предложил выдать оставшихся на свободе соратников и принять его на работу в абвер [20].

Несмотря на хаос военного времени, жизненный путь И. Костенко и А. Несвежинского складывался удивительно синхронно. Каждый из них занимал должность начальника штаба полка Красной Армии. Оба попали в окружение и плен в Уманском котле. После освобождения из плена вместе стали заниматься спекуляцией в оккупированном Киеве. Почти одновременно они становятся членами подпольной организации, занимают руководящие должности в киевском горкоме. Оба были арестованы немцами, стали предателями и вместе на очных ставках изобличали несознававшихся подпольщиков. После войны оба друга получили от советской власти по 10 лет лишения свободы [21].

Яркой участницей подполья была Татьяна Маркус. В отчете Киевского подпольного горкома КП(б)У о ней было сказано так: «Смелая, бесстрашная комсомолка, ... активная участница истребительно-подрывной организации, самолично уничтожила десятки немецких солдат и офицеров, предателей путем удушения и отравления. Выполняла самые ответственные задания организации по подготовке диверсий...» [22].

В конце сентября 1941 года подпольный горком партии создал штаб диверсионно-подрывной деятельности. Возглавил его член подпольного горкома В. Кудряшов. В состав штаба вошли члены Железнодорожного райкома партии Г. Левицкий, И. Сикорский и Т. Маркус. В октябре 1941 г. в него были дополнительно введены коммунисты С. Пащенко, Ф. Ревуцкий и комсомолец А. Горобец [23]. Одной из важных задач этого штаба было проведение террористических актов.

Участники террористической группы использовали Татьяну Маркус для завлечения жертв. Татьяна отличалась смелостью и рискованностью и лично умертвила трех гестаповцев [24]. В частности по приказу Ивана Пятницкого Т. Маркус во время свидания застрелила директора пивзавода и агента гестапо Мироновича. Одна из руководителей киевского подполья Бронислава Петрушко рассказывала об этом эпизоде так: «Таня Маркус была очень красивой 19-летней девушкой. Хотя она и еврейка, но на еврейку не похожа. Мы дали ей задание познакомиться с ним во что бы то ни стало... Мы решили, что в то время, когда он придет с работы, Таня пройдет мимо его дома и заговорит с ним или что-нибудь попросит и таким образом познакомится... Через 5–10 минут после того, как он приехал домой, она пошла к нему, позвонила... и начала спрашивать другую фамилию. Он ответил, что такого здесь нет. «Как же, – сказала она, – у меня ведь адрес». В общем поговорили, она начала ему глазки строить и они познакомились. Ну, в первый вечер ничего не вышло, а на второй она попала к нему в дом. Она была у него, кажется, два вечера, переночевала... Переночевав у него, она... опять пришла, любезничала, они целовались, обнимались, наконец она сказала: «Что ты все играть, да играть, я кушать хочу»... Он ответил: «Сию минутку». Пошел во вторую комнату и начал готовить к столу. Она достала из сумочки пистолет, подошла к нему, он в это время резал хлеб, обняла его одной рукой, второй вынула пистолет, поднесла к нему и выстрелила прямо в висок» [25].

После ряда успешных терактов нацисты начали усиленные поиски Т. Маркус и ее товарищей по террористической группе. Оставаться в городе было для членов этой группы слишком опасным, и трое из них – Александр Фалько, Александр Горобец и Татьяна Маркус – попытались на лодке переплыть Днепр и уйти к партизанам на Черниговщину. Однако подпольщики попали в засаду, и в августе 1942 г. Маркус и Горобец были задержаны, а Фалько удалось скрыться. В гестаповских застенках Татьяну подвергали ужасным пыткам, но Маркус вела себя стойко, никого не выдала и была расстреляна.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что вследствие трагедии Бабьего Яра количество советских подпольщиков еврейской национальности было невелико. Вместе с тем в борьбе с фашистами они продемонстрировали активность, отличались смелостью и находчивостью. Своей борьбой они вписали героическую страницу в общую историю города-героя Киева.

Примечания:

1. Бажан О. Суспільні настрої в Українській РСР у перші дні Великої Вітчизняної війни (за документами Галузевого державного архіву Служби безпеки України) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2011. № 2. С. 16.

2. Київ у дні нацистської навали: За документами радянських спецслужб: До 60-річчя визволення України від гітлерівських загарбників: Зб. док. та матеріалів. Київ, Львів: Б. в., 2003. С. 158.

3. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 119.

4. Посадский А.В. Крестьянство по обе линии фронта: к проблеме изучения // Страницы Великой Отечественной... (к 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук. 2005. №3(15). С. 191.
5. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 369. Л. 250.
6. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 119. Л. 300.
7. Гуменна Д. Хрещатий Яр (Київ 1941-43). Роман-хроніка. Нью-Йорк: Слово, 1956. С. 195.
8. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 312. Л. 147-150.
9. Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. Науковий журнал. 2007. № 1. С. 51-52.
10. Праведники народов мира. Избранные истории. Как могли, помогли евреям. Алексей и Татьяна Глаголевы и их дети Магдалина и Николай (Украина) / http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Дата обращения 19.11.2012 г.).
11. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 117.
12. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 107.
13. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 344. Л. 17.
14. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.
15. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 109.
16. Елисаветский С. Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). Партизанское движение в Украине в годы Великой Отечественной войны // Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Під ред. М. І. Тяглого. Дніпропетровськ; Запоріжжя: Ткума, 2004. С. 106-107.
17. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 245. Л. 3-6.
18. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 129-130.
19. Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 5. Д. 58897. Л. 103.
20. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.
21. Государственный архив Киевской области (далее – ГАКО). Ф. П-4. Оп. 2. Д. 1. Л. 139.
22. Тронько П.Т., Овчаренко П.М. Солдаты киевского подполья / Герои подполья. Вып. 1. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1970. С. 338.
23. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 86. Л. 15-16.
24. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 366. Л. 80.

References:

1. Bazhan O. Suspil'ni nastroi v Ukrain'skij RSR u pershi dni Velykoi Vitchyznianoї viny (za dokumentamy Galuzevogo derzhavnogo arhivu Sluzhby bezpeky Ukrainy) // Z arhiviv VUChK-GPU-NKVD-KGB. 2011. № 2. S. 16.
2. Kyiv u dni natsysts'koi navy: Za dokumentamy radians'kyh spetssluzhb: Do 60-richia vyzvolennia Ukrainy vid gitlerivs'kyh zagarbnykiv: Zb. dok. ta materialiv. Kyiv, L'viv: B. v., 2003. S. 158.
3. Tsentralnyi gosudarstvennyi arhiv obshestvennyh organizatsyi Ukrainy (dalee – TsGAOOU). F. 1. Op. 22. D. 353. L. 119.
4. Posadskiy A. V. Krestianstvo po obe linii fronta: k probleme izucheniya // Stranitsy Velikoi Otechestvennoi... (k 60-letiyu Pobedy). Doklady akademii voennyh nauk. 2005. №3(15). S. 191.
5. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 369. L. 250.
6. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 119. L. 300.
7. Gumenna D. Hreshchaty Yar (Kyiv 1941-43). Roman-hronika. New-York: Slovo, 1956. S. 195.
8. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 312. L. 147-150.
9. Prusin A. Ukrainskaia policiya i Holokost v general'nom okruge Kiev, 1941-1943: deistviya i motivatsii // Holokost i suchasnist'. Naukovy zhurnal. 2007. № 1. S. 51-52.
10. Pravedniki narodov mira. Izbrannye istorii. Alexei i Tatiana Glagolevy i ih deti Magdalina i Nikolai (Ukraina) / http://www1.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_glagolev.asp (Data obrashchenia 19.11.2012).
11. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 353. L. 117.
12. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 107.
13. TSGAOU. F. 166. Op. 2. D. 344. L. 17.
14. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 112.

15. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 109.
16. Yelisavetskiy S. Yevrei v dvizhenii Soprotivleniya I partizanskoj bor'be v Ukraine (1941-1944) // Yevreys'kyi opir v Ukraini v period Holokostu. Zb. nauk. st. / Pid red. M. I. Tyaglogo. Dnipropetrovsk; Zaporizhya: Tkuma, 2004. S. 106-107.
17. TSGAOU. F. 166. Op. 3. D. 245. L. 3-6.
18. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 129-130.
19. Gosudarstvennyi arhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy. F. 5. D. 58897. L. 103.
20. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 11. L. 112.
21. Gosudarstvennyi arhiv Kievskoi oblasti (dalee – GAKO). F. П-4. Op. 2. D. 1. L. 139.
22. Tron'ko P. T., Ovcharenko P. M. Soldaty kievskogo podpolya / Geroy podpolya. Vyp. 1. Izd. 3-e. M.: Politizdat, 1970. S. 338.
23. GAKO. F. П-4. Op. 2. D. 86. L. 15-16.
24. TSGAOU. F. 1. Op. 22. D. 366. L. 80.

УДК 93

Евреи в киевском подполье (1941–1943 гг.)

Николай Анатольевич Слободянюк

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта, Украина
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nikslobo@gmail.com

Аннотация. В статье на основе уже известных и впервые опубликованных архивных источников рассматривается участие евреев в антифашистской борьбе советских подпольщиков города Киева. Особое внимание уделяется условиям и методам борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников подполья.

Ключевые слова: Киев; евреи; оккупация; подполье.

UDC 94 (477.6) «1941-1943»

Holidays, Celebrations and Memorable Dates in the Life of Ukraine Population during Nazi Occupation (Military Administration Zone)

Dmitrii N. Titarenko

Donetsk institute of Law, Ukraine
83054, Donetsk, st. Zasyad'ko, 13
PhD (History), Associate Professor
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

Abstract. The article is focused on the role of holidays and memorable dates in the life of population of Ukraine (military administration zone) during the Nazi occupation. The research is based on the sources from the German and Ukrainian archives, oral history data. The paper considers the role of holidays and memorable dates in the official discourse of authorities, as well as the willingness of the population to perceive them. The possibilities of realization of alternative models of holidays, rituals and commemorative practices, initiated by the public are analyzed. The article is focused on celebrations and memorable dates as a means of propaganda and ideological influence on the population. Special attention is attached to the role of religious holidays, particularly, Easter. The author arrived to the conclusion that holidays and celebrations, accompanied by additional day off, changes in food ration, entertainments, enabled the population to escape from reality of living under occupation and fulfilled the vital function of relaxation.

Keywords: Nazi occupation; military administration; East Ukraine; civil population; official holidays; church; propaganda; loyalty; ideological influence; legitimization.

Введение. Война и немецкая оккупация стали временем, которое отразилось не только на судьбе государства и его институтов, но и на обычном образе жизни населения. Вместе с тем изучение истории повседневной жизни как своего рода рутинного процесса жизнедеятельности предусматривает постановку вопроса и о возможностях отхода от привычных условий существования, которые наиболее четко проявляются в праздниках и реализации досуговых практик. При их характеристике, очевидно, должны учитываться как этно-, так и социокультурные особенности населения, мировоззренческо-ценностные ориентиры, специфика политического режима на определенной территории, временные параметры и т.д. С учетом всего этого определенный интерес вызывает роль праздников и памятных дат в жизни населения тех областей Украины, которые в период оккупации вошли в состав зоны военной администрации. Несмотря на наличие определенных наработок по этому вопросу [1], все же более детального анализа требует роль праздников и памятных дат в официальном дискурсе, степень готовности населения к их восприятию, наличие возможностей для реализации альтернативных, инициированных общественностью, моделей праздников и коммеморационных практик.

Материалы и методы. С целью реализации поставленных задач в статье были использованы отчеты органов военного управления, сохранившиеся в фондах командующих тыловыми районами групп армий и комендантов тыловых армейских районов (Федеральный военный архив, Фрайбург), делопроизводственная и актовая документация из фондов областных архивов Украины, характеризующая деятельность местных органов самоуправления. Некоторые особенности личностного восприятия событий периода оккупаций, и в частности праздников, характеризуют материалы интервью, проведенных автором в течение 2005–2011 гг. с людьми, пережившими оккупацию на территории восточных областей Украины. В работе были использованы историко-сравнительный метод и метод устной истории.

Обсуждение. Смена режима, которая произошла на территории Украины в основном осенью 1941, актуализировала вопрос сохранения символов советской власти, которые в определенной степени олицетворялись праздниками. Очевидно, что для населения, деморализованного крахом советского режима, отсутствием достоверной информации о том, что происходит на «Большой земле» и запуганного террором нацистов, следование советским праздничным стандартам было делом опасным. В то же время, учитывая роль праздника в качестве средства формирования и утверждения «общественной цельности» [2], идеологического влияния, информирование населения оккупированных территорий о праздновании 7 ноября 1941 г. в Москве, военном параде на Красной площади стало одной из важнейших задач для советской военной пропаганды, советского подполья и партизан, действовавших на оккупированной территории. В зоне деятельности партизанских отрядов в условиях отсутствия в ряде населенных пунктов не только немецких спецслужб, но и даже немецких гарнизонов это было сделать в некоторой степени проще [3]. В городской черте ситуация была сложнее, хотя, безусловно, попытки каким-либо образом отметить значимые в советском календаре даты случались. Так, в частности, 7 ноября 1941 г. в оккупированном Сталино (ныне – Донецк)

директором Кировского районного радиоузла А. Слободюком на некоторое время были включены громкоговорители с трансляцией из Москвы [4]. Имели место также случаи распространения листовок и вывешивания подпольщиками красных флагов по случаю советских праздников [5], хотя о системном характере этих акций данных нет.

Понимая необходимость создания новой системы идентификации населения, его социокультурной интеграции, формирования новой модели политической лояльности, власть сконцентрировала внимание на создании нового перечня праздников, памятных дат, ритуальных практик.

Особое пропагандистское значение на оккупированной территории придавалось 1 мая, который являлся одним из самых больших государственных праздников как в Советском Союзе, так и в нацистской Германии. Безусловно, в условиях оккупации этот праздник получил новую коннотацию, нашедшую в 1942 г. выражение в пропагандистском пароле «Освобождение труда от рабства большевистской системы» [6], сам праздник при этом отмечался как «День освобожденного от большевизма труда» [7]. Большое внимание при реализации праздничных мероприятий было уделено информированию населения не только о значении этого дня, но и об экономических и политических успехах Германии после прихода нацистов к власти. Цель осуществляемой по случаю этого праздника пропагандистской работы заключалась в том, чтобы донести до населения ключевой тезис – «...повышение производительности труда и добровольное сотрудничество с немецкими учреждениями является необходимым условием для устранения причиненного большевизмом вреда...» [8].

На функционирующих предприятиях, прежде всего в местах дислокации подразделений пропаганды или в непосредственной близости от них, по случаю праздника был проведен ряд торжественных собраний. В тех местах, где осуществление подобных мероприятий было затруднительным, о содержании и значении этого праздника, задачах, которые ставились, население информировалось путем распространения плакатов соответствующего содержания. Как отмечалось в «Отчете о настроениях» отдела пропаганды У («Украина») за май 1942 г., «... интерес населения к празднику был большим, повсеместно количество участников было высоким...» [9].

Следует отметить, что празднование 1 мая 1943 г. проходило на более высоком уровне пропагандистского обеспечения под лозунгами несколько иного содержания: «Борьба трудящихся всех народов против общего большевистского врага» и «Борьба Европы за новый социальный строй и сотрудничество против большевистско-еврейско-плутократической системы» [10]. Празднование сопровождалось выделением населению дополнительных продуктов питания, наделением в торжественной обстановке приусадебными участками земли, устройством праздничных концертов и т.п. Очевидно, что меры такого рода были попыткой реализации новой, более либеральной концепции обращения с населением оккупированных восточных территорий, основные положения которой были изложены в указе Геббельса по вопросам «обращения с европейскими народами». Интерпретацию основных норм этого указа для населения восточных областей Украины содержал приказ «Отношение к гражданскому населению в оперативном районе» за подписью командующего группы армий «Юг» Манштейна [11].

Важное место в официальном праздничном календаре для оккупированных восточных областей уделялось 22 июня – дате нападения на Советский Союз, которая интерпретировалась как «день освобождения». В то время как в 1942 г. о значении этого дня для населения напоминали в основном лишь публикации в прессе, то с 1943 г. на оккупированной территории Советского Союза он должен был получить значение, аналогичное 30 января – дню прихода нацистов к власти в Германии. Логическим следствием признания особого места 22 июня в перечне праздников стала организация торжеств на местах, посвященных, соответственно, годовщине оккупации того или иного населенного пункта. С учетом того, что эти даты вряд ли могли претендовать на статус всенародных праздников с большим количеством участников, властью принимались меры по организации митингов, праздничных собраний, выставок и т.п. При этом ответственность за присутствие на этих мероприятиях возлагалась на руководство учреждений и организаций, органов местного самоуправления. Не без основания полагая, что мероприятия такого рода могут не сопровождаться соответствующей праздничной эйфорией, оккупационная администрация прибегала к более влиятельной аргументации, как это было, в частности, в Нежине: неявка служащих учреждений и предприятий на праздничные торжества в местном театре рассматривалась как невыход на работу с последующим лишением заработной платы [12].

Определенную роль в праздновании событий официального календаря играла и церковь. В документах немецких оккупационных властей неоднократно констатировалось, что деятельность церковных структур соответствует политическим интересам Германии. Безусловно, отправление благодарственных молебнов в церквях по случаю годовщины «освобождения» той или иной местности, упоминание немецких солдат в качестве борцов с «безбожным иудо-большевизмом», призывы с амвонов церквей относительно необходимости ехать на работу в Германию или, как это было в Старобельске в январе 1943 г., молитвы за то, чтобы большевикам не удалось приблизиться к городу [13], не могли не влиять соответствующим образом на настроения местного населения,

собиравшегося на праздничные торжественные службы в церкви. В то же время следует заметить, что такая позиция ряда священнослужителей, учитывая довоенную историю отношений государства и церкви, была объяснимой и, главное, вне зависимости от реального отношения церкви к оккупантам, одной из необходимых предпосылок обретения легитимности со стороны власти на оккупированной территории.

В некоторых случаях представители властных структур, местной интеллигенции по собственной инициативе солидаризировались с теми или иными событиями, которые вошли в официальный праздничный календарь нацистской Германии. Это, в частности, касалось даты 20 апреля – дня рождения Гитлера [14]. Довольно трудно с позиций сегодняшнего дня определить факторы, которыми руководствовались выразившие приветствие по поводу этой даты люди. Шла ли речь здесь об искреннем стремлении некоторых представителей общественности, находившихся в плену иллюзий, увидеть в лице Гитлера строителя «новой Европы», в которой найдется место и украинцам? Являлись ли выражения благодарности Фюреру и вермахту одним из необходимых условий легитимизации, залогом более или менее лояльного отношения к себе со стороны властей? Были ли здравицы Гитлеру инспирированы органами пропаганды? Очевидно, все эти предположения имеют право на существование. Однако бесспорно одно: и сами эти поздравления со стороны представителей местной общественности, и реакция на них со стороны немецких структур способствовали идеологической индоктринации местного населения, включению его в систему ценностно-мировоззренческих и политических координат Третьего рейха.

Одним из элементов празднования дат, носивших политический характер, стало украшение учреждений и жилых помещений портретами Гитлера и иной нацистской пропагандистской символикой. Не отрицая того, что для некоторой части населения такого рода публичные действия могли быть отражением их политической позиции, все же для большинства населения, очевидно, демонстрируемая лояльность была проявлением своеобразной стратегии выживания, которая могла хоть в какой-то мере послужить элементом защиты от насилия и злоупотреблений со стороны оккупанта. Показательными в этом плане являются воспоминания жителя Макеевки Е.М. Фурсова. Он стал свидетелем того, как квартировавший у них немецкий военнослужащий продемонстрировал антивоенные настроения, разорвав портрет Гитлера, который накануне им принес квартирный. Понимая, что это могла быть провокация со стороны солдата, семья не без труда получила другой портрет Гитлера, который повесила вместо разорванного [15].

Событием, которое должно было положительно повлиять на настроения населения и, следовательно, получить статус значимой даты, стало постановление о «новом земельном порядке» от 15 февраля 1942 г. за подписью рейхсминистра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга. Информационно-пропагандистские акции, направленные на местное население, в соответствии с подготовленным Министерством пропаганды Третьего Рейха письмом «Пропагандистская акция относительно аграрной реформы в Советском Союзе» и разработанными отделом пропаганды вермахта «Указаниями по проведению пропагандистской акции относительно нового аграрного порядка», должны были осуществляться в торжественной праздничной обстановке [16].

Процедура выдачи актов на пользование землей, передачи приусадебной земли крестьянам, считавшаяся одним из шагов на пути реализации «нового земельного порядка» на оккупированной территории, проходила довольно часто в присутствии представителей немецкого командования. Апеллируя к традициям украинского земледелия, акцент делали на необходимости предоставления этим торжествам подчеркнута украинского характера, желательности «... пребывания в украинских костюмах» [17].

Торжественный характер, по крайней мере в первой половине 1942 г., власти пытались придать вербовочной кампании, направленной на привлечение трудоспособного гражданского населения на работу в Германию. Особенно наглядно это проявлялось при отправке эшелонов с завербованными на работу в Германию. Создаваемая путем трансляции музыки на вокзалах, распространения различного рода пропагандистских материалов, украшения поездов и т.д. атмосфера праздника при отправлении в Рейх способствовала созданию позитивного настроения у населения [18]. Влияние пропаганды, направленной на привлечение рабочей силы, значительно усиливалось, если пропагандистская акция подкреплялась практическими мерами. Так, во время торжественного отправления 350-тысячного украинского работника в Германию, которое проводилось в Нежине, его семье была подарена корова. Эта мера, по оценке отдела пропаганды У, произвела на население чрезвычайно благоприятное воздействие и «развела у отъезжающих чувство заботы о семьях, которые оставались, в большей степени, нежели это могли сделать многочисленные обещания» [19].

Необходимость повышения эффективности собственной пропаганды и одновременно потребность в осуществлении контрпропагандистских мер, которая стала особенно заметной в 1943 г. по мере успехов Красной Армии и приближения линии фронта, нашла свое выражение в организации пропагандистских собраний. Со стороны органов власти им зачастую пытались придать характер импровизированных праздников. Так, весной 1943 г. в зоне своей ответственности фельдкомендатура 200 дала распоряжение руководителям сельских общин еженедельно по средам и субботам в 17.00

организовывать обязательные для всех работающих народные собрания. Во время их проведения, кроме чтения избранных газетных статей, предусматривались пение и танцы. Правда, у вышестоящего руководства успех такого рода акций из-за сокращения рабочего времени и проблематичности достаточного и вызывающего доверие цензурного надзора вызывал определенные сомнения [20].

Пытаясь расширить свою социальную базу, представители оккупационных властных структур не без успеха использовали религиозную карту. Избегая откровенного вмешательства в церковные дела и предоставляя церкви право самой определять перечень церковных праздников, тем не менее органы военной администрации отмечали, что «... учитывая положение с работой в период войны выходные дни могут быть разрешены только в самые большие праздники – Рождество, Троицу и Пасху» [21]. В соответствии с изданными распоряжениями церковные праздники необходимо было отмечать по григорианскому календарю. Самые большие планы властей были связаны с Пасхой 1942 и 1943 годов. Праздник должен был четко показать населению, что он является не только праздником возрождения Христа, но и символом возрождения народа в освобожденных от большевизма областях [22]. Используя связанную с этим событием риторику «возрождения», начала «новой жизни» оккупационными властями предполагалось осуществить целый ряд мероприятий, значение которых выходило далеко за рамки религиозной сферы. В распространенном в тыловом районе 1-й танковой армии специальном приказе предусматривались, в частности, такие меры, как выдача особой денежной и продовольственной помощи, ускорение работы по открытию новых школ, передача земли в аренду в городах, прирезка в пасхальные дни во время торжественных церемоний с участием немецких военнослужащих приусадебных участков в сельской местности, предоставление дополнительных выходных дней, особый, более либеральный режим пребывания во время праздников на улице [23]. В рамках празднования этого дня предполагалась демонстрация киносеансов и показ предназначенных специально для гражданского населения выступлений театральных коллективов [24], оплата труда по особым, повышенным тарифам [25].

Значительная аудитория, которая собиралась во время пасхальных богослужений, в ряде случаев использовалась для пропагандистских акций. Так, во время молебнов провозглашались здравицы в адрес немецкого Рейха и лично Гитлера, население, как это было в Ворошиловске Ворошиловградской области (ныне – Алчевск Луганской области), информировалось о содержании так называемой «Смоленской декларации» генерала А. Власова и призывалось к сотрудничеству с Германией [26].

В то же время, учитывая, что скопление большого количества людей во время празднования Пасхи (причем речь шла не только о сугубо церковных, но и о светских мероприятиях) может быть использовано и в целях, нежелательных для оккупантов, была отмечена необходимость привлечения для наблюдения за ходом празднования переводчиков и тайных осведомителей.

Определенные меры по случаю празднования Пасхи 1943 года были предусмотрены даже для советских военнопленных. Так, согласно приказу командующего 40-м танковым корпусом предполагалось предоставить военнопленным, чьи родственники находились на оккупированной территории, возможность написать и отправить домой письма (которые, однако, должны были пройти цензуру в оперативных отделах штабов частей корпуса). В рамках Пасхи было проведено богослужение для военнопленных лагеря, расположенного в Близнецах Харьковской области [27].

Очевидно, что все эти шаги следует рассматривать в контексте действий по созданию нового, более позитивного имиджа оккупационной администрации. Это становилось особенно актуальным по мере нарастания политического кризиса оккупационного режима с конца 1942 – начала 1943 года. Среди прочего предусматривалось и поощрение тех религиозных мероприятий, которые могли бы вызвать со стороны населения одобрительный отклик и поддержку.

Интересно, что даже сейчас для части населения, пережившего оккупацию, память о праздновании Пасхи остается одним из самых незабываемых и, как ни парадоксально, положительных впечатлений со времен оккупации: «... Как бы ни было, а Пасху мы встречали. Хоть не было ничего, но Пасху мы праздновали...» [28], «...Ходили мы в церковь, и на Пасху, и в разные церковные праздники. Церковь была, как правило, всегда забита людьми...» [29], «...И вот эта Феклуша, глубоко верующий человек, на Пасху – 42-й год, весной, пошла в церковь. ... И у меня с детства – до этого же церквей не было, я же не видела этого никогда. Вот у меня осталось, что люди шли и несли вот так зажженные свечи. Много людей ходило в церковь...» [30].

Именно празднование Пасхи, наряду с майскими праздниками и возобновлением работы учебных заведений, расценивалось в отчетах органов немецкой военной администрации в качестве ключевого фактора, положительно влияющего на настроения населения и способствующего формированию доброжелательного отношения к вермахту [31]. Правда, как отмечалось, определенным препятствием для более масштабного проведения праздников был хронический недостаток подходящих помещений [32].

Учитывая то, что одной из функций праздников является социокультурная интеграция членов общества, реализовать национально-интегративный потенциал праздников на оккупированной территории, в более широком контексте украинизационных мероприятий, пытались и украинские

националисты. Весомую роль в этом играли ячейки запрещенной в Советской Украине национально-культурной организации «Просвита», которая возобновила свою деятельность уже на оккупированной территории. Имея в качестве ключевой цели сплочение населения на национальной основе, пробуждение у него национального самосознания, активисты «Просвиты» на местах, представители национально сознательной интеллигенции пытались достичь этого и за счет организации праздников, отмечания памятных дат, чествования выдающихся деятелей украинской истории. Безусловно, масштабность праздничных или коммеморационных мероприятий в разных местах зависела от степени организованности там украинской общечественности, способности памяти об этой дате, событии или личности выступить в качестве интегрирующего начала.

Достаточно широко в марте 1942 и 1943 гг. отмечались Шевченковские дни, по случаю которых в ряде городов были организованы концерты. Особенно активно украинская общественность действовала в Харькове, пытаясь использовать любые легальные возможности для популяризации украинской истории и культуры, особо значимых дат украинской истории. В то же время цикл торжеств, проведенных в мае 1942 г. по случаю смерти Симона Петлюры, привел к напряжению в отношениях с оккупационными властями. Немцами было заявлено, что личность Петлюры им не импонирует, поскольку он «... участвовал в изгнании в 1918 г. кайзеровских войск из Украины» [33].

Период оккупации стал временем, когда произошли изменения, связанные и с ритуальными практиками. Либерализация деятельности церковей сделала возможной совершение обрядов крещения, венчания и погребения. При этом крещение приобрело поистине массовый характер, что объяснялось невозможностью для населения практической реализации права на свободу совести в предвоенные годы.

В то же время массовое уничтожение еврейского населения, советских военнопленных, представителей партийно-хозяйственного актива, заложников из числа гражданского населения и не прикрытые в ряде случаев следы этих преступлений, публичные казни обвиняемых в антинемецкой деятельности с запретом захоронения казненных, высокая смертность от голода, болезней, боевых действий, возможность визуального наблюдения этого оказывали глубокое влияние на население. Смерть для человека в период оккупации становилась чем-то привычным, рутинным, с чем можно было встретиться в любой момент, и в то же время чрезвычайно ужасным и неестественным в силу отсутствия возможности отдать последний долг умершим, захоронив их.

Вместе с тем властью была предпринята попытка создать не только свой собственный цикл праздников, но и пантеон героев, который должен вытеснить, заменить советский, став дополнительным фактором легитимизации власти. Ключевую роль в нем играл солдат вермахта – «освободитель» от большевизма. Особое сакральное значение придавалось погибшим немецким солдатам, могилы которых должны были стать объектом особого внимания со стороны местных властей и относительно внешнего вида, в отделке которых устанавливался определенный канон. Вот как, например, должны были выглядеть могилы немецких солдат в соответствии с предписаниями, действовавшими на оккупированной территории в зоне военной администрации: «...Все могилы германских воинов должны быть приведены в порядок, хорошо и просто украшены. Могилы должны быть обложены деревом или камнем. Могильный холмик необходимо украсить зеленью. Могилы, которые находятся в поле, надо огородить, чтобы сохранить их от повреждений, которые может сделать скот. Ограждение должно быть преимущественно из березы и находиться на расстоянии примерно одного метра от могилы. Высота ограждения должна быть примерно 60–80 сантиметров...». Мотив сакрализации могил воинов вермахта органично дополнялся информацией о карательных санкциях, которые должны были сопровождать любое повреждение могил [34].

Результаты и выводы. Введя систему официальных праздников и торжеств на оккупированной территории Украины, власти предприняли попытку расширить арсенал средств и методов пропагандистского воздействия на сознание населения. Отсутствие исторических корней этих праздников на фоне резкого падения жизненного уровня населения, особенно в городах, обусловили скептическое отношение к официозу, сопровождавшему их. Стремление общественно и политически активной украинской интеллигенции предложить свой вариант интерпретации памятных и торжественных событий прошлого лишь частично было поддержано малознакомой с ними общественностью, озабоченной иными проблемами. Более привлекательным для населения был сугубо утилитарный элемент праздников, который заключался в сокращении продолжительности рабочего дня, возможности получения продовольственного набора или бесплатного просмотра кинофильмов. В то же время торжественные мероприятия, особенно по поводу больших церковных праздников, которые сопровождались отдыхом от работы, изменениями в скудном рационе населения, выполняли важную функцию релаксации, давая простому человеку возможность оторваться от суровой реальности, постоянной борьбы за существование, которая была имманентной чертой его жизни под оккупацией.

Примечания:

1. Коваль М.В. «Просвіта» в умовах «нового порядку» (1941-1944 рр.) / М.В. Коваль // Український історичний журнал. 1995. № 2. С. 37-42; Berkhoff, Karel C. *Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule*/ Karel C. Berkhoff. Cambridge: The Belknap press of Harvard University Press, 2004. Р. 192-193, 235-257; Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941-1943) / А.В. Скоробогатов. Харків: Прапор, 2004. С. 195-196; Армстронг Джон. Украинский национализм. Факты и исследования / пер. англ. П.В. Бехтина / Джон Армстронг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 293-295, 304-306; Титаренко Д.М. Політика нацистської окупаційної влади щодо церкви у зоні військової адміністрації / Д.М. Титаренко // Історичні і політологічні дослідження. 2009. № 1 (41). С.134 -135; Грідіна І.М. Духовне життя населення України в роки Другої світової війни (1939-1945) / І.М. Грідіна. Донецьк: ДонНУ, 2010. С. 269.
2. Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника / И.Н. Лаврикова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 74.
3. Ковпак С.А. Від Путивля до Карпат / С. А. Ковпак. Київ : Політвидав України, 1979. С. 68; Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941–1944 / Колл. составителей: О.В. Бажан, С.И.Власенко, А.В. Кентий, Л.В. Легасова, В.С. Лозицкий (рук.). М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 145.
4. Інтерв'ю с Саенко-Полончук М.И., 1925 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, январь 2005 г.) // Личный архив автора.
5. Молодая гвардия. Документы и воспоминания о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 – февр. 1943 гг.). Донецк : Донбасс», 1977. С. 61.
6. Buhbender Ortwin. *Das tötende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg* / Buhbender Ortwin. Seewald Verlag Stuttgart, 1978. S. 278.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее - ВА-МА), RH 22 /28. Bl.277.
8. ВА-МА. RH 22/28. Bl. 277.
9. ВА-МА. RH 22/28. Bl. 277.
10. Buhbender Ortwin. *Das tötende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg* / Buhbender Ortwin. Seewald Verlag Stuttgart, 1978. S. 278.
11. ВА-МА. RH 22/195. Bl. 97-100.
12. Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф Р-4364. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.
13. ВА-МА. RH 22/206. Bl. 62.
14. ГАЧО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2.
15. Інтерв'ю с Фурсовым Е.М., 1932 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
16. ВА-МА. RW 4 /254. Bl.396-398, 416.
17. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
18. ВА-МА. RH 22 /33. Bl.91.
19. ВА-МА. RH 22 /42. Bl.140.
20. ВА-МА. RH 23/353. Bl.47.
21. ВА-МА. RH 22 /205. Bl.63.
22. Buhbender Ortwin. *Op.cit.* S. 278.
23. ВА-МА. RH 21-1/161. (Betr.:Wir feiern Ostern!, 13.4.43).
24. Голос Донбасса. 1943. 25 апр.
25. ГАДО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.
26. ВА-МА. RH 23 /353. Bl.90.
27. ВА-МА. RH 24-40/120 (Betr.: Abschlussbericht über das Osterfest 1943 im Bereich des XXXX Panzerkorps).
28. Інтерв'ю с И. Тамарой Ивановной, 1931 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, январь 2011 г.) // Личный архив автора.
29. Інтерв'ю с Рогозом Б.В., 1933 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
30. Інтерв'ю с Чепик-Митрофановой З.А., 1929 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
31. ВА-МА. RH 23 /353. Bl.45-46.
32. ВА-МА. RH 24-40/120 (Betr.: Abschlussbericht über das Osterfest 1943 im Bereich des XXXX Panzerkorps).
33. Коваль М.В. Указ.соч. С. 39.
34. ГАЧО. Ф. Р-3001. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

Праздники, торжества и памятные даты в жизни населения Украины в период нацистской оккупации (зона военной администрации)

Дмитрий Николаевич Титаренко

Донецкий юридический институт, Украина
кандидат исторических наук, доцент
83054, г. Донецк, ул. Засядько, 13
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

Аннотация. Статья посвящена роли праздников и памятных дат в жизни населения Украины (зона военной администрации) в период нацистской оккупации. Исследование базируется на источниках из немецких и украинских архивов, материалах устной истории. В работе рассматривается место праздников и памятных дат в официальном дискурсе власти, готовность населения к их восприятию. Анализируются возможности реализации альтернативных, инициированных общественностью, моделей праздников, ритуалов и коммеморативных практик. Акцент делается на месте праздников и памятных дат в качестве средства пропагандистского и идеологического влияния на население. Особое место уделено месту церковных праздников, и в частности Пасхи. Сделан вывод о том, что праздники и торжественные мероприятия, которые сопровождалось дополнительными выходными, изменениями в рационе питания, развлекательными мероприятиями, давали населению возможность оторваться от тяжелых реалий жизни под оккупацией, выполняли важную функцию релаксации.

Ключевые слова: нацистская оккупация; военная администрация; Восточная Украина; гражданское население; официальные праздники; церковь; пропаганда; лояльность; идеологическое влияние; легитимизация.

UDC 061.62 (571.16)

Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War (1941–1945)*¹ Sergey F. Fominikh² Alexander Sorokin

¹ Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: fsf@mail2000.ru

² Tomsk State University, Russian Federation
PhD (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. The article examines public forms of science organization and scientific research development during the Great Patriotic War on the example of Tomsk Scientists' Committee. Such public organizations were in charge of mobilizing scientists' efforts, aimed at helping the war front, as well as at the coordination of the work of scientific and educational institutions in cooperation with the Communist Party organizations and industrial enterprises of Siberia. Professors of Tomsk universities and institutions of higher education were the key members of Tomsk Scientists' Committee. Establishment of the first university in Tomsk, as well as in the Asian part of Russia in 1870 laid the foundation for scientific and educational sector development.

Keywords: committees of scientists; science; education; Tomsk; Russia; the Great Patriotic War.

Введение. Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для нашей страны и потребовала крайнего напряжения всех сил и возможностей. Война стала своего рода проверкой на прочность того научно-исследовательского фундамента, который был заложен в Сибири в предшествующие годы. Научная работа ученых велась в невероятно трудных условиях военного времени, когда остро ощущалась нехватка необходимого оборудования и материалов, научных кадров (многие научные сотрудники вузов и научно-исследовательских институтов ушли на фронт). Нередко возникали трудности с отоплением и электроэнергией, не говоря уже о житейских неудобствах и остром дефиците продуктов питания и промышленных товаров.

Исследовательская литература советского и постсоветского периодов, посвященная истории отечественного высшего образования и науки в период Великой Отечественной войны, весьма обширна. В этом плане особо следует выделить работы Л. Грэхэма и И.Г. Дежиной, в которых характеризуются основы организации научной деятельности в СССР, анализируются проблемы российской науки в 1990-е гг. и в настоящее время [1]. Различные аспекты деятельности комитетов ученых Сибири рассмотрены в работах Т.Н. Петровой, Н.П. Федотова, П.А. Зайченко, М.С. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. [2] Однако на сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования по истории Томского комитета ученых.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи послужили материалы фонда «Томский комитет ученых» (Ф. 1078), хранящиеся в Центре документации новейшей истории Томской области. Это протоколы и выписки из протоколов пленумов президиума Комитета ученых, протоколы общегородских собраний ученых и инженеров, отчеты Комитета ученых, обзоры работ томских вузов и научно-исследовательских учреждений, докладные записки, обращения ученых, тематика научных исследований и т.п. Значительная часть этих документов напрямую связана с научно-исследовательской работой, проводимой в Томском университете.

В работе использован сравнительно-исторический метод, дающий возможность вскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, представить общую картину деятельности Томского комитета ученых и выявить общее и особенное в развитии научных школ и направлений в сравнении с существующими подобного рода организациями. При определении различных количественных и качественных характеристик научных исследований широко использовались статистический метод, историко-социологический анализ.

Обсуждение. Накануне войны в Томске насчитывалось 6 вузов, 19 техникумов и 11 научно-исследовательских институтов. Наиболее крупными вузами были Томский государственный университет (ТГУ), Томский индустриальный институт (ТИИ, ныне Томский политехнический

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.В25.31.0009.

университет), Томский медицинский институт (ТМИ), Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ).

Уже к декабрю 1941 г. в этот сибирский город, наряду с промышленными предприятиями и учреждениями, было эвакуировано из Европейской части страны несколько вузов и научно-исследовательских институтов, в том числе Московский станкостроительный институт, Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, Ленинградский театральный институт, Всесоюзный институт экспериментальной медицины. В Томске до 1942 г. размещался и Всесоюзный комитет высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР.

В конце 1941 г. и весь 1942 г. в Томске, насчитывавшем 130 тыс. жителей, находилось около 900 профессоров и доцентов. По словам председателя Томского комитета ученых Б.П. Токина, «не так уж много найдется городов, где бы концентрировалось такое количество ученых» [3. Д. 10. Л. 135 об.].

Война потребовала совершенно новых форм организации научных исследований с тем, чтобы максимально сократить сроки их выполнения и реализации на практике полученных результатов, а саму тематику нацелить на выполнение заказов в интересах обороны и народного хозяйства [4, с. 143]. Перед учеными была поставлена задача – использовать достижения науки для укрепления обороны страны, готовить кадры специалистов, в которых нуждалась армия, оборонные предприятия и транспорт, госпитали.

Для организации эффективной работы ученых в интересах обороны и тыла по инициативе томских ученых и городской партийной организации, спустя несколько дней после начала войны, 27 июня 1941 г., был создан Комитет ученых (Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время). Это была первая подобного рода общественная организация ученых в стране. «Мы, томские ученые, – говорил на городском митинге инициатор создания Комитета ученых, профессор ТГУ В.Д. Кузнецов, – должны немедленно организовать единый коллектив, объединенный страстной мыслью – разгромить и уничтожить врага, ... должны все то, что есть лучшее у нас, отдать Родине» [5, с. 68].

Среди инициаторов создания комитета были ученые томских вузов: профессор Б.П. Токин (председатель, ТГУ), профессор Н.Н. Шмаргунов (заместитель, ТИИ), профессор В.Д. Кузнецов (заместитель, ТГУ), профессор А.Г. Савиных (заместитель, ТМИ) и т.д. В его состав вошли 22 человека, в том числе 17 профессоров и 3 доцента, бригадный инженер и секретарь горкома партии. Состав Комитета ученых утверждался решением Томского горкома ВКП(б) и Томского горисполкома [3. Д. 1. Л. 27].

Б.П. Токин писал в 1942 г.: «Патриотический порыв ученых Сибири создал с первых дней войны особую форму своей научно-патриотической деятельности, свои штабы по мобилизации науки и техники – Комитеты ученых. Зачинателем этого движения оказался старейший университет Сибири с его многочисленными вузами и тысячным отрядом ученых – город Томск» [3. Д. 10. Л. 89 об.].

Организационное заседание Комитета ученых состоялось 30 июня 1941 г. Выступивший на нем секретарь Томского горкома ВКП(б) В.И. Баракшин сообщил, что горком партии обсудил предложение, внесенное В.Д. Кузнецовым и «единодушно поддержанное учеными города Томска», и одобрил ценную инициативу ученых, решив организовать Комитет томских ученых.

Комитет ученых представляет интерес не только как уникальная форма координации работы научных учреждений в военное время, мобилизации сил ученых широкого профиля, но и как особый тип взаимоотношений с властью. Комитет ученых был подчинен партийным организациям города и области. О своей работе он 4 раза отчетывался перед горкомом партии и 2 раза – на общегородских собраниях ученых. Кроме того, деятельность комитета была в поле зрения профсоюзных организаций. В то же время эта была относительно свободная от контроля партии организация. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что председателем Комитета ученых был назначен профессор ТГУ Б.П. Токин. Он в 1937 г. приказом наркома просвещения РСФСР А. Бубнова был освобожден от обязанностей ректора «как не внушающий доверия», «за связь с врагами народа и развал работы в университете» [6, с. 113]. И хотя в 1938 г. его реабилитировали и восстановили в партии, трудно представить, как в военное время в тоталитарном обществе человек с подобным прошлым мог занять руководящую должность. В составе комитета были и беспартийные. Это профессор ТГУ, директор Сибирского физико-технического института (СФТИ) В.Д. Кузнецов (он вступит в партию в 1945 г.), профессор ТМИ А.Г. Савиных, профессор ТИИ И.Н. Бутаков и др.

Вместе с тем следует отметить, что создание подобного рода организаций имело прецеденты в международной практике. Так, в дневнике В.Д. Кузнецова за 1941 г. есть следующая запись: «В капиталистических странах вся наука поставлена на службу войны. В США летом 1940 г. организован исследовательский комитет национальной обороны, во главе которого поставлен доктор Буш – председатель Института Карнеги в Вашингтоне. Его членами являются вместе представители науки и военного и морского министерств». В.Д. Кузнецов упомянул также о создании в 1937 г. в Германии при Министерстве науки и народного образования Имперского совета по научным исследованиям для объединения и направления исследовательских работ в целях обеспечения решения задач военно-хозяйственной подготовки. Такого же рода советы или комитеты были во

Франции и Англии. Вместе с тем В.Д. Кузнецов подчеркнул: «В капиталистических странах наука поставлена для целей войны и для порабощения и эксплуатации трудящихся. Совершенно иную роль играет наука в СССР» [7. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 489. Л. 5-6.].

Постановлением Новосибирского бюро обкома и облисполкома ВКП (б) от 19 июля 1941 г. при Новосибирском облисполкоме был создан Научный совет по мобилизации ресурсов области на службу обороны. В его состав вошли 20 виднейших ученых области, половина из которых представляли Томск [3. Д. 1. Л. 13; 4. С. 253, 254].

По примеру Томска комитеты ученых были созданы и в других городах Сибири: в Новосибирске, Новокузнецке, Кемерово и Омске. В годы войны большую роль в деле координации деятельности ученых играла и Комиссия Академии наук по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана [8, с. 285].

Центром Томского комитета ученых стал СФТИ – «научный штаб патриотов-ученых Томска», как его назвал профессор Б.П. Токин. Заседания проходили в кабинете директора института профессора В.Д. Кузнецова, на них собирались директора и главные инженеры заводов, профессора томских и эвакуированных в Томск вузов [9, с. 112-113].

Первоочередной задачей для Томского комитета ученых стало укрепление связи между наукой и промышленностью. Нужно было перестраивать работу в вузах, осуществлять научные исследования и разработки по укреплению обороноспособности страны. 2 июля 1941 г. на общегородском собрании научных работников Томска профессор Б.П. Токин в своем докладе «Отечественная война и задачи ученых» призвал «...решительно и незамедлительно перестроить научную работу в вузах. Это – наш общий лозунг» [7, с. 68]. 6 октября 1941 г. на втором общегородском собрании научных работников, на котором присутствовало около 530 рабочих инженерно-технических предприятий, председатель горисполкома Н.Г. Годовицин в своем выступлении подчеркнул, что для ученых г. Томска «повседневная связь с инженерно-техническими работниками предприятий является первейшей задачей в интересах общей организации работы» [3. Д. 9. Л. 122].

Благодаря тесному взаимодействию Комитета ученых с городскими и областными партийными организациями обеспечивалась высокая оперативность работы. После изучения той или иной проблемы Комитетом ученых составлялся проект постановления облисполкома или горисполкома, который после его утверждения становился директивным документом [3. Д. 1. Л. 4].

При Томском комитете ученых создавались комиссии: по металлообработке, электротехнической, энергетической, химической, транспортная, топливная, по цветным, черным и нерудным ископаемым, сельскохозяйственная.

На заседании 10 августа 1942 г. пленум Томского комитета ученых обсуждал вопрос о дополнительных организационных формах по мобилизации науки и техники. В практику было введено военно-научное шефство Комитета ученых и отдельных ученых над предприятиями для того, чтобы «они входили во все детали научно-технических нужд заводов, знали технологию процессов, помогали изобретателям и рационализаторам, выдвигали сами предложения с максимальным освоением мощностей заводов» [3. Оп. 1. Д. 7. Л. 101, 104].

Заседания Комитета ученых созывались в зависимости от очередных задач и были кратковременными. Бригады и комиссии из научных работников, создаваемые для оказания технической помощи и консультаций, после выполнения заданий распускались [10, с. 218].

Комитет не имел своего административного аппарата, а члены Томского комитета ученых работали исключительно на общественных началах. Необходимые для научных исследований финансовые средства выделял Новосибирский облисполком. Так, смета расходов на 1942 г. составила 41 тыс. руб., из которых 25 тыс. были переданы экспериментальным мастерским СФТИ на изготовление радиопупа Кашкина-Одинцова. Президиум Комитета расходовал 150 руб. в месяц для сдельной оплаты машинистке и курьеру [3. Д. 7. Л. 33].

Однако эти средства были недостаточными для проведения необходимых исследований. Не располагая достаточным финансированием из госбюджета, университетские ученые вели свои исследования за счет хозяйственных договоров. Так, СФТИ за годы войны привлек таким образом спецсредств на сумму в 790 тыс. руб. [11, с. 59].

Учеными Томска выполнялись самые различные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В числе заказчиков были Управление пути Народного комиссариата путей сообщения, Кузнецкий металлургический комбинат, Уральский медеплавильный завод, геологические учреждения Красноярского края и Кузбасса, Западно-Сибирское геологическое управление, Новосибирское управление гидрометеослужбы и др.

Следует отметить, что к ученым нередко обращались инженеры заводов с просьбой помочь им в разработке или изготовлении приборов. Так, например, в 1942 г. к профессору В.Д. Кузнецову пришли директор М.И. Эдельштейн и инженер С.В. Пинегин завода «Шарикоподшипник» по вопросу изготовления штампа для сепараторов. «Танки стоят в Сталинграде без подшипников <...>. Кроме СФТИ никто изготовить не может <...>. В большом затруднении одни штампы СФТИ уже

сделал. Благодаря ему выпускается 3000 подшивников в день. Все важно, все нужно для фронта...», – писал в своем дневнике В.Д. Кузнецов [7. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 512. Л. 62-63].

В деятельности Томского комитета ученых в годы войны можно выделить несколько основных направлений.

1. Работа по обслуживанию нужд Красной Армии. Так, профессор ТИИ Л.П. Кулев выполнил спецзадание по созданию индикатора отравляющих веществ, который был взят на вооружение Красной Армией. В 1943 г. он был удостоен Сталинской премии. Профессор того же института А.М. Розенберг и доцент Л.Е. Пентегов руководили производством боеприпасов, организованным на базе ТИИ. В спецотделе СФТИ при ТГУ по заданию Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии проводились и были закончены работы по внутренней баллистике минометов, по определению наивыгоднейшей формы пули при сверхскоростях, по разработке новых дульных тормозов и баллистическому расчету орудий (доцент М.С. Горохов, ассистент П.А. Петров). Под руководством профессора В.Д. Кузнецова был выполнен ряд работ по исследованию бронепробиваемости, предложен новый метод, позволивший выявить ряд закономерностей, в частности установить зависимость бронестойкости от механических свойств материала. В.Д. Кузнецов предложил также оригинальный метод пробивания брони. Доцент ТГУ А.Б. Сапожников, научный сотрудник СФТИ Б.П. Кашкин, лаборант ТИИ П.П. Одинцов изобрели прибор для обнаружения металлических включений в теле раненого, который стал широко использоваться в госпиталях Томска и Новосибирска. Получив высокую оценку Главного санитарного управления, радиошуп стал применяться и в полевых госпиталях. Ученые томских вузов работали над вопросами военной оптики, акустики, занимались изучением и введением в практику госпиталей сибирских лекарственных растений и др. [7. Ф. Р-1638. Оп. 1. Д. 36. Л. 29 об.].

Экспериментальные мастерские СФТИ по заданию Государственного комитета обороны для военных заводов и артиллерийских полигонов изготавливали специальные приборы: хронографы Буланже, ружейные велосиметры Себера, динамометры для разрядки патронов, верификаторы для проверки хронографов, бомбы Вьеля для изучения порохов, а также радиошупы для отыскивания пуль и осколков гранат в теле человека при операциях.

2. Помощь промышленности, сельскому хозяйству и транспорту. В первую очередь томские ученые решали вопросы обслуживания оборонных заводов. Так, по заданию Научного совета при Новосибирском облисполкоме ВКП (б) коллектив ученых ТИИ занимался проектированием новых предприятий (по производству ацетона, кислорода и др.). Коллективом ученых во главе с доцентом ТИИ Н.П. Курина была создана простая установка для получения карбида кальция, необходимого для предприятий Сибири. Одним из крупных достижений коллектива сотрудников СФТИ было создание в 1944 г. дефектоскопной тележки модели СФТИ № 13 для выявления дефектов в рельсах, уложенных на железнодорожных путях. В отличие от предыдущих моделей эта тележка представляла собой легкий (весом около 50 кг) аппарат, передвигаемый одним человеком. Дефектоскоп СФТИ № 13 обнаруживал в рельсах все основные виды аварийных дефектов. Опытные модели дефектоскопа проходили длительные испытания на Томской железной дороге. В конце декабря 1944 г. решением специального совещания Народного комиссариата путей сообщения эта модель дефектоскопа была принята на вооружение железнодорожного транспорта страны взамен не оправдавшего себя в работе велодефектоскопа Карпова [9, с. 115].

В условиях войны особенно актуальным стал вопрос о получении заменителей дефицитных материалов из местного сырья. Так, например, в некоторых деталях, применяемых в оптической промышленности, удалось заменить алюминиевые сплавы цинковыми. Особенно широко развернулась деятельность лаборатории диэлектриков СФТИ под руководством доцента К.А. Водопьянова в области изучения электрических свойств ряда материалов для использования их в электроизоляционной промышленности [11, с. 61]. Были изучены электрические свойства слюды мусковита, текстолита и гетинакса для использования на электрозаводах. Сотрудники лаборатории изготовили пасту из бакелита, используя ее вместо изоляционной резины для рукояток электросверл в шахтах. Также была разработана рецептура эмаль-лака для медной проволоки. Работа лаборатории диэлектриков получила должную оценку со стороны Наркомата электропромышленности. Было проведено всесоюзное совещание по вопросам изготовления изоляционных материалов.

В 1941 г. вышел в свет второй том монографии «Физика твердого тела», написанный В.Д. Кузнецовым в соавторстве с профессором М.А. Большаниной. За этот труд в 1942 г. им была присуждена Сталинская премия II степени. Все, кто имел дело с производством рельсов, прокаткой и другими процессами из области физики прочности, находили в этом монументальном труде ответы на сложнейшие вопросы, характеризующие особенности строения, работы и изнашиваемости изделий из металла [12, с. 402].

3. Изучение месторождений полезных ископаемых. В годы войны томскими геологами И.К. Баженовым, А.Я. Булытниковым, Д.А. Васильевым, М.К. Коровиным, И.А. Молчановым, Ю.А. Кузнецовым, В.А. Хахловым, А.Р. Ананьевым были открыты новые месторождения угля, нефелиновых пород, золота и руд [13, с. 123-132]. Изучались слюды Восточно-Сибирского месторождения, широко применяющиеся на заводах электро- и радиопромышленности

(К.А. Водопянов, А.М. Вендерович). Профессора Н.А. Прилежаева и В.М. Кудрявцева, первые советские женщины-доктора физико-математических наук, занимались внедрением метода спектрального анализа в металлургической промышленности Сибири и в геолого-поисковых организациях.

4. Изучение и внедрение в практику растительного лекарственного сырья Сибири. Решение этой крупной задачи диктовалось в первую очередь необходимостью замены импортных и дефицитных лекарственных растений. Под руководством профессора В.В. Ревердатто коллектив ботаников ТГУ совместно с фармакологами ТМИ занимался комплексным изучением сибирских лекарственных растений. Значительный вклад в поиски дополнительных источников лекарственного сырья в Сибири внес коллектив Гербария ТГУ, работавший в 3-х основных направлениях: лекарственные, инсектицидные и пищевые растения. Ботаники ТГУ выезжали в экспедиции для изучения лекарственных растений на Алтай, в Красноярский край и Забайкалье. Уже после окончания войны (1947 г.) профессору ТГУ В.В. Ревердатто и профессорам медицинского института Н.В. Вершинину и Д.Д. Яблокову за работы в области использования лекарственных растений Сибири в лечебной практике была присуждена Сталинская премия [4, с. 186].

По инициативе Комитета ученых и горкома партии были проведены конференции по электроизоляционным материалам, изобретательству и рационализации (конференция по лунинскому движению), лекарственному растительному сырью, медицинские и биологические конференции (по туберкулезу, фитонцидам и т.д.), конференция молодых ученых [1. Д. 2. Л. 65; Д. 1. Л. 30].

Для деятельности комитетов ученых Сибири в годы войны была характерна тесная связь с промышленными предприятиями, что позволяло максимально сократить путь от научной разработки до практического внедрения.

Вскоре после окончания войны 18 мая 1945 г. было принято решение «реорганизовать Томский комитет ученых в Научный совет при облисполкоме и утвердить положение о Научном совете» [5, с. 420].

Закключение. В сложнейшей обстановке военных лет Томский комитет ученых играл ключевую роль в мобилизации усилий ученых, направленных на помощь фронту, промышленности, сельскому хозяйству Сибири, а также координации работы научных и образовательных учреждений с партийными организациями и промышленными предприятиями. Учеными Томска проводились фундаментальные и практически значимые исследования. Лауреатами Сталинской премии стали профессор А.А. Заварзин, В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина, Н.В. Вершинин, Д.Д. Яблоков, В.В. Ревердатто.

Томский комитет ученых сыграл значимую роль в открытии в 1944 г. Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, на основе которого 50 лет тому назад было развернуто Сибирское отделение Академии наук в г. Новосибирске.

Таким образом, можно согласиться с мнением Т.Н. Петровой о том, что в деятельности комитетов ученых и научных советов «как нельзя более ярко проявился патриотизм научных работников, их любовь к родине и стремление отдать для защиты ее все силы и знания» [7, с. 172]. В годы войны ради отстаивания национальной независимости родины интеллигенция сплотилась вокруг советской власти и коммунистической партии.

Примечания

1. Грэхэм Лорен Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998; Graham L., Dezhina I. Science in the new Russia: crisis, aid, reform. Indiana University press, 2008.

2. Петрова Т.Н. Партийное руководство деятельностью Томского комитета ученых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды ТГУ. Т. 128. 1954; Она же. К вопросу об участии комитетов ученых и научных советов в оказании помощи сельскому хозяйству Сибири в 1941–1945 гг. // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм: Доклады и сообщения межвузовской научной конференции. Барнаул, 1969; Федотов Н.П. К истории медицинской деятельности Томского комитета ученых во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Советская медицина. 1964. № 10. Кузнецов М.С. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны // Томск и томичи для фронта и победы: Матер. науч.-практ. конф. Томск, 1995; Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: университет за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960; Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002

3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1

4. Ульянов А.С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.

5. Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого сотрудничества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск, 1968.

6. Профессора Томского университета: биографический словарь. 1917–1945. Томск, 1998. Т. 2.

7. Государственный архив Томской области (ГАТО).
8. Дедюшина Н.А. Вклад ученых Новосибирска в победу над фашистской Германией // Сибирь в Великой Отечественной войне (Матер. конф., посвященной 30-летию победы в Великой Отечественной войне). Новосибирск, 1977.
9. Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт им. академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельности в 1920-е гг. – 1991 г. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 348 с.
10. Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980.
11. Сибирский физико-технический институт: история института в документах и материалах (1941–1978 гг.). Томск, 2006.
12. Левдикова Т.Л. Из истории СФТИ // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1957.
13. Профессора Томского университета: биографический словарь. 1917–1945. Томск, 1998. Т. 2.
14. Томская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов. Томск, 1961.

УДК 061.62 (571.16)

**Томский комитет ученых в годы
Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)**

¹ Сергей Федорович Фоминых
² Александр Николаевич Сорокин

¹ Томский государственный университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: fsf@mail2000.ru

² Томский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. В статье на примере Томского комитета ученых анализируются общественные формы организации науки и развития научных исследований в годы Великой Отечественной войны. Эти общественные организации занимались мобилизацией усилий ученых, направленных на помощь фронту, а также координацией работы научных и образовательных учреждений с партийными организациями и промышленными предприятиями Сибири. Костяк Томского комитета ученых составили профессора вузов Томска, где еще в 1870-х гг. с учреждением первого в Азиатской России университета было положено начало формированию научно-образовательного комплекса.

Ключевые слова: комитеты ученых; наука; образование; Томск; Великая Отечественная война.

UDC 94 (574.42)

Open Pages of the Great Patriotic War History in Kazakhstan

Albina S. Zhanbosinova

S.Amanzholov East Kazakhstan State University, Kazakhstan
4-39, Sevastopolskaya Street, Ust-Kamenogorsk 070010
Dr. (History), Professor
E-mail: sovetuk@rambler.ru

Abstract. The author highlights the open pages of history of the Great Patriotic War within Kazakhstan. This article covers the regional aspect of GULAG-GUPVI camp system activity, shows the history of prisoner of war camps establishment, their location and war prisoners' contribution in restoration of the industry and construction of new strategic facilities within the studied territory.

Keywords: Great Patriotic War; prisoners of war; Kvantunsky Army; camp; GUPVI; special squads.

Введение. Одним из трагических последствий Великой Отечественной войны явились военнопленные, удерживаемые правительством Советского Союза до 1965 года. Официально в исторической науке советского времени проблема военнопленных не освящалась.

Материалы и методы. Автором использован обширный круг архивных источников Государственного Архива Восточно-Казахстанской области и Архива Президента Республики Казахстан.

Обсуждение. Архивная революция периода перестройки послужила толчком к появлению исторических публикаций по проблеме военнопленных Второй мировой войны. Казахская историография не осталась в стороне от столь интересной проблемы, что связано с существованием на ее территории специальных лагерей для содержания военнопленных и интернированных.

Заслуживают внимания диссертации, освещающие вопросы формирования лагерной системы и ее функционирование, показывающие роль и место принудительного труда в экономике Казахстана. Существенный вклад в раскрытие темы внесли докторская диссертация С. Дильманова [1], кандидатские диссертации А. Михеевой [2], С. Елеухановой [3], Р. Бекмагамбетова [4]. Нельзя не отметить научные публикации, имеющие прямое отношение к исследуемой проблеме, – статьи А. Алтаева, Б. Жангутина [5], А. Алданазарова [6]. Указанными авторами рассмотрен широкий круг вопросов, введены в научный оборот документы как местных, так и российских архивов, приведены статистические данные.

Одним из первых российских историков, обративших внимание на проблемы военнопленных и лагерную систему ГУПВИ стал В. Галицкий [7]. Впервые попытку исследования и поиска мест захоронений японских военнопленных в Иркутской области предпринял С. Кузнецов [8]. Попытку статистического анализа предприняли С. Букин и А. Долголюк [9]. Интерес представляет диссертационное исследование М. Спиридонова [10].

Следует отметить, что казахстанскими и российскими учеными проделана значительная работа по изучению проблемы военнопленных Второй мировой войны. Усилиями авторов в научный оборот введено множество архивных материалов и источников, ранее не доступных ученому миру. Изучаемая проблема достаточно молода как для казахстанской, так и российской историографии.

Результаты. На территории Казахстана после Сталинградской битвы появились Спасский лагерь № 99, Актюбинский лагерь № 222. Согласно данным Путеводителя, на территории Казахстана было более 20 лагерей для военнопленных немецкой армии, где впоследствии к ним присоединились японские военнопленные [11]. На территории Восточного Казахстана немцы и японцы появились одновременно с созданием трех лагерей № 347, 528 и 45. Территория Восточного Казахстана попала в «обойму» лагерной системы ввиду активного освоения региона и промышленного строительства, наличия стратегически важного сырья, богатейших рудных запасов. На территории Восточного Казахстана был создан вначале лагерь № 347, имевший несколько географических точек дислокации в Восточном Казахстане.

Таблица 1

Дислокация лагеря №347 на территории Восточного Казахстана*

Место расположения	Лаг. отд. №	Время существования	Место перемещения	Лимит (чел.)	Приказ о создании	Приказ о ликвидации
Лениногорск	6	09.06.1945-04.02.1948	Кировский район	3000-1000	00664	00125
Лениногорск	8	09.06.1945-04.02.1948		1000	00664	00125

Лениногорск	1	09.06.1945- 13.08.1949		2000- 1450	00664	00773
Лениногорск	2	09.06.1945- 26.11.1949		2000- 1200	00664	001403
Усть-Каменогорск	7	09.06.1945- 04.02.1948	Лениногорск	3000- 1000	00664	00125
Усть-Каменогорск	10	? -13.08.1949		1300- 450	Нет сведений	00773
Иртышгэсстрой	5	09.06.1945- 04.02.1948		2000	00664	00125
Зыряновск	3	09.06.1945- 03.03.1947		2000	00664	00234
Белоусовка	4	09.06.1945- 04.02.1948		2000- 1000	00664	00125
Ерофеевка	9	09.06.1945- 04.02.1948		800	00664	00125

*) Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). Путеводитель. Федеральное архивное агентство, 2008. С. 33.

Место дислокации лагеря за № 528 также находилось в районе Лениногорска, рассчитан он был на 4000 военнопленных, действовал очень короткое время, всего три месяца, с 1 июля по 17 октября 1945 года. И лагерь № 45, созданный 4 ноября 1945 года просуществовал до 4 октября 1947 года, он мог принять до 5000 военнопленных [12]. При возведении лагерей не были учтены расстояния до сооружаемых строительных объектов, что проиллюстрировало неэффективность затрат на доставку военнопленных к месту работы и снижение производительности их труда, что и сыграло решающую роль в изменении мест передислокации некоторых лагерей. В момент одного из таких переводов в ночь с 30 на 31 декабря 1945 года пешим ходом трехсот военнопленных из Белоусовки в Ерофеевку, где была создана зона для лагерного отделения, ввиду низкой температуры обморозились 33 человека, из них 1 степени – 16, второй степени – 17 [13].

За нарушение режима военнопленные наказывались выговором или гауптвахтой, карцером, часто нарушавшие отправлялись в штрафные батальоны. В списках военнопленных по лагерю № 45 к высшей мере наказания были приговорены четверо военнопленных японской армии: Кавамура Юичи, 1918 года рождения, сержант; Китазава Минору, 1911 года рождения, старшина; Накао Ватору, 1901 года рождения, звания не имеет; Оониси Хироси, 1918 года рождения, сержант. Все они были расстреляны 30 января 1947 года за попытку бегства и убийство охранника [14].

В Управлении лагерей существовал специальный классификатор работ, выполняемых военнопленными на предприятиях треста «Алтайстрой», что, конечно, не всегда соответствовало реальной действительности использования военнопленных с учетом их категорий, в частности:

1) горнорудные предприятия: тяжелый труд – бурщики и их помощники, крепильщики и их подручные, откатчики, подкидчики, проходчики, выгрузчики руды из люков, лесовозы; средний труд – все квалификации шахтеров, не перечисленные в разделах тяжелый труд; легкий труд – ламповщики, спецовщики, слесаря, дверовые на перемычках;

2) свинцовый завод: тяжелый труд – бункерщики, печевые, шахтовщики, чистильщики колосников, уборщики из-под машин, загрузчики скипа, мотористы, горновые, фурмовщики, сифонщики, подкидчики; средний труд – все рабочие, не перечисленные в разделе тяжелый труд [15].

В декабре 1942 года в соответствии с постановлением ГКО от 29 октября 1942 года в Усть-Каменогорске на базе эвакуированного оборудования Орджоникидзевого цинкового электролитного завода «Электроцинк» было начато строительство цинкового завода № 10. Строительство находилось в подчинении тогда еще Наркомата цветной металлургии СССР. Постановление определило сроки строительства основных объектов, а также сроки ввода в эксплуатацию первой очереди завода в 1943 году мощностью 14000 тонн цинка в год. Строительство завода № 10, в советские времена он носил название десятый почтовый, производилось трестом «Алтайстрой» в лице строительного участка № 2 (ОСМУ № 2), а также ОСМУ № 4 и субподрядчиков Союзхиммонтаж (Кемеровское отделение), Сибспецстрой, Сибспецмонтаж, Союзтеплострой, Союзтеплоизоляция. При строительстве объектов сплошь и рядом нарушались правила техники безопасности, естественно, страдали военнопленные: например, 13 января 1947 года на Зыряновском руднике в результате нарушения техники безопасности произошло обрушение кровли, погибли два бурщика – Харуки Надуо и Ихара Носизима. 28 января 1947 года в момент, когда 2-е военнопленных катили нагруженный вагон, произошло обрушение кровли забоя и завалило военнопленного Адати Наканасуке. Несчастный случай произошел в результате допущенного отставания крепления до 3-х метров при допуске 0,6 п/метра. 21 марта 1947 года погиб Цукано Томио в результате использования надломленной плахи [16].

Заключение. В итоге можно сказать, что исследование вопроса о пребывании японских и немецких военнопленных в Восточном регионе приводит к следующим умозаключениям:

- вывоз в Советский Союз и использование военнопленных японской и немецкой армий был продиктован экономической целесообразностью;
- военнопленные воспринимались, прежде всего как бесплатная трудовая армия, за использование которой конкурировали промышленно-строительные ведомства и министерства СССР;
- вопросы трудового использования военнопленных и решения ГКО определили тактику и стратегию развития экономики страны в целом и приоритеты промышленных объектов экономики Восточного региона Казахстана в частности, сделав упор на развитие черной, цветной добывающей и обрабатывающей отраслей.

Примечания:

1. Дильманов С. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (1930–1956 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2002. 350 с.
2. Михеева А. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века). Дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 190 с.
3. Елеуханова С. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930–1956 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2009. 30 с.
4. Бекмагамбетов Р. Иностранцы военнопленные в системе принудительного труда в Казахстане (1941–1950 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. 27 с.
5. Алтаев А., Жангутин Б. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1939–1951 гг.): Уч. пособие. В 3-х ч. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2006. 104 с.; Жангутин Б. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.) // Отечественная история. 2008. №2. С. 107-114.
6. Алданазаров А. Судьба японских солдат // Казахстанская правда. 1994. 16 июля; Японские могилы на земле Казахстана. Книга памяти. Алма-Ата, 1993.
7. Галицкий В. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4.
8. Кузнецов С. В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1994. 28 с.; Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Уч. пособие. Иркутск, 1994. 190 с.; Сколько японцев похоронено в СССР // Версия. Региональный ежемесячник. Иркутск, 1991. № 5. С. 3-4).
9. Букин С., Долголюк А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки Сибири. 2000. № 2. С. 49-54.
10. Спиридонов М. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, Красноярский гос. педагогический ун-т, Ист. факультет. Красноярск, 2001. 26 с.
11. Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). Путеводитель. Федеральное архивное агентство, 2008. 457 с.
12. Там же.
13. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 6. Д. 51. 243 л.
14. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 12. Д. 106. 180 л.
15. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 7. Д. 60. 473 л.
16. ГАВКО. Ф. 462. Оп. 4. Св. 12. Д. 106. 180 л.

References:

1. Dil'manov S. Ispravitel'no-trudovye lagerja na territorii Kazahstana (1930-1956 gg.): Diss... d-ra ist. nauk. Almaty. 2002. 350 s.
2. Miheeva A. Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Central'nom Kazahstane (1941-nachalo 50-h gg. HH veka): Diss...kand.ist.nauk. Karaganda, 2007. 190 s.
3. Eleuhanova S. Istorija Karlaga: ohrana, rezhim i uslovija soderzhanija zakljuchennyh (1930-1956 gg.). Avtoreferat diss... k.i.n. Karaganda, 2009. 30 s
4. Bekmagambetov R. Inostrannye voennoplennye v sisteme prinuditel'nogo truda v Kazahstane (1941-1950 gg.). Avtoreferat diss... k.i.n. Almaty, 2009. 27 s.
5. Altaev A., Zhanguitin B. GUPVI: voennoplennye i internirovannye na territorii Kazahstana (1939-1951 gg.): Uch. pos. V 3-h ch. Almaty: KazNPU im. Abaja, 2006. 104 s.; Zhanguitin B. GUPVI: voennoplennye i internirovannye na territorii Kazahstana (1941-1951 gg.) // Otechestvennaja istorija. 2008. №2. S. 107-114.
6. Aldanazarov A. Sud'ba japonskih soldat//Kazahstanskaja pravda.-1994.-16 ijulja; Japonskie mogily na zemle Kazahstana. Kniga pamjati. Alma-Ata, 1993.

7. Galickij V. Vrazheskie voennoplennye v SSSR (1941-1945 gg.) // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1990. № 9; Japonskie voennoplennye v SSSR: pravda i domysly // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1991. №4.
8. Kuznecov S. V sibirskom plenu (Japonskie voennoplennye v Vostochnoj Sibiri. Ulan-Udje, 1994. -28 s.; Problema voennoplennyh v rossijsko-japonskih otnoshenijah posle vtoroj mirovoj vojny. Uch.posobie. Irkutsk, 1994. 190 s.; Skol'ko japoncev pohoroneno v SSSR // Versija. Regional'nyj ezhemesjchnik. Irkutsk, 1991. №5. S.3-4).
9. Bukin S. Dolgoljuk A. Formirovanie lagerej voennoplennyh i internirovannyh v Sibiri // Gumanitarnye nauki Sibiri 2000. №2. S.49-54.
10. Spiridonov M. Japonskie voennoplennye v Krasnojarskom krae (1945-1948 gg.): problemy razmeshhenija, sodержanija i trudovogo ispol'zovanija: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02, Krasnojarskij gos. pedagogicheskij un-t, Ist. fakul'tet. Krasnojarsk, 2001. 26 s.
11. Mesta sodержanija voennoplennyh vermahta na territorii byvshego Sovetskogo Sojuza (1941-1956 gg.). Putevoditel'. Federal'noe arhivnoe agentstvo, 2008. 457 s.
12. Tam zhe
13. GAVKO. F. 462. Op. 4. Sv. 6. D. 51. 243 l.
14. GAVKO. F. 462. Op. 4. Sv. 12. D. 106. 180 l.
15. GAVKO. F. 462. Op. 4. Sv. 7. D. 60. 473 l.
16. GAVKO. F. 462. Op. 4. Sv. 12. D. 106. 180 l.

УДК 94 (574.42)

К неизвестным страницам истории Великой Отечественной войны в Казахстане

Альбина Советовна Жанбосинова

Восточно-Казахстанский госуниверситет им. С. Аманжолова, Казахстан
070010, Усть-Каменогорск, ул. Севастопольская, 4-39
доктор исторических наук, профессор
E-mail: sovetuk@rambler.ru

Аннотация. Автор раскрывает неизвестные страницы истории Великой Отечественной войны, связанные с территорией Казахстана. Данная статья вскрывает деятельность лагерной системы ГУЛАГ-ГУПВИ в региональном аспекте, показывает историю создания лагерей для военнопленных, их дислокацию и вклад военнопленных в восстановление промышленности и строительство новых стратегических объектов на исследуемой территории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военнопленные; Квантунская армия; лагерь; ГУПВИ; спецконтингент.

UDC 94(470)«19»

Rear for the Frontline: History of Mine Plant in Chekist Poselok (Settlement) *

Vasilij P. Zinov'ev

Tomsk State University, Russian Federation
634050 Tomskaya oblast, Tomsk, prospect Lenina, 36
Dr. (History), Professor
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract. The article, using Ministry of Internal Affairs' archive data highlights the little-known page in the Great Patriotic War history – People's Commissariat for Internal Affairs' participation in ammunition manufacture on the example of Mine Plant in Chekist Poselok (Settlement), located to the north of Tomsk and established on the grounds of the former Juvenile Prison No.1. Plant resource base has become the core of construction of atomic manufacture and the city of Seversk.

Keywords: Chekist Poselok (Settlement); mine plant; Corrective Labor Colony No.5; prisoners.

Введение. Система исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД являлась мощным хозяйственным механизмом, способным оперативно решать задачи, которые ставило время перед советским государством. В период Великой Отечественной войны возникла необходимость срочно увеличить производство боеприпасов. Задания на производство мин и снарядов были разверстаны по многим предприятиям НКВД, имеющим литейное производство, другие предприятия были перепрофилированы. Одним из крупнейших заводов по производству мин в СССР стал завод в пос. Чекист близ Томска, в котором была расположена детская исправительно-трудовая колония с серьезной производственной базой – фабрикой по производству музыкальных инструментов, деревообрабатывающим, механическим и литейным цехами. Переоборудование и работа минного завода является примером эффективности действия мобилизационного механизма тоталитарной системы в критические моменты истории.

Материалы и методы исследования. Основными источниками для написания статьи стали документы учреждений НКВД, хранящиеся в фонде Р-9414 Главного управления мест заключения НКВД – МВД СССР Государственного архива Российской Федерации, а также в Информационном центре УВД по Томской области – переписка и отчетность по содержанию и использованию в военных целях мест заключения. Привлечены документы Томского обкома ВКП(б). Материалы были собраны при работе автора над историей города Северска [1–3]. Используются методы нарративный и историко-сравнительного анализа.

Обсуждение. Колония № 1, расположенная в пос. Чекист была, наверное, самым крупным промышленным предприятием Томска и его окрестностей: кроме 1513 малолетних правонарушителей и 150 взрослых заключенных, в ней работали 863 вольнонаемных служащих и рабочих и 150 человек военизированной и пожарной охраны. Всего на 1 апреля здесь числилось 2764 человека, кроме членов семей вольнонаемных работников. С ними поселок насчитывал около 5 тыс. человек [4. Л. 19–33].

С началом войны положение поселка резко изменилось. Стало ясно, что музыкальную фабрику перепрофилируют на другую продукцию, а колонию ликвидируют. В первые же дни войны около 200 рабочих и служащих были мобилизованы, потому что вместо 860 штатных работников осталось 672, более 100 штатных единиц не хватало, особенно воспитателей, учителей и шоферов. К декабрю число воспитанников уменьшилось вдвое: их распределяли по томским фабрикам и заводам, по другим колониям. Судьба Чекиста уже была решена, он должен был стать одним из крупнейших производителей боеприпасов. Из Харькова сюда уже двигался эвакуированный завод боеприпасов НКВД. Прибыл он 25 октября 1941 г. и начал размещаться в Чекисте. Два месяца шла подготовка цехов музыкальной фабрики, механо-литейного цеха и деревообрабатывающей фабрики к новому производству. Костяк работников составили прибывшие из Харькова 107 инженерно-технических работников, 27 квалифицированных рабочих (с ними приехали и 145 членов их семей) [5, с. 118], а также бывшие работники ТК № 1. В корпусах колонии разместилась ИТК № 5. С апреля 1942 г. в документах вместо ТК № 1 встречается уже ИТК № 5.

Начальниками ИТК №5 были, судя по подписям на документах, в 1942 г. – Григорий Константинович Вайнберг, в октябре 1942–1943 г. – лейтенант Аким Николаевич Дидоренко¹, а в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»)

¹ В документах имеется только фамилия – Дидоренко, вероятно, это один из воспитанников А.С. Макаренко, Аким Николаевич Дидоренко, бывший директор коммуны и завода им. Дзержинского в Харькове.

1945 г. – Григорий Никитич Яшин и Михаил Иванович Путовкин. Завод выпускал мины М-50, М-82, М-120 и спецкупорку для них. Выпуск мин начался в 1 квартале 1942 г. О числе выпущенных боеприпасов есть точные сведения из справки МВД о производстве боеприпасов на заводах НКВД в годы войны [6. Л. 2, 12-19]:

Таблица 1

Производство мин на минном заводе ИТК № 5 в 1942–1945 гг. (в тыс. штук)

Годы		Марки мин		
		М-50	М-82	М-120
1942	план	94	645	-
	факт	140,3	288,4	-
1943	план	-	870	83
	факт	-	1023,5	84,6
1944	план	-	-	370
	факт	-	-	305
1945	план	-	-	150
	факт	-	-	144
Итого:		1985,8		

Всего на заводах НКВД в годы войны было выпущено около половины всех мин, произведенных в стране, из них каждая двадцатая производилась в ИТК №5, значит, каждая сороковая мина, выпущенная по врагу в Отечественную войну, была сделана в пос. Чекист.

Для того чтобы наладить производство, ряд томских заводов передал в Чекист станки, материалы, оборудование. Однако нужных материалов всегда не хватало, и инженеры завода были вынуждены приспособлять к производству то, что удавалось получить. Наибольший дефицит испытывался в ферромарганце, коксе, графите. Транспорт не справлялся с перевозками. По расчетам инженеров заводу нужно было иметь 15 машин, 130 лошадей и 2 мотовоза на узкоколейке. Реально же было 4 автомашины, 1 мотовоз, 65 лошадей. В период весенней распутицы сообщение прерывалось вообще, так как снимались мосты через Киргизку из-за половодья, завод оставался без песка, глины, дров [7. Л. 3]. В этих условиях напряженные задания 1944 и 1945 гг. минный завод выполнить не смог.

ИТК № 5 являлась крупным заводом по металлу и деревообработке. В 1943 г. здесь было 265 металлорежущих станков, в 1944 г. – 237. В 1944 г. завод дал продукции в ценах 1926/27 гг. на 52 млн рублей при себестоимости в 5,5 млн. рублей [8. Л. 12-13; 9. Л. 100]. На заводе работало от 2,5 до 3 тысяч работников из заключенных. Так, на декабрь 1943 г. ИТК №5 располагала 2926 рабочими, в том числе на производстве мин – 2137, ИТР – 794 человека. На 1 января 1945 г. в ИТК № 5 состояло на заводе 2687 заключенных, в подсобном хозяйстве – 119 человек. Об их физическом состоянии можно судить по ведомости о контингенте [10].

Таблица 2

Контингент заключенных ИТК № 5 на 1 января 1945 г.

Категория заключенных	На фабрике	Подсобное хозяйство	Итого ИТК № 5
План на рабочую силу	2188	51	2239
Наличие заключенных,	2687	119	2807
в т.ч. на работе	1988	51	2039
несовершеннолетних	8	-	-
инвалидов	294	64	358
с ограниченной	693	20	713
трудоспособностью			
со средней трудоспособностью	1008	20	1028
годных к тяжелой работе	684	15	699

О жизни лагеря дает представление отчет о культурно-массовой воспитательной работе среди заключенных ИТЛиК НКВД по Новосибирской области за 2-е полугодие 1943 г. В ИТК № 5 было охвачено трудовым соревнованием 2,5 тысяч человек, организовано 17 фронтовых вахт, во время которых заключенные работали особенно интенсивно. Так, бригада строителей 1 октября 1943 г. в честь присвоения звания Героев социалистического труда товарищам Молотову, Берия, Маленкову, Микояну и другим руководителям промышленности выполнила дневное задание на 975 %. В августе в честь взятия Харькова бригады Сидорова и Полетова выполнили нормы на 237 %, смены мастеров Покатилова и Баханова – на 300 %, смена мастера Чернова – на 600 %, мастера Кучерова – на 750 %.

В честь дня рождения товарища Сталина смена мастера Руденко выполнила норму на 256 %, смена мастеров Степанова и Тимофеева – на 227 %, Кочесова – на 400 %. Цех 3^а выполнял все задания досрочно. В октябре 27 человек из него премированы посылками, то есть им разрешили получить дополнительную посылку от родственников. 7 ноября был проведен слет 300 отличников производства. Что в этом отчете – правда, что – приписка, угадать сложно, так как заключенным был не чужд патриотизм и для победы они работали на совесть.

Лагерное начальство, чтобы поощрить трудолюбие, селило отличников производства отдельно, давало им лучшее питание, спальные принадлежности, хотя и не для всех их хватало [11. Л. 23-30].

Нормы питания, установленные на 1941 г. для заключенных были таковы [11. Л. 23-30]:

Таблица 3

Нормы питания заключенных ИТК № 5 в 1941 г.

Продукты	На непроизводственных работах	На производстве	Стахановцы	Штрафники	Больные
Хлеб	400 гр.	700 гр.	900 гр.	350 гр.	650 гр.
Крупа	55	80	100	20	110
Мясо	15	25	45	-	70
Рыба	80	100	125	45	-
Жиры	8	12	15	4	25
Сахар	5	10	17	-	30
Чай	2	2	2	2	-
Картофель	450	600	700	350	550
Соль	10	15	20	10	-
Яйцо	-	-	-	-	1
Сметана	-	-	-	-	5
Творог	-	-	-	-	5
Молоко	-	-	-	-	250
Лавровый лист, перец	0,2	0,2	0,2	0,1	-

Для политико-воспитательной работы использовались громкие читки газет, вывешивание “молний” с сообщениями о трудовых успехах. Вот пример:

“Молния

В честь взятия нашими доблестными войсками Кременчуга заключенная Арнаутова становится на трехдневную вахту с обязательством выполнять норму не ниже 1000%. Арнаутова вызывает всех работников портновского цеха последовать ее примеру – дать бойцам наибольшее количество теплых шапок”.

“Молния

Арнаутова выполнила свои обязательства, дав на ремонте шапок: 1.Х. – 1110 %, 2.Х. – 1150 %, 3.Х. – 1230 %.”

Во время уборочной в подсобном хозяйстве вывешивали “молнии” такого типа:

“Привет бригаде Кутафиной, отлично работающей на уборке гороха”.

В цехах вывешивались плакаты типа:

“Дадим наступающей Красной Армии новое смертоносное оружие для разгрома ненавистных захватчиков”.

Вывешивались портреты лучших производственников: “Наши тысячники”, “Наши многосотники”. Вырезки из газет вставлялись в стенгазеты и стенды по темам: “Все для фронта, все для победы”, “Героическое прошлое русского народа”, карикатуры на политическую тему и т.д.

В клубе ИТК № 5 инспектор культурно-воспитательной части Шевченко организовала драмкружок, концертный кружок, духовой оркестр, всего в них участвовали 68 человек. Ставились пьесы: “Дым отечества”, “Испытание”, “Без вины виноваты”, “Женитьба”; водевили: “Предложение”, “Медведь”; скетчи: “Дурак”, “Рядовой Шульц”, “Разговор по душам”. Таким образом, репертуар, методы работы не отличались от таковых на обычном заводе той поры. Моральные стимулы, вероятно, действовали, однако более действенными были материальные и организационные. Тех, кто

отказывался от работы в военный период, судили по ст. 58 п. 14 как изменников Родины и пособников врага. В ИТК № 5 были осуждены 129 человек. Одновременно досрочно были освобождены 161 человек, снижены сроки 262 заключенным, были посланы ходатайства о снижении сроков для 187 человек.

В ИТК № 5 был организован также кабинет, где 70 человек обучались математике, русскому языку, физике и резанию металла под руководством инженеров из заключенных [12. Л. 96-108].

Побеги были редкостью – 0,05% от численности заключенных. Нарушения режима были достаточно часты: 4–8% от состава контингента. Основное нарушение – отказ от работы, промот имущества, сожительство, пьянство. Жизнь заключенных в период войны была нелегкой, особенно в 1942 г., когда в отдельных лагерях умирало до четверти всех заключенных.

Вольнонаемные работники уходили на фронт по мобилизации, и их заменяли заключенные. В 1942 г. по штатам из 1562 рабочих и служащих завода боеприпасов 556 были заключенными, в их числе были начальники и главные специалисты основных цехов. Из 71 инженерно-технического работника 15 были заключенными [13. Л. 72-80]. Так, 1 июня 1942 г. убыли на фронт 15 человек, в т.ч. командиры отделений охраны В.П. Краснощек, Е.И. Фисенко, стрелки М.Я. Курочка, С.Т. Корш, А.Ф. Климов, Н.И. Мокуса, Ф.К. Санталов, В.М. Чириков, комендант И.М. Переверзев, шофер Е.И. Бурмистров, управдом А.М. Гольдштейн, цензор В.Г. Лебедев, зав. складом А.И. Шамес, мастер М.Ф. Шляпников, печник Н.М. Шкробка [13. Л. 21].

Наиболее ценные кадры имели “броню” – 120 человек, в т.ч. 50 человек охраны и 70 человек ИТР и квалифицированных рабочих. Из них выделялись приехавшие из Харькова специалисты с высшим образованием, которые и организовали работу завода: начальник цеха В.Н. Карпов, начальник лаборатории В.Д. Бабушкин, начальник диспетчерского отдела В.М. Гуревич, начальник цеха, затем главный инженер завода А.Е. Вайншенкер, юристконсульт Л.И. Захаров, начальник инструментального цеха А.М. Аванесов, начальник ОТК А.М. Аксельбанд, главный механик Н.М. Курченко, технолог Г.В. Колмаков, старший технолог В.В. Лебедев, конструктор И.Л. Португул, механик Д.Е. Розинов, технолог А.А. Соколовский, главный энергетик И.А. Свешников, начальник электроцеха Ф.Ф. Тимченко, начальник ОКСа Н.Ш. Трахтенберг, инженер-металлург В.И. Агафонов, начальник плановой части Д.Б. Коток, старший контролер З.А. Барская, главный инженер Э.Ю. Грановский [13. Л. 62]. Все они, за редким исключением, вернулись в 1945 г. в Харьков.

Заключение. Производство мин было прекращено в Томске в июне 1945 г., производство спецукупорки – в июле, а ИТК № 5 была ликвидирована по приказу НКВД № 427 от 27.X.1945 г. в ноябре 1945 г. [6. Л. 2, 12-19]. Одной из причин ликвидации минного завода была высокая степень износа основных фондов. Здания цехов, по заключению комиссии, были амортизированы на 50–75 %, все помещения были в аварийном состоянии. На восстановление завода требовалось 4–5 млн рублей капиталовложений. Томский горком ВКП(б) в 1944 г. потребовал внести ясность: будет ли завод реконструироваться или будет закрыт? [14. Л. 9-10]. Минный завод в Чекисте был признан бесперспективным, оборудование было вывезено на заводы, расположенные ближе к дальневосточному театру боевых действий. В пос. Чекист разместили ИТЛ «А» для утилизации труда каторжников, обслуживавших лесоперевалку. 7 мая 1949 г. лагерь был ликвидирован, а имущество и персонал переданы новому ИТЛ, включенному в строительство ядерного производства и города Северска. Окончательно лагерь был закрыт в 1976 г.

Примечания:

1. Зиновьев В.П. Поселок Чекист // Неизвестный Северск. Томск: Издательство Томского университета. 1966. С. 60-71.
2. История Северска. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 258 с.
3. История Северска. Очерки./ Под ред. В.П. Зиновьева, Е.А. Хованской, С.В. Березовской. Северск: «Контекст», 378 с.
4. Информационный центр Управления Министерства внутренних дел по Томской области (ИЦ УМВД ТО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1. Подсчет.
5. Из истории земли Томской (1941–1945). Сборник документов и материалов. Томск, 1995. Вып. 3.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2033.
7. Томский областной центр хранения документации новейшей истории (ТО ЦХДНИ). Ф. 80. Оп. 3. Д. 431.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2034.
9. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2015.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1- доп-я. Д. 408.
11. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1919.
12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1463.
13. ИЦ УМВД ТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3.

14. ТОЦХДНИ. Ф. 80. Оп. 3. Д. 431.

УДК 94(470)«19»

Тыл – фронту: из истории минного завода в поселке Чекист

Василий Павлович Зиновьев

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vpz@tsu.ru

Аннотация. В статье на основе архивов МВД раскрывается малоизвестная страница Великой Отечественной войны – участие НКВД в производстве боеприпасов на примере минного завода в пос. Чекист, расположенном к северу от Томска и организованном на основе бывшей детской колонии № 1. Материальная база завода, в свою очередь, стала ядром строительства атомного производства и г. Северска.

Ключевые слова: Поселок Чекист; минный завод; ИТК № 5; заключенные.

UDC 94

Modernization of the Ural Metallurgy during the Great Patriotic War (1941–1945)¹Vladimir V. Zaporii²Vasilii V. Zaporii¹Ural Federal University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: vvzap@mail.ru

²Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
PhD student

Abstract. The article characterizes the Ural industry modernization in war footing, shows the significance of evacuation of enterprises from the Western areas of the country to the region, reveals their role in the formation of a new metallurgical center of modern metallurgy in terms of human resources and manufacture. Innovations in metallurgy, the role of human factor in solving industrial restructuring problem are examined. Forms and methods of science use for the industrial modernization are considered. Solving of human resources problem is shown. The author touches upon the problem of metallurgical sector management in wartime. The role of people's heroism in this difficult period of Russian history is discussed.

Keywords: Ural; USSR; metallurgy; evacuation; patriotism; human factor; innovations; modernization; military industry; human resources; engineers.

Введение. Актуальность обсуждения проблем экономической истории велика, особенно в связи с тем, что в жизнь приходят все новые поколения молодежи, мало представляющей в силу известных причин поворотные этапы нашей истории. Задача ученых – нести в массы объективные знания о нашем прошлом. Определяющим этапом развития народов нашего государства стала Великая Отечественная война в самых разнообразных проявлениях.

Материалы и методы. На основе большого числа имеющихся архивных и других материалов предпринята попытка объективно, с научной точки зрения, осветить реальную историю модернизации одной из основных отраслей промышленности, сыгравшую решающую роль в деле победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Поэтому наряду с общеисторическими методами используется теория модернизации.

Обсуждение. В развитии уральской металлургии период Великой Отечественной войны занял особое место. Война потребовала быстрой и всесторонней мобилизации промышленности, перестройки ее на производство продукции для фронта. Особенно большие и ответственные задачи встали перед работниками уральской металлургии. В первые месяцы войны СССР потерял жизненно важные западные районы. На территории, оккупированной противником в 1941 г., находилось 40 % всего населения страны, 32 % рабочих, 33 % основных фондов промышленных предприятий. Производилось 33 % валовой продукции промышленности страны. На оккупированной территории оказались металлургические предприятия, поставлявшие значительную часть чугуна, стали, никеля, меди, магния, цинка, алюминия. Здесь находились 59 доменных, 126 мартеновских, 13 электросталеплавильных печей, 16 конверторов и 105 прокатных станов. Общие потери мощностей составили по чугуну 14 млн, по стали 12,5 млн т. Полностью прекратилось производство кремния, силумина, необходимых при производстве танков и авиации. Производство проката цветных металлов сократилось в 430 раз [1].

Сложность перехода промышленности на военные рельсы заключалась в том, что ее пришлось осуществлять одновременно по трем направлениям: эвакуация предприятий в восточные районы страны; перестройка действующих предприятий, расположенных вне досягаемости врага; ускоренное строительство новых предприятий на Востоке страны.

27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». В первые месяцы войны в стране началась массовая эвакуация предприятий, людей и материальных ценностей на восток. Основным центром сосредоточения производительных сил страны стал Урал. Важнейшей частью военной экономики региона были прием, размещение и ввод в строй действующих эвакуированных предприятий. Из 1523 предприятий, перебазируемых на Восток, в июле–ноябре 1941 г. на Урал было направлено более 600 (40%). В крае разместились наиболее крупные и важные оборонные заводы. Высокий уровень индустриального развития, громадные и уникальные природные богатства, наличие большого отряда высококвалифицированных промышленных и научных кадров, разветвленная транспортная сеть, выгодное географическое и стратегическое положение позволили превратить Урал в главный арсенал Советской Армии.

Перестройка экономики Урала на обеспечение нужд фронта находилась под жестким контролем ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Использовались чрезвычайные меры, продиктованные военным положением. Выезд на места представителей Центра, телеграммы, телефонные разговоры определяли деятельность местных органов и производственных коллективов. В июле 1941 г. ЦК ВКП(б) созвал в Свердловске совещание секретарей областных комитетов партии Урала, посвященное приему эвакуированных предприятий и населения. В ноябре на Урал был направлен член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Именно на таком уровне властных полномочий разрабатывались и реализовывались меры по быстрейшему размещению и вводу в строй перебазированной промышленности [2].

Эвакуация металлургических предприятий на Урал началась в июне 1941 г. Первым из предприятий металлургической промышленности оказался в прифронтовой зоне комбинат «Североникель». Было принято решение о перебазировании его в Норильск и частично на комбинат «Южуралникель». 26 июня начался демонтаж оборудования. Североникельцы к августу 1941 г. закончили эвакуацию комбината. В июле началась эвакуация ленинградского завода по обработке цветных металлов «Красный выборжец». Были демонтированы двухклетевой прокатный стан 750 весом более 10000 т, три гидравлических пресса, два лентопрокатных стана, трубопрокатный и волочильные станы. Перебазирование на Урал алюминиевых заводов началось в августе 1941 г. В трудных условиях было демонтировано и вывезено в полуторамесячный срок оборудование Днепровского, Волховского и Тихвинского заводов. Днепровский к началу войны был самым крупным алюминиевым предприятием в Европе. Приходилось вручную снимать с фундаментов многотонное оборудование и грузить его в вагоны. Более месяца, под ежедневным минометным и артиллерийским обстрелом, продолжались демонтажные и погрузочные работы. Последний состав с оборудованием ДАЗа ушел 16 сентября, а всего было отправлено более двух тысяч вагонов. Удалось отправить практически все ценное оборудование и материалы.

Тысячи эвакуированных квалифицированных рабочих, инженеров и техников пополнили ряды металлургов и горняков на предприятиях Магнитогорска, Свердловска, Нижнего Тагила, Первоуральска, Серова, Челябинска, Белорецка и других городов. Новое пополнение немедленно включалось в работу. Многие из прибывших на Урал вскоре начали работать в качестве руководителей. Так, главный инженер украинского завода им. Петровского Ф.Д. Воронов возглавил второй доменный цех ММК, М.Х. Лукашенко стал главным инженером, а затем и директором Серовского металлургического завода. Эвакуированное оборудование устанавливалось и вступало в строй в самые короткие сроки. Цель эвакуации состояла в спасении от врага ценного оборудования и в том, чтобы в сжатые сроки поставить его на службу фронту. Размещение эвакуированных предприятий производилось так, чтобы максимально обеспечить увеличение мощностей действующих заводов, производивших оборонную продукцию, и ликвидировать «узкие места» в металлургии Урала. Впервые в истории мировой промышленности целая отрасль была перебазирована в глубокий тыл.

Важное значение имело наличие своевременно созданных на востоке мощных металлургических предприятий, способных принять и разместить массу оборудования и людей. ММК принял людей и разместил оборудование с 34 эвакуированных заводов. Многие предприятия располагали площадками для дальнейшего увеличения производственных мощностей. Это позволило устанавливать эвакуированное оборудование при минимальном объеме строительных и монтажных работ.

В первый год войны в связи с перебазированием машиностроения из западных районов на восток резко изменились пропорции между металлургией и машиностроением восточных районов. Существующие мощности уральской металлургии не обеспечивали машиностроение некоторыми сортами металла. Новые агрегаты и цехи строились на тех предприятиях, где можно было создать в кратчайший срок массовое производство. Война потребовала изменить профиль металлургии Урала. Он состоял в резком увеличении удельного веса легированной стали в выплавке и смене сортамента проката. Повысилась роль Урала как главного поставщика специальных марок стали для боевой техники. Уральские заводы до войны не производили бронелист, поковок для авиационной и танковой промышленности, снарядную заготовку катали в небольших количествах. Качественные стали до войны выплавлялись в электропечах и небольших мартенах с кислым подом (дуплекс-процессом). Для удовлетворения резко возросших потребностей оборонной промышленности в легированных сталях этого было недостаточно. Перевод ряда печей на дуплекс-процесс не дал желаемого результата, так как был малопроизводительным. Выходом из создавшейся ситуации стало освоение выплавки стали в основных мартеновских печах, что казалось невозможным.

До войны броневая сталь в крае не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах стали, ученым, металлургам, коллективу ММК пришлось в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Для этого надо было не только коренным образом изменить технологию, но и перестроить мышление металлургов. Для многих из них был аксиомой запрет на опыты с различными комбинациями металлов на металлургических агрегатах, так как существовал риск их повреждения [3]. Главная заслуга в

решении этой проблемы принадлежала магнитогорцам. Специальное «броннебюро», в состав которого, наряду с учеными-металлургами из ЦНИИ-48 (Центральный научно-исследовательский броневой институт), вошли и работники комбината, разработало принципиально новую технологию выплавки броневой стали в мощных мартенах с основным подом. 23 июля 1941 г. на ММК впервые в мировой практике была осуществлена выплавка броневой стали по новой технологии. В результате ее выпуск вырос с сентября 1941 г. по январь 1942 г. почти в 100 раз. Это произвело переворот в мировой металлургии. О значении этого события говорит то, что в США получение легированных сталей в мартеновских печах тогда рассматривалось как вопрос отдаленной перспективы. Вслед за магнитогорцами выплавка легированных и броневых сталей по аналогичной технологии была налажена на НТМЗ и КМК. Но броневую сталь мало выплавить, ее надо еще прокатать. Сделать это на ММК было не на чем. Эвакуированный из Мариуполя крупнейший в СССР стан еще находился в пути. Тогда главный механик Н.А. Рыженко предложил катать броневой лист на уралмашевском обжимном стане-блюминге. Идею удалось успешно претворить в жизнь, и ММК начал поставлять танковую броню. С введением в действие вывезенного с ленинградского Кировского завода броневое прокатного стана выпуск брони на уральских предприятиях к январю 1942 г. стал равен полугодовому производству на всех заводах СССР до войны, что позволило удовлетворить потребность танковой промышленности. Уральская броня по своим качествам намного превосходила немецкую [4].

Кроме броневой стали, металлурги Урала освоили снарядную, дисковую, автоматную, шлемовую, нержавеющей, шарикоподшипниковую и много других качественных сталей военного назначения. В течение второго полугодия 1941 г. все заводы были переведены на сортамент военного времени. Это осуществлялось по определенной системе разделения и кооперирования труда. Во время войны специализацию края осуществляли по принципу концентрации сортамента на определенных заводах, цехах, агрегатах.

С первых дней войны остро был поставлен вопрос о достройке и расширении Уральского алюминиевого завода и Красногорской ТЭЦ. Это было связано с тем, что Волховский и Днепровский алюминиевые, Тихвинский глиноземный заводы были демонтированы и отправлены на Урал. Вся тяжесть обеспечения оборонной промышленности алюминием легла на плечи УАЗа.

Возрос спрос оборонной промышленности на никель – металл моторов и танковой промышленности. В это время комбинат «Североникель» был демонтирован и не работал, Норильский – только налаживал производство, а Уфалейский и Режевской никелевые заводы не могли полностью удовлетворить запросы фронта. Основная тяжесть по обеспечению страны никелем легла на плечи коллектива «Южуралникель», где организовался филиал института «Гипроникель», что способствовало быстрейшей перестройке и совершенствованию ведущих переделов производства, организации выпуска новых видов продукции, нужной фронту.

В предвоенные годы Орский никелевый завод не выполнял производственного плана. Тормозом было рудное хозяйство, слабо оснащенное техникой, выполнявшее план на 55–65 %. На никелевый рудник для подготовки забоев по добыче руды было послано 1000 чел., в т.ч. 110 рабочих завода, 105 женщин поселка, школьники, учителя. В течение 10 дней на Аккермановском и Айдербакском рудниках были проведены огромные работы: проведена железнодорожная ветка к южному участку залежей никелевых руд, подготовлены условия для разработки северного и нижнего участков. Все это позволило открыть на рудниках дополнительно 5 забоев, создать условия для работы экскаваторов. Уже в августе 1941 г. рудное хозяйство завода выполнило план на 100 %, что позволило комбинату выйти на плановые показатели [5].

Восстановление эвакуированных предприятий и новое строительство происходили в обстановке величайшего трудового и патриотического подъема, в суровых условиях уральской зимы, при нехватке людей, транспорта, строительных материалов, погрузочных механизмов, кранов. Переживая трудности на производстве и в быту, не считаясь со временем, отдыхом, люди, порой при 40-градусном морозе, выполняли необходимую работу.

После эвакуации «Электроцинк» и «Укрцинк» Челябинский цинковый завод стал единственным, выпускающим электролитный цинк и кадмий для оборонной промышленности. В трудных условиях войны коллектив предприятия начал расширять мощности по производству цинка, не снижая выпуска другой необходимой продукции. Были построены в обжиговом цехе две печи, вторые очереди выщелачивательного и электролитного цехов, проведена реконструкция преобразовательной подстанции.

Военная промышленность задыхалась от отсутствия проката цветных металлов. Тяжелое положение сложилось с обеспечением оборонной промышленности радиаторными трубками. В боях под Москвой выходили из строя самолеты и танки из-за частых повреждений радиаторов и бензотопливопроводов. Для их ремонта нужна была специальная трубка. В конце лета 1941 г. на Верхне-Салдинском заводе был пущен эвакуированный из Ленинграда стан 750, и завод приступил к поставкам проката меди и латуни для военной промышленности [6]. На Урале была создана новая отрасль по обработке цветных металлов. Цветная промышленность края стала комплексной [7].

Особо следует отметить Магнитогорский металлургический комбинат, который в военное время играл исключительно важную роль. Выполняя заказы оборонной промышленности, коллектив за

годы войны освоил производство 100 новых марок стали и довел удельный вес качественных и легированных сталей в общей их выплавке до 83 % [8]. ММК увеличил выпуск продукции на 60 %, что было достигнуто за счет как экстенсивных, так и интенсивных факторов. На комбинате в годы войны велось крупное промышленное строительство, капиталовложения в которое составили 749 млн руб. – столько же, как за вторую пятилетку. В ходе строительства были введены в строй две домны и пять мартеновских печей, два прокатных стана, четыре коксовые батареи, две аглоленты, несколько новых цехов. Основные производственные фонды комбината за это время увеличились на 57 %, численность персонала на 63 % [9]. ММК приобрел исключительное значение. В 1942–1944 гг. он давал стране 33 % чугуна, 25 % стали и проката, 56 % железной руды и 30 % кокса. Каждый второй танк был одет в магнитогорскую броню, каждый третий снаряд сделан из магнитогорского металла [10].

Особое значение для оборонной промышленности имело производство труб, необходимых для изготовления самолетов, танков, орудий, минометов, снарядов. Основная нагрузка в снабжении фронта и народного хозяйства трубами легла на ПНТЗ. Новотрубники освоили производство 129 видов минометных и шарикоподшипниковых труб, труб для авиационной, танковой, артиллерийской, нефтяной промышленности, для реактивных снарядов, наладили выпуск гранат. За военные годы ими было изготовлено 10 млн. реактивных снарядов, 465 тыс. минометных стволов, 1 600 тыс. цилиндров для танковых моторов. Каждый второй ствол артиллерийского орудия был сделан из продукции завода [11].

Остро встала и проблема метизов. В результате эвакуации заводов из европейской части страны производство этой продукции за 1940–1942 гг. сократилось более чем в четыре раза. Частично проблема метизов была решена путем размещения на Урале оборудования эвакуированных метизных заводов. В 1942 г. по ее проектам были построены три метизных завода в Магнитогорске (калибровочный, метизно-металлургический и сеточный). В результате на этих специализированных предприятиях производились лента холодной прокатки, стальные канаты, металлические сетки, стальная и железная проволока.

Уральские заводы и промыслы давали значительное количество благородных металлов. В 1941 г. страна получила от комбината «Березовскзолото» 2534 кг золота, 4084 кг серебра; от треста «Чкавзолото» – 575 кг золота. Пышминский медеэлектролитный завод дал 23821 кг золота [12].

В годы войны в оборонной промышленности был сохранен костяк кадровых рабочих и служащих. В армию было призвано сравнительно небольшое их число. Недостаток рабочей силы в важнейших отраслях промышленности края был в течение лишь первого года войны. Потребности уральской промышленности в основном были удовлетворены к середине 1942 г. Благодаря системе подготовки и распределения рабочей силы военное хозяйство не испытывало серьезных затруднений от ее недостатка. На ММК за время войны 18 тыс. рабочих повысили квалификацию, а техническое обучение прошли 61,6 тыс. [13] Исключительно большую роль в формировании индустриальных кадров Урала сыграли десятки тысяч эвакуированных рабочих и ИТР, которые принесли с собой высокую производственную культуру, богатый технический и организационный опыт. На ряде предприятий эвакуированные рабочие и служащие образовали ядро, вокруг которого складывались коллективы, успешно осваивавшие новые для региона производства. Проблему обеспечения индустриального сектора рабочей силой помогала решать система трудовых повинностей, мобилизации, использование труда заключенных, спецпереселенцев и военнопленных. Основной сферой использования несвободного труда были трудоемкие отрасли экономики. Наркоматом обороны и НКВД СССР была создана трудовая армия. Она имела несколько разновидностей своих подразделений: стройбатальоны, рабочие колонны, лагеря советских немцев и др. Наряду с ними на Урале было много военнопленных и интернированных. К лету 1945 г. их число составило в крае 250 тыс. чел. Их труд использовался на лесозаготовках, шахтах и в строительстве [14].

Результаты. За время войны в металлургии края произошли такие кардинальные изменения, на которые при довоенных темпах развития ушли бы многие годы. Завершив переориентацию на выпуск продукции военного назначения, отрасль уже к середине 1942 г. превратилась в металлургию качественных сталей, став прочным фундаментом оборонной промышленности страны. Осваивая новые производства, уральские металлурги проделали большую работу по внедрению прогрессивной техники и технологии, механизации и автоматизации труда. На заводах были созданы специальные бюро механизации или инициативные группы по рационализации и механизации. За счет внедрения малой механизации на 22 металлургических предприятиях Урала в военное время были высвобождены 4 тыс. рабочих [15].

В годы Великой Отечественной войны на Урале производилось 60% черных металлов и 40 % военной продукции Советского Союза. Были существенно увеличены мощности металлургических предприятий. В короткий срок были построены крупные металлургические заводы – Челябинский и Чебаркульский. Увеличение производства металлургической продукции было достигнуто за счет строительства в крае на новейшей технологической базе и ввода в эксплуатацию 10 доменных, 32 мартеновских, 16 электро-, 16 ферросплавных печей, 2 бессемеровских конвертеров, 12 прокатных и 6 трубопрокатных станков, 11 коксовых батарей, более 100 шахт и угольных разрезов, которое

составило от 85 до 100 % всех металлургических агрегатов, введенных в строй за время войны на востоке СССР [16].

Динамика производства черных металлов на Урале в годы войны
(в % к общесоюзному производству) [17]

Продукция	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1945 к 1940 в %
Чугун	18,2	25,3	65,3	65,9	62,6	58,1	188,4
Сталь	21,4	27,0	56,1	57,3	53,0	53,0	165,5
Прокат	21,6	27,7	58,2	57,5	52,8	51,6	154,9
Трубы стальные	7,1	19,2	86,8	89,1	-	65,1	638,8

Самоотверженный труд тружеников цветной промышленности Урала в годы войны позволил более полно использовать производственные мощности предприятий отрасли и обеспечить потребности Красной Армии в тяжелых, благородных и редких цветных металлах, боеприпасах, вооружении. Производство черновой меди в 1945 г. к 1940 г. увеличилось на 59,9 %, электролитной меди – на 94,8 %, никеля – на 186,5 %, алюминия – на 554,1 %, кобальта – на 1782,1 % [18].

Большой вклад в дело победы над фашистской Германией внесли труженики медеплавильных заводов и рудников Урала. Только три медеплавильных завода – Красноуральский, Кировградский и Среднеуральский – выплавляли со второй половины 1941 г. по май 1945 г. 185053 т черновой меди и произвели 832394 спецдеталей боеприпасов. Из них Красноуральский медеплавильный завод выплавил 76043 т черновой меди, Кировградский – 74417 т. 80 % снарядных и патронных гильз производили из меди, выпущенной Пышминским медеэлектролитным заводом. В 1941 г. он выплавил 125,9 тыс. т рафинированной меди и 46439 кг золота в металле. Если до войны завод выдавал 9 видов продукции, то в конце войны – 17. Он был крупным поставщиком серебра, селена, теллура, биметалла, медного порошка, медного купороса, сульфата никеля и др. [19].

За годы войны уральцы значительно увеличили добычу золота, серебра и других драгоценных металлов. Только комбинат «Березовскзолото» с 1940 по май 1945 гг. добыл 4118 кг золота, 6158 кг серебра, 174 кг платиноидов и других металлов. С 1942 г. на Урале была организована добыча алмазов из россыпей и изумрудов [21]. Была заново создана промышленность по обработке и прокату цветных металлов. Выпуск цветного проката здесь превзошел его довоенное производство на всей территории СССР. Только заводы № 515, № 518, № 519, Михайловский, ВСМЗ Свердловской области выдали со второй половины 1941 г. по май 1945 г. 246748 т цветного проката [22].

Рост выпуска цветных металлов за годы войны позволил заново создать на Урале металлургические и литейно-механические заводы легких сплавов, снабжающих авиационную промышленность полуфабрикатами из них. Вступивший в строй 12 марта 1942 г. единственный в стране Каменск-Уральский литейно-механический завод всю войну обеспечивал фронтową авиацию колесными изделиями для самолетов всех типов, успешно громивших врага и приближавших День Победы [23]. 6 февраля 1942 г. была сдана в эксплуатацию первая электропечь на Каменск-Уральском металлургическом заводе легких сплавов, а уже 14 февраля она дала первую плавку. В 1943 г. было изготовлено 6011 т штамповок лопастей, а в 1944 г. – в пять с лишним раз возрос выпуск валовой продукции по сравнению с 1943 г., оборонной продукции – в семь раз [24].

Выводы. В годы войны на Урале производилось до 90 % железной руды, около 70 % марганца. Такие металлы, как алюминий, никель, хром, платина, добывались только на Урале. В эти годы оборонное производство в крае выросло в шесть раз. На долю региона приходилось около 40 % всей продукции военной промышленности страны, а тяжелых танков – все 100 % [25]. Металлургия Урала смогла в полной мере обеспечить нужды военной промышленности в металлах и сплавах. Своеобразие и сложность военной перестройки металлургии на Урале заключались в том, что ее пришлось осуществлять одновременно по двум направлениям: перестройка действующих предприятий и ускоренное строительство новых предприятий. Перестроив свою работу на военный лад, отрасль с каждым днем наращивала выпуск металла. За годы войны металлургическая промышленность стала комплексной. Она включала в себя добычу, обогащение руды, металлургию и обработку, прокат. Предприятия металлургической промышленности Урала наладили специальное военное производство на базе вспомогательных и ремонтно-механических цехов, а также специально созданных для этих целей участков по изготовлению вооружения и боеприпасов. Самоотверженный труд в годы войны тружеников уральской металлургии, рационализаторов и изобретателей позволил более полно использовать производственные мощности предприятий. В то время как рабочие осваивали, совершенствовали новые технологии, специалисты-инженеры искали способы уменьшения расходов сырья, энергии, рабочей силы за счет технических изобретений и рационализации. Героический труд металлургов Урала способствовал обеспечению потребностей Красной Армии в черных, тяжелых, благородных и редких цветных металлах, боеприпасах, вооружении. Усилия трудящихся края в развитии многоотраслевой, комплексной металлургической

промышленности в годы Великой Отечественной войны имели огромное значение для укрепления обороны страны, для достижения победы над врагом.

Примечания:

1. Вознесенский Н.А. Избранные произведения. 1931–1947. М., 1979. С. 504.
2. Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., С. 39, 40.
3. Слово о Магнитке. М., 1979. С. 121.
4. Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX века. Екатеринбург. 2001. С. 284- 285.
5. ЦДНИОО (Центр документации научных исследований Оренбургской области). Ф. 371. Оп. 5. Д. 320. Л. 19, 24, 31.
6. Моисеев Г.С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.) Екатеринбург. 2003. С. 325.
7. Осинцев А.С. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960. С. 61-62.
8. Великий подвиг труда. Челябинск, 1970. С. 88.
9. Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. 1992. С. 126.
10. Великий подвиг труда. С. 88.
11. Антуфьев А.А. Указ. соч. С. 135.
12. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 18. Д. 24а. Л. 57.
13. Осинцев А.С. Указ. соч. С. 62-63.
14. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 15-30.
15. Антуфьев А.А. Указ. соч. С. 145.
16. Горшков А.А. Основные этапы в развитии уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования // Из истории черной металлургии Урала. Труды Уральского политехнического института. Сб. 40. Свердловск. 1957. С. 46.
17. Антуфьев А.А. Указ. соч. С. 140.
18. История народного хозяйства Урала (1917–1945). Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 200.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 24а. Л. 40, 56, 57, 58; Оп. 31. Д. 617. Л. 217, 218.
20. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 1. Л. 26, 27; Оп. 5. Д. 354. Л. 1.
21. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 24а. Л. 56.
22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 24а. Л. 40, 51, 54.
23. Каменский рабочий. 1997. 11 марта.
24. История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. М., 1983. С. 341, 342; Котлов А. Дорога длиною в жизнь. Каменск-Уральский, 1995. С. 191.
25. Зубрилов Л.Е., Дементьев И.В. Вклад горнорудного Урала в победу в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 3-4.

УДК 669 (470.5):94(47).084.8

Модернизация уральской металлургии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

¹ Владимир Васильевич Запарий
² Василий Владимирович Запарий

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

620002 Екатеринбург, пр. Мира, 19. Т-807.

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: vvzap@mail.ru

² Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация
аспирант

Аннотация. В статье дается характеристика процесса модернизации Уральской металлургии на военный лад. Показано значение эвакуации предприятий из западных районов страны в регион. Выявлена их роль в формировании фактически нового металлургического центра современной металлургии как в кадровом, так и производственном аспектах. Выявлены пути инноваций в металлургию, роль человеческого фактора в решении вопросов производственной перестройки. Раскрываются формы и методы использования науки в деле модернизации отрасли. Показано, как решался кадровый вопрос. Затронуты проблемы управления металлургическим комплексом в условиях чрезвычайного военного времени. Подчеркнута роль героизма людей в этот тяжелый период отечественной истории.

Ключевые слова: Урал; СССР; металлургия; эвакуация; патриотизм; человеческий фактор; инновации; модернизация; военная промышленность; кадры; инженеры.

UDC 94(47).084.8

Faith and Superstitions in the Frontline and in the Rear in Wartime (1941-1945)*

Evgeny F. Krinko

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Dr. (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. The article deals with the faith and superstitions of the Soviet citizens in the frontline and in the rear during the Great Patriotic War. The study of the religion history in the USSR in 1941-1945 was significantly influenced by ideology. This theme has been thoroughly studied in recent years, but the attention is mainly attached to its institutional aspects and the role of religion in lives of Soviet citizens is still little-studied. Nevertheless, by the start of war, considerable part of the population maintained its religious beliefs, despite the anti-religious policy of the Soviet authorities. The war increased the faith of Soviet citizens in the frontline, in the rear and within the occupied territory. It was mainly caused by the extreme wartime situation. Different superstitions and omens gained a wide circulation. Despite the fact that they had different content, both rites and prayers, acknowledged by the church and the omens and superstitions, rejected by the church have become the necessary ways of people psychological adaptation to wartime severities and hardships. The conclusions, which were made with the help of different sources, such as official documents, statistical data, both published and collected in the course of work under the theme of participants and eyewitnesses' recollections, help us to imagine the collective consciousness of the Soviet society during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; faith; superstitions; collective consciousness; private life; wartime routine; Soviet society.

Введение. Изучение религиозной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны долгие годы находилось под влиянием господствовавшей идеологии. Специальных работ на данную тему практически не публиковалось, лишь фрагментарно она была представлена в обобщающих работах о роли религии и церкви в советском обществе. При этом апологетизировалась политика советского государства, ничего не говорилось о гонениях на церковь, замалчивались и принижались патриотическая позиция и вклад в победу над врагом служителей различных конфессий. Только в последние два десятилетия появился ряд обобщающих и специальных исследований, вносящих немалый вклад в изучение истории религии в годы Великой Отечественной войны. В основном они посвящены ее институциональным аспектам, взаимоотношениям церкви и власти в условиях военного времени, а также развитию религиозной жизни на оккупированных советских территориях [1]. В то же время вопросы веры и суеверий советских граждан на фронте и в тылу все еще остаются недостаточно разработанными.

Материалы и методы. Источники изучения рассматриваемой проблемы можно разделить на три основные группы. Первую из них составляют официальные документы, хранящиеся в федеральных архивах и архивах субъектов Российской Федерации и лишь частично опубликованные [2]. Вторую – статические источники: материалы переписей населений, позволяющие судить о численности верующих накануне Великой Отечественной войны. Третью – источники личного происхождения: воспоминания, письма, а также устные рассказы участников и очевидцев рассматриваемых событий. В их использовании автор опирался на уже существующий опыт устно-исторических исследований в России и других странах [3].

Обсуждение. Несмотря на откровенно антицерковную и антирелигиозную политику, проводившуюся руководством страны в 1920–1930-х гг., к началу Великой Отечественной войны значительная часть населения сохранила приверженность православию, немалой оставалась численность мусульман и представителей других конфессий, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. В ходе ее подготовки советские граждане старше 16 лет должны были определить свое отношение к религии, а верующие – назвать свое вероисповедание. Ранее статистики считали подобный вопрос некорректным, но при подготовке переписи его вписал лично И.В. Сталин, которому никто не стал возражать. Вероятно, советское руководство рассчитывало получить подтверждения полной победы атеизма в стране, но эти ожидания не подтвердились. Согласно результатам переписи, верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше в СССР оказалось 55,3 млн чел. (56,7 %). При этом христианами признали себя 43,79 % опрошенных (почти 80 % всех

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

верующих), в том числе: православными – 42,29 %, католиками – 0,49 %, протестантами – 0,47 %, старообрядцами – 0,4 %, григорианами – 0,14 %. Мусульманами – 8,39 %, иудаистами – 0,29 %, буддистами – 0,08 %, сторонниками традиционных верований – 3,62 %. Неверующих оказалось 42,2 млн чел. (43,3 %). В действительности верующих было больше: 20 % опрошиваемых вообще уклонились от ответа на вопрос о религии, а часть, очевидно, дала неискренние ответы, опасаясь возможных преследований [4].

Особый интерес вызывают данные переписи об отношении к религии представителей различных возрастных когорт. Среди верующих преобладали люди старших возрастов, а каждая более молодая когорта населения СССР проявляла значительно меньшую религиозность по сравнению с предыдущей. Например, в возрастной группе 20–29 лет православные составили 32,7 %, мусульмане – 7,1 %, в то время как атеисты – 55,3 %. В возрастной группе 16–19 лет православные составили 25 %, мусульмане – 5,5 %, а атеисты – уже 62,3 %. Верующие также преобладали среди неграмотных и женщин (на 100 православных женщин приходился всего 51 мужчина) [5].

Результаты переписи признали неудовлетворительными и засекретили, а при проведении Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. вопрос о религии был исключен из переписного листа. И все же можно уверенно считать, что к началу Великой Отечественной войны более половины населения страны составляли верующие. Особенно сильным влияние религии оставалось в сельской местности. Невзирая на негативное отношение партийных органов, в деревне продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего пасху, во время которой на работу не выходило до половины, а то и более колхозников.

Так, на пасху в 1941 г. (20–21 апреля) в церкви Новоселицкого района Орджоникидзевского (в настоящее время – Ставропольского) края собралось свыше 1 тыс. верующих. На работу не вышло свыше 2 тыс. чел. в колхозах «Садовод», «Красный воин» и других хозяйствах. Исполнению обрядов не помешали даже уничтожение многих церквей и представителей духовенства: их совершали переходившие из села в село бродячие священники, притом в заочной форме – не над самим верующим, а над принадлежавшей ему вещице. Крещение проводилось без ребенка, которому затем вешали крестный крестик; заупокойная молитва при похоронах совершалась над горстью земли с могилы, где был похоронен умерший, а потом ее возвращали родственникам; обряд венчания совершался с кольцами, затем вручавшимися молодым. Даже отдельные коммунисты, в том числе занимавшие ответственные руководящие должности, продолжали соблюдать обряды и сохранять в домах иконы, объясняя это влиянием других членов семей. В Новоселицком районе бывший руководитель районного отдела здравоохранения Гончаров, секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Ефимов, заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Матвеев, инструктор райкома ВКП(б) Дружинин, председатель сельсовета Гуржуенко окрестили своих детей, а когда от них потребовали объяснения, «то они всю вину стали относить на своих жен и матерей» [6].

Мусульмане также продолжали отмечать свои религиозные праздники – курбан-байрам, уразу-байрам, выполняли религиозные обряды. В отсутствие мулл их обязанности выполняли старики, лучше знавшие традиции и обряды. Например, в 1941 г. в ауле Ново-Кувинском Черкесской автономной области уразу соблюдали 48 чел., а в ауле Эрсакон – более 100 чел., среди которых были и комсомольцы. В 1940 г. массово проводился обряд освящения реки Зеленчука в целях вызова дождя, на специальных совещаниях ставился вопрос о необходимости поливки кладбища [7].

Если гонения на православную церковь начались практически с момента прихода к власти большевиков, то к сектантам советская власть в первые годы своего существования относилась вполне терпимо. Однако с конца 1920-х гг. на сектантов также обрушились репрессии. К 1940 г. ряд религиозных организаций был полностью уничтожен, другие продолжали свою деятельность на нелегальной основе. Среди них были баптисты-евангелисты, пятидесятники, старообрядцы, духоборы, хлысты, «истинно-православные христиане» и др. Так, в станице Кардоникской Карачаевской автономной области накануне войны была раскрыта секта «молчальников», отказывавшихся принимать любые государственные обязательства и признавать советскую власть, они не платили налоги и не пускали детей в школу [8].

Власти негативно воспринимали подобные проявления религиозной жизни, видя в них угрозу «колхозному строительству и оборонному могуществу СССР». В докладной записке уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцева 18 июня 1941 г. отмечалось: «Остатки разгромленных церковно-сектантских к[онтр]р[еволюционных] элементов, уйдя в более глубокое подполье, продолжают вести свою к[онтр]р[еволюционную] работу. Вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются к[онтр]р[еволюционные] элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу» [9]. В то же время увеличение числа «катакомбников», отвергавших подчинение Московскому патриархату и обвинявших его в сотрудничестве с большевиками, заставило власти признать, что «заккрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций» [10]. Поэтому одни лишь административные меры, выразившиеся в закрытии храмов, признавались неэффективными методами управления.

В Вооруженных силах СССР доля верующих была меньше, чем в стране в целом, поскольку в них служили преимущественно мужчины молодого и зрелого возраста. В 1941 г. на военной службе

находились юноши 1919–1922 гг. рождения, которым в 1937 г. было по 15–18 лет – представители демографической группы, в которой были наиболее сильны атеистические воззрения. К тому же сама служба в рядах РККА также оказывала воздействие на формирование материалистического мировоззрения у молодых людей. Однако численность верующих и среди военнослужащих оставалась весьма значительной. Об этом свидетельствуют материалы книги эмигранта В.М. Зензинова, основанной на письмах, собранных у погибших советских красноармейцев в годы советско-финской войны 1939–1940 гг. и беседах с советскими военнопленными. Всего им было собрано и использовано 542 письма, при этом только в одном из них, по словам автора, «религиозный момент трактуется специально и в том именно духе, какого требовала четвертьвековая антирелигиозная правительственная пропаганда». В большинстве остальных писем нередко встречаются обращения к Богу, призывы о Божьей помощи, родительские благословения – «и не всегда все это носит один лишь бытовой характер, проявление укоренившейся с детских лет привычки. В этих привычных, видимо, выражениях чувствуется иной раз и подлинное религиозное чувство» [11].

Результаты. С начала Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла патриотическую позицию, поддержав советскую власть в борьбе с врагом. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 г. обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви». Он призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему «в тяжкий час испытания всем, чем каждый может» [12]. Позицию митрополита Сергея разделяло большинство православных иерархов и приходского духовенства. В посланиях главы обновленческого направления митрополита Александра (Введенского) также звучал призыв ко всем православным, «от священства и до малейшего мирянина», не только молиться, но и действовать: «С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие исполнят свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил исполняют свои обязанности перед Родиной» [13]. 18 июля 1941 г. с воззванием к мусульманам СССР обратился председатель Центрального духовного управления мусульман, уфимский муфтий Г.З. Расулев. Он призвал их подняться на защиту «родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». В следующем воззвании к мусульманам всего мира прозвучал призыв «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии». С призывами защищать Родину обратились к своим адептам Всесоюзный Совет евангельских христиан и ряд других религиозных организаций.

В свою очередь, и советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников». Однако на местах разрешения нередко соседствовали с запретами. Так, 13 марта 1942 г. исполком Лабинского районного совета Краснодарского края принял решение о ликвидации молитвенного дома. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты продолжали подвергаться репрессиям. В августе 1942 г. С.А. Терзиян, 1886 г.р., проживавший в колхозе им. Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в «читке религиозных книг – библии, из которой контрреволюционные измышления пораженческого характера, направленные против Советской власти, ... высказывает в кругу своего знакомства». В результате он попал в число лиц, подлежащих отселению с территории Краснодарского края в условиях быстрого наступления вермахта [14].

В то же время часть священнослужителей, прежде всего в западных регионах СССР, пошла на сотрудничество с оккупационной администрацией. Православные иерархи в Прибалтике, Белоруссии и на Украине объявили о намерении отделиться от Московской патриархии, поддержавшей «безбожное» советское правительство. Руководство Русской православной церкви со своей стороны осудило деятельность данных священнослужителей. Следует отметить, что отдельные нацистские руководители еще до войны обсуждали необходимость возрождения церковной жизни на оккупированных территориях СССР в качестве одного из средств, призванных способствовать ликвидации советского строя. 1 сентября 1941 г. был утвержден специальный циркуляр Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В нем ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения как враждебного большевизму, дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. А. Гитлер 11 апреля 1942 г. указал на необходимость «избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была собственная секта со своими представлениями о боге» [15].

В первые дни Великой Отечественной войны была проведена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения, в августе 1941 г. – дополнительная мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. Вместе с ними призывали призывников 1923 г.р., а в 1942–1945 гг. – призывников 1924–1927 гг. Всего за годы войны действительную военную службу проходили 29 575 тыс. чел., вместе с кадровым составом – 34,5 млн чел. В результате мобилизации старших возрастов количество верующих в армии существенно возросло. Призывники 1922–1927 гг., среди которых доля верующих была меньше, составляли 6 568 059 чел. [16] или менее 1/5 общей численности советских военнослужащих.

Разумеется, возраст не является единственным показателем, определявшим отношение участников войны к религии, существенное значение имело также их социальное происхождение, полученное воспитание, выполнявшиеся на фронте профессиональные и политические функции. А.П. Толстиков вспоминал: «Дедушка мой кубанский казак, бабушка – донская, они сильно верующие были. Поэтому и нам привили [веру]. Мы никто не курили, пьем по великим праздникам, Пасху всегда соблюдали, Рождество». Далее он отмечал, что среди окружавших его солдат «верующие были, были среди нас. Кушать садятся, крестились. Но честно сказать, я сначала крестился, а потом забыл. Как-то все это отходит, отходит, потом я был секретарем комсомольской организации» [17]. Другие участники войны категорично заявляют: «Не было никакой поповщины... Все были атеистами» [18]. Третьи, отмечая: «Мы же атеисты... Да, атеисты. Поэтому каких-то (как их назвать?..) амулетов, талисманов не было. У нас такого и в мозгах не было», признают, что в части были верующие, несмотря на всю политическую работу комиссаров: «Может, кто-то тайно. Может, кому-то и крестик вешали дома... верующие-то были. Но никто это не рекламировал. Это было в индивидуальном порядке... потому что, вот, политрук, вот он рассказывает лекцию, потом замполитрука был. Они все время вели работу» [19].

Среди городской молодежи верующих было значительно меньше, чем среди сельской. Краснодарец С.Г. Дробязко, призванный в РККА в возрасте 17 лет в июле 1942 г. и практически сразу попавший под обстрел, увидел, как одна группа таких же, как он, новобранцев часто останавливалась. При первых попытках приблизиться его с угрозами отгоняли, но затем Дробязко удалось разглядеть, «что при остановках они заглядывают в тоненькую синюю ученическую тетрадку». В тетрадке «оказалась переписанной не то молитва, не то заговор от пуль». По словам мемуариста, он «о такой галиматее раньше читал только в книгах и был ошеломлен, встретившись с людьми, верившими в нее. В голове не укладывалось, что в наше время молодые грамотные ребята могут верить в чушь. А они стали предлагать мне переписать молитвы и передавать их знакомым ребятам. Я отказался, сказав, что не верю в эту ерунду. Они меня обругали и рассеялись в кустах» [20].

Опасения верующих были во многом обусловлены гонениями предшествующих лет. Вследствие крайней ограниченности личного пространства на фронте открытое выражение религиозных чувств нередко встречало непонимание сослуживцев. Как правило, к Богу обращались в самую трудную минуту, когда возникала непосредственная угроза жизни. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды: «У меня случай вот такой был: ...”Фердинанд” – немецкое самоходное орудие – ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня “Спаси Господи” или “Помоги Господи” [смеется]. И “Фердинанд” остановился» [21].

Трудности военной службы, гибель боевых товарищей, переносимые физические и нравственные страдания вынуждали многих военнослужащих искать духовной поддержки, которую традиционно давала религия. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал после «мясорубки» в сентябре 1942 г. под Сталинградом: «Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись богу за скорейшее окончание войны, многострадающий русский народ, за новый мир». Другой раненый, описав тяготы невыносимого бытия, давал близким такое напутствие: «Жена и дети, как-нибудь живите, видно, мое такое счастье – что даст господь» [22]. В сочетании с критикой советского руководства за положение в тылу и на фронте подобные проявления религиозных чувств рассматривались военной цензурой как «антисоветские настроения», хотя в ходе перлюстрации выделялась и отдельная группа религиозных писем негативного характера. Количество их, впрочем, было невелико: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания были отмечены в 2600, в том числе только в 19 – религиозные [23].

Схожие причины заставляли обращаться к Богу и жителей тыловых районов. По словам А.К. Агаркова, «родители никогда там перед иконами [не стояли], в церковь не ходили, скажем так, и я крещен не был, но когда свистели бомбы во время войны, то мама моя кидалась там: “Матушка Богородица, пронеси и помилуй!”. И мы все, даже не понимая чего, тоже кричали: “Богородица, помоги и пронеси! Боже, нас помилуй!” [24]. Э.Е. Розенблит также отмечала: «Страшно нам было. Интуитивно мы молились Богу». Выросшая в семье деда-атеиста, она вместе с другими детьми в военное время стала посещать церковь, хоть и не умела молиться: «Мы ничего не умели, мы кланялись, просили Господа: защити нас» [25]. Для многих советских граждан обращение к Богу во время войны объяснялось не только материальными трудностями, но и глубокими психологическими

переживаниями, связанными с опасениями за судьбу ушедших на фронт родных и близких, с разрывом сложившихся социальных связей. В этих условиях вера придавала нравственный смысл всей деятельности человека, выполняла важную компенсаторную социальную функцию.

Настоящий подъем религиозной жизни начался на захваченной противником территории. Оккупационная администрация поощряла возрождение церковной деятельности, открывала закрытые советской властью храмы. Она запрещала работать в дни церковных праздников, а за соблюдение церковных обрядов предоставляла льготы и привилегии. В программы действовавших в период оккупации начальных школ было включено изучение Закона Божьего. Поскольку значительная часть прежних церковных зданий к этому времени была разрушена или обезображена, в церкви переоборудовали клубы и дома культуры. В станице Крымской Краснодарского края церковь открыли в электролечебнице, ранее представлявшей собой религиозное помещение. В ней регулярно производились богослужения, которые посещали «в большинстве случаев женщины престарелого возраста» [26].

В местной печати отмечалось, что «после многолетних тяжких преследований» религиозные общины, «обрадованные разрешением совершать святые богослужения, во многих местах, не проверяя своих будущих пастырей, допустили к богослужению людей порочных и отрекавшихся при советской власти от Бога и от Св. Церкви». В станице Дондуковской Краснодарского края священником назвался Нарыжный, ранее отрекшийся от своего сана, в Тульской – «некто Ромащенко, предавший церковь в ст. Севастопольской», в Гиагинской – Вертоградский, «отрекшийся от правильного церковного пути». В станице Ханской «некто Щербань, не имея соответствующих документов, допущен общиной верующих к священнослужению» [27]. Однако сам факт, что указанные лица смогли стать священнослужителями, не имея на то необходимых правовых оснований, прямо свидетельствует о массовой потребности в исполнении религиозных обрядов. Немало жителей, прежде всего старшего возраста, добровольно трудились над восстановлением церквей: они строили, штукатурили, красили, белили, выполняли, без всякой оплаты, другие работы, а затем принесли в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги.

В то же время оккупанты стремились использовать религиозную деятельность в собственных интересах. Священники на оккупированной территории нередко служили молебны во славу победоносной германской «освободительной» армии, призывали прихожан молиться за здоровье немецких солдат, организовали сбор средств в фонд вермахта. Уже 9 августа 1942 г., в день вступления оккупантов в Краснодар, в их честь был отслужен молебен в Дмитриевской церкви, на котором присутствовали немецкие офицеры [28]. 11 октября 1942 г. состоялась панихида в Александро-Невской церкви в Майкопе по «убиенным, замученным и погибшим в застенках и лагерях православным христианам, а также воинам, жизнь свою положившим за освобождение нашей Родины от большевистского ига» [29]. Подобные молебны проводились во многих других городах, селах, станицах.

Шанс на более свободное выражение религиозных чувств получили и советские военнопленные в лагерях на территории Третьего рейха (в отличие от огромного большинства тех, кто находился на оккупированной территории СССР в лагерях, обычно размещавшихся в совершенно не приспособленных для этого местах, а чаще просто на открытом пространстве). Русская православная церковь за рубежом попыталась взять на себя духовное окормление советских военнопленных в немецких лагерях: «некоторые священники сообщали о своих впечатлениях в лагерях русских военнопленных и пришли к единому мнению, что устроенные ими богослужения посещали 90–95 % обитателей лагеря. Вообще можно говорить о сильной религиозности военнопленных». Однако руководство Германии не было заинтересовано в поощрении религиозных чувств советских военнопленных, а нацистские лагеря стали настоящими машинами по их массовому уничтожению [30].

После освобождения советской территории частями Красной Армии многие церкви вновь были закрыты, значительная часть религиозных общин перешла на полуполюгальное существование, количество богослужений сократилось до минимума. Однако после встречи с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. высших иерархов Русской православной церкви власть разрешила избрание патриарха и открытие церквей. В то же время вся религиозная деятельность ставилась под контроль специально созданных структур и должностных лиц – Совета по делам русской православной церкви (с 14 сентября 1943 г.) и Совета по делам религиозных культов (с 19 мая 1944 г.) при СНК СССР и их уполномоченных на местах.

При этом ряд советских руководителей продолжал выступать против снятия ограничений на открытие храмов, монастырей и других религиозных заведений. 13 октября 1943 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил председателю Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпову, что пока открывать храмы не надо, а ходатайства верующих следовало отсылать местным властям на их окончательное заключение. Там, где просьбы верующих носили наиболее настоятельный характер, а местные руководители не могли найти причин отказать им, были открыты новые молитвенные дома [31]. Действительно, с просьбами об открытии храмов обращались сотни людей, включая бывших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны,

передовиков производства. Они писали в своих заявлениях: «Церковь и богослужение, беседы и речи священника для нас необходимы как воздух. Мы крайне нуждаемся в ободрении, утешении в той жизнерадостной атмосфере, какой так насыщено Евангелие и наше богослужение. Там все полно веры и надежды на лучшую, счастливую жизнь, все бодрит и утешает» [32].

Результаты. Общество неоднозначно отреагировало на перемены в правительственном курсе в отношении религии и церкви, что отразили зафиксированные партийными органами высказывания москвичей. Часть из них положительно отнеслась к рассматриваемым событиям. Электротехник колбасного завода Смирнов заявил: «Вообще хорошо, что исчезает нетерпимое отношение к богу. Бог – великое дело, и к чувству божьему надо относиться с уважением». Слесарь мастерской первичной обработки мясокомбината Горохов также считал: «Религия вносит в народ облагораживающие чувства, смягчает жестокие нравы, облегчает тяжелые муки и переживания. Поэтому нужно уважать ее и пастырей, несущих свет и облегчение в жизни». У других поворот во взаимоотношениях церкви и власти вызвал настоящую растерянность. Работники завода «Машиностроитель» коммунисты Дзябченко и Мащенко задавались вопросом: «Как мы должны вести себя? Раньше нас учили, что религия – опиум народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям». Работницы московской фабрики им. Коминтерна члены ВКП(б) Коняшкина, Зайцева и Колпакова в беседе между собой пришли к выводу, что «теперь коммунистам можно беспрепятственно ходить в церковь, молиться богу, крестить детей и венчаться». А третьи увидели в этом очередной обман со стороны советского руководства. По словам инженера Института азотной промышленности Шапиро, «без иронии нельзя читать речь тов[арища] Карпова. По его словам получается, что советское правительство сочувственно относится к религии и духовенству, а в действительности это обман» [33]. Испытывавшие недоверие к власти верующие не желали легализоваться и после 1943 г.

В действующей армии перемены по данному вопросу были менее заметны. Политические органы не поощряли распространение религиозных представлений среди фронтовиков. Специально изучавший данный вопрос А.Ю. Безугольный отмечал, что ему не удалось обнаружить «ни одного свидетельства какой-либо поддержки армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступающих из тыла и вообще сколько-нибудь серьезного отношения к религиозности воинов Красной Армии» [34]. Однако военному командованию пришлось все-таки считаться с религиозными чувствами верующих на фронте, не только христиан, но и мусульман, в частности, учитывать, что они не употребляли в пищу свинину. А 2 ноября 1944 г. в Главное политическое управление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой «в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви» [35].

Еще более широкое распространение, чем забытые многими религиозные догматы и обряды, на фронте и в тылу получили различные суеверия и приметы, отвергавшиеся церковью, но признававшиеся нередко и верующими, и неверующими. Так, в сентябре 1941 г. прокуратура Краснодарского края докладывала о появлении в станицах Апшеронского, Лабинского, а затем и других районов Кубани большого количества листовок религиозного содержания, в которых сообщалось о «голосе спасителя в городе Иерусалиме», призывавшем молиться. Верующим предлагалось переписать 9 раз текст полученной записки и раздать его окружающим: «через два дня получите радость, а напишите “спаси меня, господи, силою честного и животворящего креста твоего, Господи”». Для распространения листовок в станице Имеретинской неграмотные старухи использовали родственников-школьников. Отмечалось также появление многочисленных гадалычиков-ворожей, определявших при помощи карт, колец, стука стула, живы ли родственники, находившиеся в рядах Красной Армии. Бывший коммунист Попов с 1 по 15 ноября 1941 г. гадал 30 гражданам, на вопрос о смерти родственников нескольким гражданам дал утвердительный ответ, «чем заставил их плакать и волноваться». Определенной платы он не взимал, брал столько, сколько давали. Все гадалычики привлекались к уголовной ответственности по статье 58-10 за «распространение контрреволюционной агитации и пропаганды» [36].

Как и многие другие женщины, мать С.Г. Дробязко, провожая его, «состригла в конверт прядь... черных кудрявых волос» [37]. Она должна была напоминать о сыне, а их сохранение позволяло надеяться на его возвращение. Истоки этих действий уходят далеко в прошлое: в фольклоре отрезанные волосы выступают заместителем самого человека. Вполне вероятно, это не осознавалось ни женщиной, совершавшей привычный обряд, ни, тем более, ее сыном, не одобрявшим религиозные воззрения своих сослуживцев. Фольклорист-фронтвик Л.Н. Пушкарев, собравший немало материалов по данному вопросу, утверждал: «В армии были и атеисты, и искренне верующие люди, но мне лично ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что люди молились бы перед боем. Если это и делалось, то молча, про себя. Чаще я встречался с бытовым суеверием, с бытовой религиозностью, с необъяснимой верой в потусторонние (но отнюдь не обязательно божественные!) силы. Чаще всего это была вера в судьбу, в рок, в необъяснимые факты» [38].

Большинство примет на войне было связано непосредственно с боем. Как правило, они запрещали совершать фронтовикам определенные действия с целью уберечь их в бою. Часть примет

и суеверий сохранялась на протяжении столетий, переходя из поколения в поколение. К ним, например, относится привычка надевать чистое белье перед боем, унаследованная красноармейцами еще от солдат Русской императорской армии и объяснявшаяся как гигиеническими – чтобы при возможном ранении в рану не попала грязь, так и религиозными соображениями – в случае смерти предстать в чистом перед Богом. Опытные бойцы также предпочитали много не есть перед боем, поскольку ранение в брюшную полость при пустом желудке менее опасно, чем полным. Другие приметы имеют скорее иррациональный характер. В частности, перед боем нельзя было ругаться матом, дарить что-то «на память», думать о плохом, трагическом, приближая смерть. Видимо, поэтому бойцы перед боем предпочитали заниматься механической работой: чистить оружие и форму, писали письма домой, но не сообщали о предстоящем. После боя нельзя было надевать вещи погибших бойцов, что, впрочем, часто нарушалось вследствие нехватки обмундирования и обуви, а также показывать на своем теле места, куда был ранен товарищ, чтобы не произошло подобное. Одно из самых распространенных суеверий было связано со смертными медальонами, в которые военнослужащие должны были вкладывать сведения о себе. Считалось, что заполнив листки медальона, бойцы сами подписывали себе приговор, и многие выбрасывали «смертники» или использовали не по назначению, храня махорку, спички или иголки.

Многие матери и жены давали уходившим на фронт детям и мужьям написанную от руки на листе бумаги молитву «Живые помощи» (90-й псалом). Защищая в ворот гимнастерки или подкладку шинели, молитва была призвана выполнять значение оберега, защищать ее обладателя от гибели. По воспоминаниям Л.М. Карпеевой, она, несмотря на комсомольский билет, не раз обращалась во время войны к Богу и всю войну проносила в кармане такую молитву: «У меня были “живые помощи”. Когда я уходила в армию, мне мама дала “Живые помощи”, они у меня и сейчас до сих пор лежат. А папа: “Что я буду с твоими «Живыми помощами»?”. Папе не повезло, а мне повезло». Она давала молитву переписать своим однополчанам и считает, что та помогала ей в трудные минуты [39]. А медсестра В.М. Мухортова читала эту молитву раненым по их просьбе: «Меня всегда очень уважали, я всегда с ранеными была в окопах, и говорили: “Медсестра, давай, читай молитву”. В окопах...». Листок с молитвой написала мать и «положила в карманчик, пришла карманчик в гимнастерку и положила». Ее сын, ссылаясь на предыдущие рассказы матери, отмечал, что молитва «заговоренная была... ее на фронте даже не контузило ни разу. Все время на передовой. Кроме обморожения ничего. Это потому, что молитва была зашитая, которую мама дала. И вот солдаты с ее батареи говорили: “Вон, пошла санинструктор с батареей, пойдем с ней, ее не убьют и нас заодно”» [40]. О чудесном спасении благодаря 90-му псалму рассказывают и другие участники войны [41]. Немало красноармейцев использовало в качестве амулетов и оберегов не только предметы культа (иконы, молитвы, кресты), но и фотокарточки, письма, подарки родных и близких. Нередко в таком качестве использовалось переписанное от руки стихотворение К. Симонова «Жди меня», которому придавалось магическое значение [42].

Суеверия и приметы фронтовиков разнообразны, поэтому представляет интерес опыт их систематизации. Е.С. Сенявская выделяет их следующие основные типы: а) система запретов на определенные действия накануне боевых действий; б) выполнение определенных ритуалов после возвращения из боя; в) традиции и обычаи в отношении памяти и вещей погибших; г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики; д) молитвы (как традиционные, так и самодеятельные); е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и закреплённые традициями боевого подразделения; ж) придание рациональным действиям дополнительного мистического обоснования; з) традиции воинского коллектива, связанные с военной специальностью» [43].

Заключение. Таким образом, война способствовала подъему веры у советских граждан на фронте и в тылу, а также распространению у них различных суеверий. Несмотря на все свои содержательные отличия, как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации людей к экстремальным условиям военного времени.

Примечания:

1. Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РАГС, 1995. 222 с.; Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 427 с.; Гущина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 140 с.; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 214 с.; Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 400 с. и др.

2. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сб. церковных документов. М.: Изд-во Московской патриархии, 1943. 100 с.; Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Т. 2. М.: ПроPILEI, 1994. 462 с.; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. 778 с. и др.
3. См.: Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. трудов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. Вып. 3. С. 37-48; Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. 368 с.; Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с. и др.
4. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 48.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 239 с.
6. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., РОССПЭН, 2003. С. 403-405.
7. Там же. С. 405-406.
8. Там же. С. 406.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 79-80.
10. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. С. 133.
11. Зензинов В.М. Встречи с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк: [Б.и.], 1944. С. 274-275.
12. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 45.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 21.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 403. Л. 144-150.
15. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993. С. 198.
16. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 36-37.
17. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2008. С. 75-76 .
18. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 25 октября 2012 г. в г. Краснодаре.
19. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 6 ноября 2012 г. в г. Краснодаре.
20. Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 37.
21. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 75.
22. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 267-268.
23. Там же. С. 161.
24. Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Записан Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной 14 апреля 2013 г. в г. Ростове-на-Дону.
25. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат 18 октября 2012 г. в г. Ростове-на-Дону.
26. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000. Кн.1.: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 605.
27. Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 октября.
28. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 459.
29. Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.
30. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. С. 272.
31. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 93.
32. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
33. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 436.
34. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 271.
35. Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М., 2001. С. 312.
36. ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-3, 31-34.
37. Дробязко С.Г. Указ. соч. С. 7.
38. Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 323-324.

39. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Записана Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной в Ростове-на-Дону, 29 сентября 2012 г.
40. Респондент: Мухортова Валентина Мефодьевна, 1922 г.р. Записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат с участием В.М. Мухортова в Ростове-на-Дону 18 мая 2011 г.
41. Городова М. Девяностый // Российская газета. Неделя. 2008. 8 мая.
42. Пушкирев Л.Н. Указ. соч. С. 323.
43. Сенявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Матер. Междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 239.

УДК 94(47).084.8

**Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях
военного времени (1941–1945)**

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Статья посвящена вере и суевериям советских граждан на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. В советской историографии изучение истории религии в СССР в 1941–1945 гг. находилось под значительным влиянием идеологии. В последние годы данная тема широко разрабатывается, однако главное внимание уделяется ее институциональным аспектам, а роль религии в жизни советских граждан остается по-прежнему недостаточно исследованной. Между тем к началу войны значительная часть общества, несмотря на антирелигиозную политику советской власти, сохранила свои религиозные представления. Война способствовала настоящему подъему веры у советских граждан на фронте, в тылу и на оккупированной территории. В значительной степени это было обусловлено самой экстремальной обстановкой военного времени. Еще более широкое распространение получили различные суеверия и приметы. Несмотря на все свои содержательные отличия, как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации людей к тяготам и лишениям военного времени. Выводы, сделанные на основе различных источников – официальных документов, статистических материалов, уже опубликованных и записанных непосредственно во время работы над темой воспоминаний участников и очевидцев событий – позволяют лучше представить картину массового сознания советского общества в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; вера; суеверия; массовое сознание; частная жизнь; военная повседневность; советское общество.

UDC 94(47).084.3/6.

Living Space and Its Arrangement in Wartime *
(The second article)

Tat'yana P. Khlynina

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Dr. (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the housing policy of Soviet state in pre-war and wartime, actualizes authorities' strategies, concerning housing problem solving, considers the projects of housing construction and its forms. Significant attention is attached to housing interior design and perception of housing conditions by the population of the day. It is stated that despite the efforts, made by the authorities, there was a lack of housing. Extracts from population appeals to the Soviet leadership, quoted in the article, confirm the difficulties in getting the housing. At the same time, the analysis of oral recollections by the participants and eyewitnesses of the Great Patriotic War enables to conclude that the housing was perceived as the necessary sign of wealth, dependent on state's opportunities.

Keywords: living space; oral narratives; respondent; housing conditions; house; shared apartment; Great Patriotic War; private life.

Введение. Несмотря на все проводившиеся эксперименты и добросовестный поиск властью решения жилищного вопроса в предвоенный период времени, жилья, не говоря уже о его качестве, катастрофически не хватало. Причиной тому зачастую оказывались «добросовестные» действия все той же власти, исходившей из необходимости построения принципиально нового быта и поиска соответствовавших ему пространных форм. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» управление всем государственным жилищным фондом было возложено на местные советы, предприятия и учреждения, в чьем ведении находились жилые дома. Спустя три года началась борьба с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках. Степень ее интенсивности определялась не только указанными в постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. «О мерах борьбы с самовольными застройщиками» сроками, но и необходимостью обеспечения вынужденных переселенцев *«транспортом, стройматериалами, топливом, а наиболее нуждающихся и денежными средствами»*. Во многих городах *«количество самовольно занятых участков и количество построек, подлежащих сносу, до сих пор окончательно не учтено»*. В Ростове-на-Дону из 1500 строений, подлежащих в 1940 г. сносу, было снесено только 1392. Отмечая, что *«в широких размерах проводилась самовольная застройка»*, горком признал целесообразным ее ликвидацию только на прилегающих к железнодорожному полотну территориях, *«в других местах жилья и так не хватало»* [1].

Сосредоточив в своих руках всю проектную (в 1931 г. был принят запрет на частное проектирование) и строительную деятельность, государство тем самым не только лишало граждан возможности самостоятельного решения жилищного вопроса, но и ставило его в зависимость от доволно скромных бюджетов местных органов власти и торгово-промышленных предприятий. К 1940 г. городской жилищный фонд СССР насчитывал 421 млн кв. м. По Ростову-на-Дону он составлял 2.068.200 кв. м. и *«находился по своему техническому состоянию на низком уровне, включая в себя 14238 кв. м. аварийного фонда»*. По заключению городского комитета ВКП(б), в городе *«не предпринимались меры по дополнительному расширению жилого фонда за счет использования дополнительных площадей – превышающих норму коридоров и кладовых <...>. 360 деформированных домов требовали ежедневного технического наблюдения»*. За пять месяцев 1940 г. был *«сорван ремонт жилого фонда: капитальный ремонт выполнен на 19,6 %, текущий – на 11,8 %»* [2]. По оценкам исследователей, *«этого было недостаточно для того, чтобы улучшить жилищные условия граждан»*, на каждого из которых в различных уголках страны приходилось от 4,5 до 8 кв. м. [3].

Однако и эти положенные метры возводились с целым рядом нарушений установленных сроков и объема строительных материалов. Так, Ростовский горком ВКП(б) на своем очередном заседании 3 марта 1940 г. повторно рассмотрел вопрос о строительстве жилого дома, возводившегося областной конторой Главнефтебюта и отметил *«крайне неудовлетворительный ход*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

строительства. Вместо сдачи в эксплуатацию дома в 1939 г. выполнение плана на 1.1.40 составило 61,4 %». Среди причин складывавшегося положения дел отмечались отсутствие проекта организационных работ, слабое оперативное руководство и контроль над строительством со стороны управления областной конторы, наличие большой текучести административно-хозяйственного персонала, «перерасход материала против сметной потребности на 200 тыс. руб.». При этом «кирпич, полученный от разбора купленной церкви в станице Мигулинской, частично расхищен» [4]. Зачастую проектируемое и возводимое жилье «уже содержало в себе строительные дефекты... В 20 кв. доме горжилуправления проектом предусмотрены в одной и той же комнате двери разной высоты. При производстве допущена неудовлетворительная подгонка дверей и окон, щели в полах» [5].

Подтверждением крайне неудовлетворительной ситуации, складывавшейся с обеспечением жильем, стали массовые обращения граждан в органы власти и лично к представителям высшего советского и партийного руководства страны. Так, жена капитана пограничных войск, орденоносца Л.К. Козлова, обращаясь к «глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Ивановичу» Калинину, писала, что после того как была оставлена мужем, «находится в жутких квартирных условиях (13 кв. м.), комната на 8 человек, со стен течет вода» [6]. В другом письме «маленького человека, посмеявшегося побеспокоить занятого государственными делами большого человека», сообщалось о семейной трагедии, в результате которой ребенок, больной туберкулезом, «остался на 6 м., вместо положенных 14 м.» [7]. Казалось бы, жилищная теснота и «скученность проживания» лишали советского человека самой возможности каких-либо проявлений автономного существования. В реальности же, как свидетельствуют воспоминания и письма современников того времени, ситуация обстояла намного сложнее и не исчерпывалась одними лишь внешними обстоятельствами.

Обсуждение и результаты. В рассматриваемый период весь наличный жилой фонд страны был представлен четырьмя его наиболее очевидными разновидностями: «землянками, бараками, барскими квартирами, разгороженными на пеналы и, как предел мечтаний, кооперативными или государственными ячейками “с удобствами”» [8]. И хотя большей части населения доступными оказывались только первые три из них, опыт освоения жилого пространства все равно получался разным. Эта разность обуславливалась как особенностями самого жилого помещения, так и наличием или отсутствием привычки к его заполнению «милыми сердцу безделицами». Наиболее отчетливо она отразилась в воспоминаниях современников, передающих отношение человека к месту проживания, его плотности (людности), пространственной протяженности, внутреннему убранству, границам, отделяющим свое от чужого.

По свидетельствам очевидцев и непосредственных участников событий рассматриваемого времени, дом как место, где человек живет, если и не постоянно, то подолгу, представлен двумя основными образами – местом, где он жил до войны, и местом, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех воспоминаниях война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус. О довоенном жилье вспоминается с душевной теплотой и каким-то особенным чувством непоправимой утраты: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [9]. Чувством, овеянным по-настоящему счастливым, хотя и трудным детством, запомнившимся замечательным домом, «новым и красивым, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно» [10].

Первый образ отождествлялся с квартирой и собственным домом. Эпитет «собственный» в данном случае означал принадлежность семье, оказавшейся результатом его постройки: «[Дом] большой, дедушка строил его в 1914 г., потому что семья была большая, у него было 10 душ детей» [11]; покупки: «Да, они купили домик такой небольшой. Сначала жили на квартире, а потом купили маленький домик, пополам. Соседи у нас были евреи, и они вот полдомика себе взяли, две комнатки, и две нам. Дом пополам» [12]. Зачастую им наделялось место рождения человека: «Моя коренная квартира – это Московская, № 7, этот дом и сейчас стоит. Только тогда это был конец улицы, глухой тупичок, а сейчас это площадь и на возвышении стоит двухэтажный дом. Это мой отчий дом» [13]. О квартирах вспоминали более сдержанно, что, вероятнее всего, объяснялось пониманием условности обладания ими: «У нас там двухкомнатная была, по-моему, такая, я вспоминаю... Не знаю. Помню, что мы уехали, бросили это и все» [14]. За исключением тех случаев, когда они осознавались социальным благом: «Да, для тех времен, когда был большой квартирный кризис, это было очень большое благо, была прекрасная квартира, две комнаты такие большие квадратные с паркетными полами, отдельная кухня, изолированная. Квартира была прекрасная и даже после войны, когда отца не было, мы с мамой вдвоем остались, и жизнь была тяжелая, наличие хорошей квартиры, это как-то скрашивало материальный уровень людей. Хорошая была очень квартира» [15].

При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводилось к сухому перечислению его составляющих, а являлось неотделимым от его обитателей: *«Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры, из них три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина, такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мама подруга, бывшая дворянка, такая»* [16]. *«На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, спиц. У меня отметка, я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватил за щеку»* [17].

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциировался с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: *«Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черяя Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни... Местечко располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов»* [18]. *«Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыши против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет»* [19].

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера не запечатлевалась в памяти на долгие годы: *«Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик – это были иконы»* [20]. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще десять – пятнадцать лет тому назад было бы определено категориями «бывшие» и «из интеллигентского сословия», детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства *«вот с такими стенами в восемь кирпичей»*: *«Значит, дом такой дворянский и вот лестница, такая чугунная, казалась мне большой. Сейчас она уже не такая большая, я была там, она красивая была очень, в розах вся. Это был парадный вход, а для прислуги был, не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги, комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туд, а в ту половину»* [21]. *«Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали <...> Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы»* [22].

Показательно, что обе они впоследствии неоднократно возвращались к событиям того времени, что нашло отражение в ряде газетных интервью одной из них [23] и нескольких книгах другой [24]. Именно книги, чьими главными действующими лицами стали «или ближайшие родственники, или друзья, или сослуживцы», а некая «присочиненность» послужила основанием для автора отнести их к жанру «повестей и рассказов» [25], передают особенности освоения жилого пространства людьми различного уровня достатка и разного отношения к быту. Так, описывая квартиру родителей своей детской приятельницы Милочки Уманской, «хорошенькой кудрявой девочки», И.Н. Калабухова отмечает, что воспринималась она *«как нечто, предназначенное для созерцания и изучения, а не для жизни. Необыкновенен был пол: он состоял из дощечек разного оттенка, уложенных елочкой. Темно-красные портьеры на окнах прихвачены медными кольцами. В спальне висел тоже темно-красный, очень мягкий на ощупь ковер. Но самой удивительной казалась большая картина в столовой»* [26]. Не меньшее удивление вызывал и довоенный дом еще одной ее маленькой приятельницы Ляли Равикович, у каждого из обитателей которого имелся не просто свой уголок, но и целая отдельная комната: *«У тети Жени в ее крохотной комнатке стоял маленький хрупкий столик, покрытый зеленым сукном, кое-где укапанный чернилами. На нем – маленькая настольная лампочка с зеленым же шелковым абажуром в виде колокольчика на медной, согнутой, как стебель, ножке... Еще стояла тут покрытая куском синего, слегка потертого бархата ручная швейная машинка, узкий черный шкаф с платьями тети Жени и Веры Исаевны и маленькая, чуть не с сундук длиной, кушеточка. В Валюшиной комнате меня поражал сам факт существования письменного стола, предназначенного для девочки-школьницы»* [27]. Наличие этой отдельности, создававшей возможности уединения и некоторой внутрисемейной автономии, являлось по тем временам большой редкостью. Редкостью, оттеняемой жизнью напоказ, которая зачастую просто не замечалась и воспринималась *«нулевой степенью письма»*: *«Две наши довольно*

большие по тем временам комнаты были не только общие, но как-то всеобщие. Речи не было не только о том, чтобы их как-то разделить между нами, как это сделали Равиковичи, – ни у кого не было даже своего уголка, зоны действия, сферы существования, все вершилось на виду у всех, и всех это устраивало. Теперь-то я думаю, что не устраивало мою еще молодую мать, которой бы хотелось иметь личную жизнь, но в нашей спартанской семье это никому не приходило в голову» [28].

Вместе с тем в ряде воспоминаний встречаются упоминания о перегородках, ширмах, «каких-то немислимых закутках», посредством которых мир взрослых хотя бы на время отгораживался от мира беспокойного детства, также требовавшего своего неподконтрольного существования. Нередко оно достигалось совершенно неожиданным образом путем наличной планировки жилья: «Папина была комната с мамой и наша, а посередине была кухня» [29], его перестройки: «Позже, в 1938 году, к нему (дому – Т.Х.) добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости» [30] либо же переселением в другую квартиру: «...мы переселились из маленькой квартиры в большую, в этом же доме, отец хотел три комнаты потому, что я выросла. Был совершенно потрясающий человек, управляющий домами, это политкаторжанин, это ленинцы, которые на каторге были, совершенно необыкновенное поколение. И он, конечно же, был болен туберкулезом, как они тогда, без всяких взяток, без всего и, когда появилась квартира гораздо больше, чем наша маленькая двухкомнатная, он привел отца, и мы переселились» [31].

Жилое пространство рассматриваемого периода времени различалось не только своей протяженностью, но и внутренним убранством. Привычная довоенная простота и предельная функциональность вещей перемежалась со стремлением к уюту и одомашниванию пространства посредством «бытовых мелочей»: «Теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, чем беден был мой родной дом, чего так не хватало в нем моему детскому существу, так не хватает растущему организму кальция, и чем так всегда спешила я наглотаться в доме Равиковичей. У нас в квартире не было ничего лишнего, ничего бесполезного, а именно бесполезно, лишнее придает бытию оттенок неповторимости, индивидуальности, является теми минеральными солями, которые создают вкус питьевой воды... Впрочем, было и в нашем доме несколько красивых вещей. Но тогда я их прелести не понимала, как не понимала неуместности кухонной мебели в красном углу, – не ценила. Попали же они к нам не за свою красоту, а скорее всего, случайно и сохранились потому, что у них было вполне конкретное назначение» [32].

При этом дом представлялся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: «Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась» [33]. Редко, но тем не менее отмечались и условия проживания: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас – ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [34]. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, «семейного гнезда», «родительской вотчины», так и невозможной утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: «[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи» [35]. «Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки, там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках» [36]. «Мы жили в той части Ташкента, она называется Бешагач, это тогда был дальний район. Там была тоже обувная фабрика, и было общежитие, двухэтажное здание, нам подготовили комнаты. Комната была примерно, как детский класс в школе. Топчаны свежие сделали нам, было у нас на чем спать, и в нашей комнате жило 19 человек из приехавших» [37]. При этом плотность жилого пространства вовсе не исключала возможностей его личного обустройства и частного освоения: «...каждый в комнате занимал свой угол. Скажем два топчана – это наш угол, еще чей-то угол, еще чей-то» [38].

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в «вынужденной ссылке» (эвакуации) как об относительно «нормальной и даже в чем-то хорошей жизни»: «Запомнилось мне,

как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листах. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну, мама моя вот шила, мы там, в колхозе, что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы «Бориса Годунова» ставили в школе...» [39]. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить «под одной крышей»: «Очень теплые у меня остались воспоминания о казахах. И знаете, в какой-то мере это, как бы я считала своей второй родиной. И когда потом у моих соседей заговорили что-то плохое о казахах, мне это очень, я вообще не люблю такие разговоры, у меня о них очень теплые воспоминания» [40].

В годы войны появились и были освоены новые типы жилья: блиндажи, противотанковые рвы, палатки. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и попавшая в санэпидемотряд, после благоустроенной воронежской квартиры оказалась в армейской палатке. Спустя семь десятилетий о жизни в ней она вспоминала как о чем-то привычном и даже уютном: «... там у нас были такие надувные матрасы.... Мы печку топили. Такую, буржуйку – зимой, когда надо было, а так, в общем-то...». По ее тогдашним ощущениям, нахождение в палатке одновременно 6–7 чел. больших неудобств не причиняло, а отсутствие в общепринятом смысле этого слова личного пространства заменялось наличием матраса, который «был у каждого своим» [41]. Вместе с ними в жизнь фронтовиков и эвакуированного населения входил и национальный жилищный колорит. Н.Ф. Резникова, оказавшаяся с медсанбатом в Осетии, в одном из горных аулов впервые увидела саклю: «Сейчас точно не помню или в ауле Дунте, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то земля, земля, земля, вот очаг, и сверху дыра и вот туда дым поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле». При этом ее больше всего удивила не сама сакля как непривычный для русского человека тип жилища, а ее естественное освещение: «Вообще-то мы подсвечивались из снарядов артиллерийских, готовили гильзы уже свободные и делали светильники для раненых» [42]. Аулы южного Казахстана встретили эвакуированных домами-кибитками: «Им там приготовили дома, по-ихнему это дома-кибитки. У них дома, как у мусульман, одна сторона улицы – окна выходят, а другая сторона улицы – задняя часть, т.е. дома на восток расположены... Вот две бабушкины сестры – каждая получила по домику, по кибитке, и мы въехали в одну такую кибитку. Значит, сени, там закром, и в закрOME пшеница. Ее возят на мельницу, пекут пышки, хлеб. И одна большая комната с мазаными полами, низкая. Никакой мебели. Печка, вмазан казан чугунный в печку, и в этом казане варят пищу» [43].

По мере освобождения советских территорий начиналось восстановление жилищно-коммунального хозяйства городов и сельских населенных пунктов. Степень их разрушения зависела от времени и характера оккупации и колебалась от 100% до 15–20%. Согласно данным ЦСУ СССР на 1 января 1945 г., из 694 строений, находившихся до оккупации в г. Истре, было полностью разрушено 688. Схожая ситуация наблюдалась и в Великих Луках, где из 3007 строений 2704 было разрушено полностью и 303 – частично [44]. «Сведения об ущербе, нанесенном коммунальному хозяйству городов, бывших в оккупации» стали собираться ЦСУ и отделом жилищно-коммунального хозяйства Госплана СССР с 1943 г. Местные статистические управления не всегда располагали необходимыми центру данными, которые в рассматриваемый период времени были весьма приблизительными. 15 апреля 1944 г. статуправление г. Таганрога сообщало, что «полученный нами материал <...>оказался недоброкачественным. В настоящее время, в полной мере осознавая всю необходимость их (данных – Т.Х.), мы лишены возможности отвечать на многие, ставящиеся Вами вопросы, касающиеся жилищного фонда по той причине, что в результате фашистской оккупации все учетные данные как у нас, так и в горкомхозах, горжилуправлениях, Бюро инвентаризации и других, – уничтожены. И после освобождения от оккупации была проведена работа только по учету обобществленного жилого фонда. В виду этого, на основании каких данных можно в настоящий момент получить сведения о домах, находящихся в личной собственности? Таким образом, если в результате наших настойчивых требований мы все же получаем эти данные, то достоверность их маловероятна» [45]. Начальник Ростовского областного статистического управления также отмечал, что «полученный материал оказался невысокого качества», правда, уже «вследствие различного понимания некоторых поставленных вопросов. Особенно это сказалось на учете жилищного фонда» [46].

Однако, несмотря на все погрешности в подсчетах, разрушенные города производили впечатление чего-то «навсегда утраченного и непоправимого». Д.А. Гранин в своем автобиографическом романе, передавая ощущения героя от увиденного после снятия блокады г. Пушкино, писал: «Никто не верил, что можно что-либо восстановить. Да и в такие сроки. Пока что на ближайшие десять – двадцать лет предстояло отстраивать Ленинград. Люди теснились в переполненных коммунальных квартирах... Люди возвращались из эвакуации, им негде было жить...» [47].

Выводы. Боль от утраты родного очага, его разорения «фашистскими варварами, да чего греха таить, и своими» будет еще долго напоминать о себе зияющими провалами городских улиц и выбитыми окнами жилых помещений. Но постепенно жизнь будет брать свое, и довоенный коммунальный быт станет ностальгией по утраченной молодости и, «в общем-то, хорошей жизни».

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 13. Оп. 2. Д. 478. Л. 36 об.
2. Там же. Л. 412. Л. 37 об.-39.
3. Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (дата обращения: 13.02.2013).
4. ЦДНИ РО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 372. Л. 133-133 об.
5. Там же. Д. 412. Д. 38.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 27 Д. 4. Л. 83.
7. Там же. Л. 216-217.
8. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008. С. 40.
9. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
10. Миркин М. От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013. С. 23.
11. Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер: Курбат Т.Г. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 15 октября 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
12. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
13. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.
15. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
17. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
18. Миркин М. Указ. соч. С. 22.
19. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
20. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
22. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Девочка и война. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (дата обращения: 25 октября 2012 г.).
24. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... Повести. Ростов н/Д., 2006; ее же. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008.
25. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... С. 3.
26. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 9.
27. Там же. С. 97-98.
28. Там же. С. 99.
29. Миркин М. Указ. соч. С. 23.
30. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.
31. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
32. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 100, 102.
33. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
34. Там же.

35. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

36. Там же.

37. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

38. Там же.

39. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

40. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

41. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.

42. Респондент: Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность минут 120 минут. Запись 10 января 2013 г.

43. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

44. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1217. Л. 3.

45. Там же. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1210. Л. 38.

46. Там же. Л. 55.

47. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М., 2013. С. 166.

УДК 94(47).084.3/6.

Жилое пространство и особенности его организации в условиях военного времени (Статья вторая)

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН,
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жилищной политике советского государства в условиях предвоенного и военного времени. В ней анализируются стратегии власти по решению жилищного вопроса, рассматриваются проекты строительства жилья и его формы. Значительное внимание уделяется внутреннему убранству жилья и восприятию жилищных условий населением того времени. Отмечается, что, несмотря на предпринимаемые властью усилия, жилья катастрофически не хватало. Приводимые выдержки из обращений населений к высшему советскому руководству страны свидетельствуют о значительных трудностях в его получении. В то же время проанализированные устные воспоминания участников и очевидцев Великой Отечественной войны позволяют сделать вывод о восприятии жилья как о необходимой, но зависящей от возможностей государства величине благополучной жизни.

Ключевые слова: жилое пространство; устные нарративы; респондент; жилищные условия; дом; коммунальная квартира; Великая Отечественная война; частная жизнь.

Soviet Jewish Community Strategies, Concerning Memory Perpetuation (Erection of Memorials to Jews-Fascism Victims Case Study)

¹ Alexandra Tcherkasski

² Leonid Terushkin

¹ Institut für Diaspora- und Genozidforschung Fakultät für Geschichtswissenschaften
Ruhr-Universität Bochum Universitätstr. 150 44801 Bochum, Germany

² Russian Scientific and Educational Center "Holocaust", Russian Federation

Abstract. The article, case studying the memorials erection, shows the process of Jews, victims of Nazism memory perpetuation by the Jewish Community within the Soviet Republics in postwar, what difficulties the Jewish Communities and groups of initiators faced, trying to prove the Jewish identity of the graves and gain adoption of Jewish symbols on memorials and memorial signs to fascism victims.

Keywords: fascism victims; Jews; memorials.

Введение. В Советском Союзе понятие «еврей» имело два разных значения. Первое – национальный признак, этническая принадлежность, второе – одно из вероисповеданий. Формально по национальному признаку советские евреи обладали всеми правами и обязанностями, как и другие национальности, проживавшие на советской территории. Более того, после основания Еврейской автономной области в 1934 г. пять депутатов от этой национальной территории стали входить в Совет Национальностей Верховного Совета СССР [1, 2]. Таким образом, с 1934 г. советские евреи являлись уже не только этнической, но и формально обладающей территорией национальностью [3, с. 77; 4, с. 81]. Что касается вероисповедания, то так как в Советском Союзе фактически с 1918 г. и законодательно с 1929 г. было жесткое разделение между государством и церковью, то вся духовная деятельность всех конфессий состояла под надзором специально для этого созданной инстанции (инстанций), с 1943/1944 гг. – Совета по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви, позже Совета по делам религий. Исходя из этого, все действия официально зарегистрировавшихся еврейских (иудейских) религиозных общин и обществ диктовались и контролировались непосредственно этими инстанциями. Религиозные обряды происходили в основном в стенах молельного здания, не выходя за его пределы (либо, как исключение, выпечка мацы и кошерная резня скота). Тем самым главной возможностью памяти о своих родственниках и близких еврейского религиозного и нерелигиозного населения являлась поминальная молитва во время религиозной службы из-за отсутствия общих других легальных форм сохранения памяти. Были также попытки со стороны еврейских общин установить памятники на кладбищах либо непосредственно на местах гибели жертв. Но так как это выходило за границы возможностей еврейских общин, им предписанных и разрешенных действий, с одной стороны, а установка памятников была государственным делом – с другой, они часто сталкивались с препятствиями со стороны не только их непосредственно контролирующих отделов по делам религий, но и местных властей.

Дело в том, что установка памятников до середины 1950-х гг. входила в компетенцию отделов коммунального хозяйства. После создания Министерства культуры СССР в 1953 г. и его территориальных органов дело установки памятников перешло под их контроль. [5, с. 121-122]. Кладбищенское дело административно продолжало относиться к отделам коммунального хозяйства. Фактически конфессиональные кладбища или конфессиональные участки на общих кладбищах в связи с большим объемом работы зачастую были переданы для ухода и благоустройства религиозным общинам [6, с. 35-41]. То есть религиозный ритуал (обряд) в форме (ежегодных) поминок и специфической символики на надгробных плитах и памятниках в некоторых местах был вынесен за пределы, которые предписывались отделами по делам религиозных культов (по делам религий). Кладбища — даже конфессиональные — в отличие от молельных зданий не входили в компетенцию Совета по делам религиозных культов (по делам религий). Во избежание административной путаницы в 1947 году на объединенном Совете по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров Союза ССР обсуждался этот вопрос и было решено, что кладбищенское дело находится под надзором органов коммунального хозяйства и „в силу этого вопрос о состоянии кладбищенского хозяйства не может входить в компетенцию работы обоих Советов“ [6, с. 20]. Таким образом, многие конфессиональные кладбища стали так называемой „серой зоной“, в которой при условиях передачи территории кладбища религиозной общине под уход, было возможно увековечить память родных и близких, погибших во время Второй мировой войны. Установка памятников в общественных местах или на местах братских могил религиозным группам без соответствующих разрешений была невозможна. Попытки действовать вопреки этому порядку

часто заканчивались для инициативных групп и отдельных лиц судебными процессами и, как правило, сроками заключения («Яма», Минск) и сносом памятников (Понары) [7, 8, с. 600-601]. Одним из ярких примеров стал памятник на месте массового уничтожения евреев в Литве под Вильнюсом – в Понарах. После краха польского государства Вильнюс был присоединен в октябре 1939 г. к Литве. И туда хлынуло большое количество беженцев, в особенности со стороны Польши, оккупированной Германией, а также с новоприобретенных Советским Союзом западных территорий Украины и Белоруссии. В 1940 г. страны Прибалтики были присоединены к Советскому Союзу. Как ненадежные элементы подверглись депортации в лагерь в глубине России многие представители местного населения, в том числе и евреи [9]. Ирония этих депортаций такова, что большая часть депортированных осталась в живых, они избежали поголовного истребления еврейского населения германскими оккупантами и их сообщниками. Вильнюс испокон веков был одним из центров еврейской культурной и религиозной жизни, носил название «Литовский Иерусалим», количество евреев в Вильнюсе на середину 1941 года составляло 60000 человек [10]. Во время германской оккупации Литвы для евреев были созданы гетто. В вильнюсское гетто попали не только жители города, но и жители окрестных городов, сел и деревень. Понары – железнодорожная станция примерно в 10 километрах от Вильнюса, где до нападения Германии на Советский Союз было подготовлено место, вырыты ямы под резервуары горючего для запланированного военного аэродрома [8, с. 578]. Во время оккупации Литвы ямы в Понарах использовались для уничтожения советских военнопленных и мирного населения и позже сжигания останков жертв. Всего 100000 жертв, из них 70000 евреев, включая большую часть узников вильнюсского гетто. После освобождения Литвы от германской оккупации и с возвращением эвакуировавшихся и успевших бежать жителей Вильнюса назад, начались попытки восстановления еврейской жизни в городе и сохранения памяти о трагедии евреев. На местах массового уничтожения проводились памятные митинги. В 1945 г. в Понарах был поставлен памятник [8, с. 600-601] с надписью на идиш и русском языке: "Понары. Вечная память погибшим евреям Вильнюса и другим евреям от рук немецко-фашистских убийц, злодейских врагов человечества"(на идиш). Под идишским текстом далее следует фраза на иврите: "Голос крови невинных вопиет из земли. Отомстим кровной мстью за пролитую кровь мучеников". Вторая фраза, конечно же, не могла быть переведена на государственный язык в связи с ярко выраженной религиозной и национальной подоплекой текста. (Более подробное разъяснение о подобном понятии мучеников в еврейской религиозной терминологии последует ниже). И в 1944 г. был организован еврейский музей в городе Вильнюсе, просуществовавший до 1949 года [11, с. 11]. С началом кампании против "безродных космополитов" 10.06.1949 года Совет Министров Литовской ССР закрыл еврейский музей своим постановлением № 411 "О реорганизации Еврейского музея в Вильнюсе в Вильнюсский краеведческий музей", и его материалы были переданы частично в Историко-революционный музей и другие документы – в Государственный архив [11, с. 16]. Да и памятник простоял недолго. В 1952 г. он был снесен. Впоследствии, в 1959 г., к 15-летию освобождения Литвы от нацистского режима, в Понарах открылась маленькая выставка, которая была частью Вильнюсского музея, позже – отделом Музея Революции [12].

На ежегодно санкционированных памятных мероприятиях главным образом поминался героический побег узников из лагеря Понары, который как часть сопротивления советского народа являлся знаком советской идеологической верности и борьбы против "врага всего человечества – варварского фашизма". Памятник в советской манере – стела сверху с пятиконечной звездой, окруженная лавровым венком – символом победы – и стандартной надписью "жертвам фашистского террора 1941–1944", как и многие другие памятники Великой Отечественной войне, – на русском и литовском языках был установлен в начале 1970-х гг. Только в 1991 г. там был добавлен памятник с еврейской символикой и текстом, упоминающим о еврейских жертвах на идише и иврите на лицевой стороне и литовском, русском и английском языках на обратной: "Вечная память убитым и сожженным здесь, в Паняряй, 70000 евреев Вильнюса и его окрестностей нацистскими палачами и их пособниками".

Этот памятник был сооружен семьей Эпштейн из Израиля.

Фотоархив А.Черкасски: Понары 2011

Фотоархив А.Черкасски: Понары 2011

История памятника в Понарах весьма репрезентативна для всего Советского Союза с послевоенного периода вплоть до 1980-х годов. Как выше сказано, сооружение памятников в общественных местах являлось государственным делом. Таким образом, частные памятники могли быть поставлены только на кладбищах, да и то с разрешения властей.

На еврейском кладбище города Каунас в 1979 г. были перезахоронены останки жертв из бывшего каунасского гетто и поставлена скромная надгробная плита. Она содержит традиционную еврейскую похоронную символику – звезду Давида и буквы "пе" и "нун" – акронимы, обозначающие на иврите "здесь покоятся/ похоронены" (по нитма или по никбар) – и с надписью на трех языках: идиш, русском и литовском. Текст на идише гласит: "Там покоятся останки/прах (жителей) гетто Каунас, которые были замучены и сожжены 12–24.07.1944. Они были в 1979 году перезахоронены." На русском языке: "Жертвы фашистских злодеев при сожжении гетто 12–22 июля 1944 г. Останки перенесены из гетто в 1979 г." И на литовском: "Здесь похоронены евреи, умершие в 1944 году, когда нацисты с 12–24 июля сожгли каунасское гетто. Останки были перенесены в 1979 году." Четкий национальный признак жертв виден только по литовскому тексту, хотя на идиш и на русском языке присутствует слово «гетто» и дата «1944 год», которые, хоть и не открыто, но явно указывают на национальную принадлежность жертв.

Есть также примеры, когда на русском языке эксплицитно указываются еврейские жертвы, как на кладбище города Куренец Белорусской ССР. В середине 1941 г. в городе Куренец проживало евреев – 1131. После нацистской оккупации, как и в других местах, в городе было организовано гетто. 09.09.1942 г. его ликвидировали и оставшихся жителей уничтожили [17]. На территории кладбища в 1955 г. был воздвигнут памятник. Бетонный памятник, выполненный в традиционной советской форме, сверху с красной пятиконечной звездой, внешне напоминающий памятники павшим солдатам. Текст выбит на памятнике только на русском языке: "Здесь покоятся 1040 человек еврейской национальности м. Куренец, зверски замученных фашистскими захватчиками. 1942 г." [18]

© URJC 2004

© URJC 2004

<http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>

<http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=003.jpg&type=3>

В качестве очень показательного примера хотели бы описать памятник, поставленный в Любче Белорусской ССР. Накануне германской оккупации население Любчи состояло на 90% из евреев. Большая часть из них была в начале оккупации вывезена в Новогрудок и другие города на разные работы, где впоследствии была уничтожена. Оставшихся в гетто евреев общим числом 1531 человек в июне 1942 г. расстреляли, среди них стариков и детей [19]. На кладбище, которое также является местом массового расстрела, была в советское время поставлена надгробная плита с выбитой пятиконечной звездой, на которой изображены серп и молот, и ниже следует надпись на русском языке: „84 человека, зверски замученные немецко-фашистскими палачами. 1941–42 года“. Ни форма надгробной плиты, ни текст не представляют на первый взгляд никаких свидетельств о национальности уничтоженных жертв. Единственный намек о еврейских жертвах – это выбитые буквы «З» и «Л» между советской символикой и надписью. На иврите акроним «Зал» употребляется при упоминании погибших, в особенности, когда речь идет о еврейских мучениках в религиозном смысле. Мучениками по религиозному определению являются те, кто погиб во времена религиозных преследований. А со времен первого крестового похода это обозначение распространяется на всех евреев, уничтоженных за их принадлежность к иудаизму [20]. Таким образом, погибшие во время Холокоста рассматриваются в

еврейской традиции как мученики. Даже если эти буквы были позже выбиты на памятнике, то для религиозных посетителей они были явным знаком о принадлежности жертв. Авторы надписи, как видно, обладали детальными знаниями о религиозных обрядах. Хотя памятник в Любче на первый взгляд не дает никаких особых сведений о самих жертвах, все же эта малозаметная религиозная символика свидетельствует не только о еврейских жертвах, но также о весьма чутком ее понимании авторами. С одной стороны, был создан нейтральный памятник, не вызывающий никаких подозрений, которые могли бы привести к неприятностям в отношениях с местными властями, а с другой – авторы оставались верными себе и увековечили память уничтоженных своих родных и близких.

Надо отметить, что еврейская общественность отнюдь не всегда была одинока в своих усилиях по установке памятных знаков и мемориализации памяти о жертвах Холокоста. Неравнодушные подвижники-энтузиасты встречались среди представителей разных национальностей. К сожалению, их усилия не всегда приводили к ожидаемым результатам. Здесь хочется рассказать о сооружении памятника в г. Рославль Смоленской области РСФСР на месте расстрела узников гетто в 1942 г.

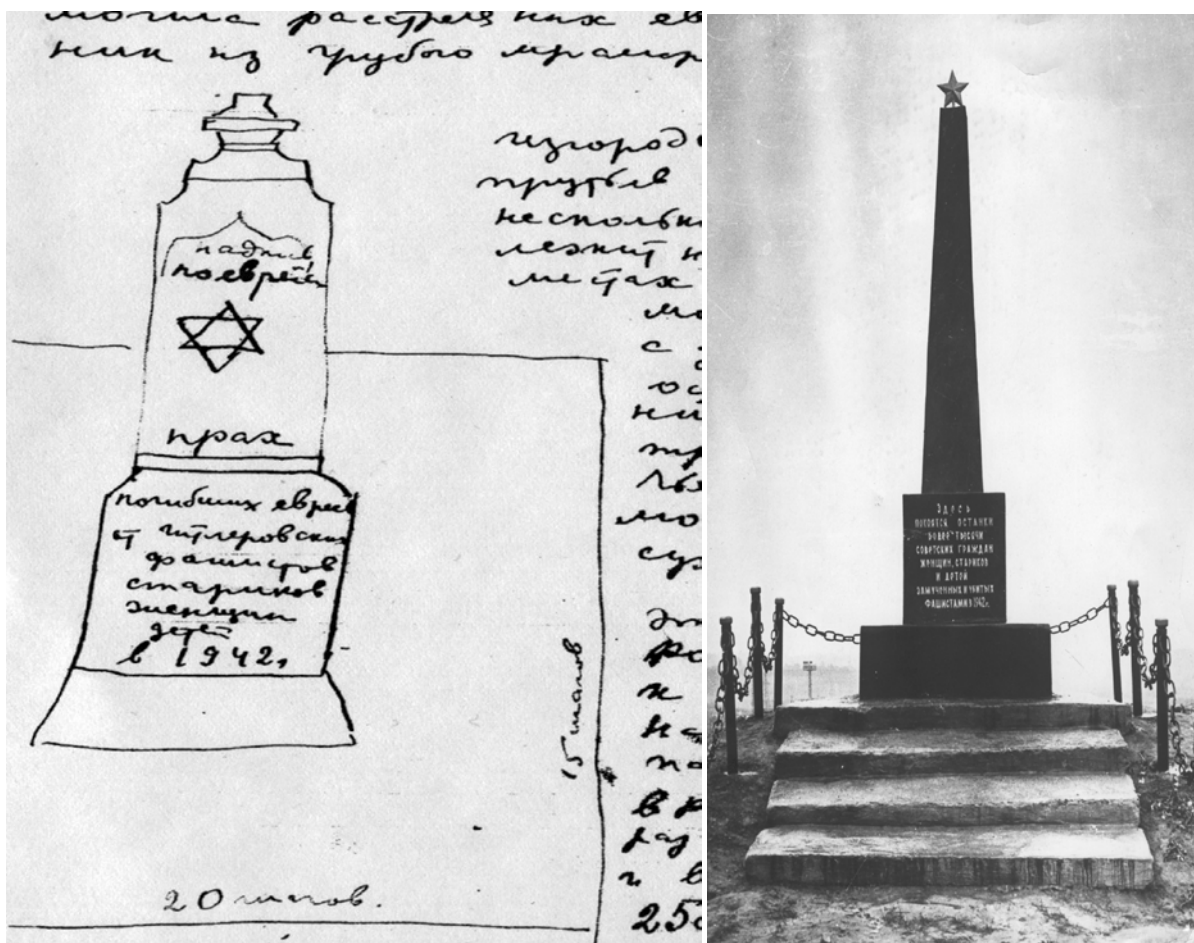
Инициатива сооружения памятника принадлежит Елене Алексеевне Ивановой (1896–1972), внучатой племяннице Ф.М. Достоевского. Она была широко известна на Брянщине и Смоленщине: педагог, историк-краевед, собирательница документальных свидетельств о партизанах и подпольщиках Великой Отечественной. Последним делом ее жизни, занявшем более десяти лет, стал сбор свидетельств о Холокосте и еврейском сопротивлении. На рубеже 1960–1970 гг., когда на эту тему в СССР было наложено негласное табу, Е.А. Иванова готовит к печати рукопись «Положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг.» [21]. (Рукопись опубликована в 2012 г., см. ссылки 22–24).

Один из важных сюжетов рукописи – ситуация с памятниками жертвам Холокоста и инициативой по их установке в середине 1960-х гг. Местный житель, встреченный в Рославле на еврейском кладбище в 1964 г., рассказал Е.А. Ивановой: «Мой тесть и я ставили памятник на общей могиле расстрелянных евреев в 1946 или 1947 году. Ставили от еврейской общины. Теперь она не существует. Никто не следит за могилой, и там все пришло в запустение». О действиях самой Ивановой узнаем из ее примечания: «Стоял памятник из грубого мрамора. Изгородь ... пришла в разрушение. Несколько звеньев ее лежат на земле. Во многих местах прутья исчезли. Население растащило их для хозяйственных нужд. Могильный холм сровнялся с землей – только осталась покатошь к низу, поросшая травой. Видно, что здесь паслась корова: лежат лепешки сухого навоза. Такова была картина в 1964 году. Видно было, что рославльскому начальству нет никакого дела до

исторических мест. Тогда я начала хлопотать о памятнике. Евреи быстро поддержали меня, собрали деньги. Через четыре года – в 1968 году – был открыт памятник» [22].

Разумеется, все было не просто и замысел Е. Ивановой не был реализован так, как ей хотелось, несмотря на то, что об ее усилиях писали в еврейских газетах во Франции и Польше. В ее рукописи есть рисунок проекта памятника в Рославле. Видно, что на памятнике планировалось изображение Звезды Давида, надпись на русском языке «Праха погибших евреев от гитлеровских фашистов, стариков, женщин, детей в 1942 г.» и надпись «по-еврейски» [23]. Установленный памятник ничего общего не имел с проектом Е.А. Ивановой и ее еврейских друзей из разных городов СССР. Стандартная пирамида с пятиконечной звездой с надписью «Здесь покоятся останки более тысячи советских граждан – женщин, стариков и детей, замученных и убитых фашистами в 1942 г.» [24].

Проект Е. А. Ивановой «Памятник в Рославле»

Закключение. В целом можно назвать следующие стратегии, которые использовались советской еврейской общественностью по увековечиванию памяти своих родных и близких, помимо службы в синагогах. Так как установка памятников в общественных местах была невозможна без неприятных последствий для авторов, инициаторов и для памятника, то все же существовала так называемая "серая зона" – кладбища, которые были переданы еврейским общинам под уход. Это, однако, не обозначало, что еврейские общины были свободны в своих действиях. Они все еще должны были согласовывать свои намерения с местными властями, которые далеко не всегда приветствовали указания на принадлежность жертв. Таким образом, авторы памятников были в некоторых местах вынуждены не указывать на национальность уничтоженных, а лишь намекать. Способом намек служил порой язык идиш (иврит в СССР был почти запрещен) либо, как в последнем примере, авторы проявляли более творческий подход к делу.

Примечания:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей // Правда, № 248, 17.10.1945.
2. URL: http://www.knowbysight.info/1_SSSR/07705.asp.
3. Диманштейн С. В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // Революция и национальности. № 10, 1935. С. 77.

4. Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 81.
5. Государственный архив г. Киева (далее – Госархив г. Киева) Ф. Р-987, Оп. 1, Д. 143, Л. 121-122.
6. Archiv Yad Vashem Ф.М. 46, Д. 31, Л. 35-41.
7. Герасимова И.Г. Новая история старого памятника// Мишпоха. № 22, С. 90-98; URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>;
8. Аграновский Г., Гузенберг И. Вильнюс: По следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Путеводитель. Вильнюс, 2011. С. 600-601.
9. Arad Y. Concentration of Refugees in Vilna on the Eve of the Holocaust// Yad Vashem Studies 1973, Nr. 9. P. 201-214.
10. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10920&query=>; Краткая Еврейская Энциклопедия, том 1+Доп.2, кол. 667-671+279-281.
11. Марголис Р. Начало// Еврейский Музей, Вильнюс, 1994. С. 11.
12. URL: <http://www.jmuseum.lt/index.aspx?Element=ViewArticle&TopicID=157>
13. URL: www.eja.pri.ee
14. URL: www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html
15. Евстафьева Т. Бабий Яр во второй половине двадцатого века // Бабий Яр: человек, власть, история. Кн. 1. Историческая топография, хронология событий. Киев, 2004. С. 191-203.
16. Менахем Баркан, Латвия. Карта памятных мест еврейской истории. Синагоги, еврейские кладбища, места захоронения жертв Холокоста. Рига, 2005.
17. Вершицкая Т.Г. Куренец // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 498-499.
18. <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>
19. Вершицкая Т.Г. Любча // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 255-257.
20. "Десять мучеников". КЕЭ, т. 2, кол. 342; URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11414&query=%CC%D3%D7%C5%CD%C8%CA>
21. Архив НППЦ «Холокост». Ф. 46. Оп. 1. Д. 37.
22. Иванова Е.А. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. // Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова. М. – Ростов-н/Д, 2012. С. 103-104.
23. Там же, илл. вклад. 14.
24. Там же, илл. вклад. 15.

УДК 93/94

**Стратегии советской еврейской общественности
по увековечиванию памяти на примере установки
памятников евреям-жертвам фашизма**

¹ Александра Черкасски

² Леонид Терушкин

¹ Рурский университет Бохума, Германия

² Российский научно-просветительский Центр «Холокост», Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе конкретных примеров установки памятников показано, как происходило увековечение памяти еврейских жертв нацизма на территории советских республик в послевоенный период со стороны еврейской общественности, с какими трудностями сталкивались еврейские общины и просто инициативные группы граждан в своих усилиях подчеркнуть еврейскую принадлежность захоронений и добиться утверждения еврейской символики на памятниках и памятных знаках жертвам фашизма.

Ключевые слова: жертвы фашизма; евреи; памятники.

PAPERS AND RECORDS

UDC 93/94

“These Are Our Legal Trophies...” The System of Parcel Freight Organization from the Red Army in the Field in 1945 on the Basis of Declassified Archive Documents *

Elena S. Senyavskaya

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Abstract. The readers are offered the newly declassified documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Russian State Military Archive, disclosing the mechanism of military parcels of the servicemen from the army in the field receipt and delivery from Germany to the rear areas of the USSR at the final stage of the Great Patriotic War. Both execution documents of People’s Defense Commissariat and State Defense Committee, decrees of Council of War of the 1st Belarus and 1st Ukrainian Frontlines, Group of Soviet Occupation Forces in Germany and reports by frontline political authorities and military units political departments, concerning personnel sentiment in respect of command by People’s Defense Commissariat to permit parcels sending to the Motherland, emerging problems and the ways to overcome them. The introductory article highlights the features of perception of the enemy country, its way of life and the everyday life of its population by Soviet servicemen, the reasons of such phenomenon as barakholstvo and the reaction of political bodies to the “new sentiment” in the troops, having emerged after the border crossing.

Keywords: Great Patriotic War; Germany; 1945; Red Army; personnel sentiment; trophies; military parcels; command presents to the demobilized servicemen; declassified archive documents.

Среди распространенных исторических мифов, внедренных в массовое сознание наших соотечественников еще в конце «перестройки» и с тех пор активно муссируемых западными и либеральными российскими СМИ в канун каждой годовщины Победы, – «разнузданное мародерство» советских войск в 1945 году в побежденной Германии, из которой, якобы, «вывозили все подчистую», и едва ли не каждый наш солдат «обогатился», вернувшись на родину с «целой кучей» заграничных трофеев.

При этом речь идет не о законных репарациях [1] в пользу советского государства, которое сильнее всех участников Второй мировой войны пострадало от фашистской агрессии (хотя в последние годы даже их правомерность пытаются оспаривать!), а именно о «личных трофеях», «отнятых русскими варварами у беспомощных гражданских немцев».

Любимые цитаты, которые приводят в подтверждение картины повального грабежа, сугубо литературные:

«По дороге на Берлин / Вьется белый пух перин», «...А ребятам нужды нет – / волокут часы стенные и ведут велосипед» (Александр Твардовский, «Василий Теркин»);

«Взять – оно бы не зазорно, / Да ведь возят барахло, / А в посылку – пять кило!» (Александр Солженицын, «Прусские ночи»).

«У тети Зины кофточка с драконами да змеями, / То у Попова Вовчика отец пришел с трофеями. / Трофейная Япония, трофейная Германия. / Пришла страна Лимония – сплошная чемодания» (Владимир Высоцкий, «Баллада о детстве»).

Образно, жестко, хлестко...

Еще любят с благородным негодованием пройтись по легендарному маршалу Г.К. Жукову, обвиненному в 1948 г. в стяжательстве за «вагоны вывезенных трофеев» и сосланному в Уральский военный округ, вспомнить арестованных и осужденных по тому же «трофейному делу» (и полностью реабилитированных в 1953 г.) его друзей и соратников – Члена Военного Совета 1-го Белорусского фронта, а затем Группы Советских Оккупационных Войск в Германии генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина, командира корпуса Героя Советского Союза генерал-лейтенанта В.В. Крюкова и его жену – певицу Лидию Русланову... Хотя и вынуждены признать, что это все – «дела политические», со множеством подтасовок, но, де, «дыма без огня не бывает», и вот уже Герой – не герой, а «мародер и морально разложившийся тип». И однажды приклеенный «ярлык» перечеркивает все подвиги и былые заслуги...

Но что же в действительности происходило в Германии в 1945 г.?

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

Писатель-фронтовик В.О. Богомолов, воевавший на 2-м Белорусском фронте и закончивший войну в Восточной Пруссии, вспоминал: «Оказавшись на территории Германии после четырех лет кровопролитной жестокой войны, разрухи, голода, бойцы и офицеры Красной Армии, к своему удивлению, увидели богатые и сытые хозяйства немецких фермеров, отлично организованное сельское хозяйство, невиданную сельскохозяйственную и бытовую технику, бетонированные скотные дворы, шоссе, проложенные от деревни к деревне, автострады для восьми или десяти идущих в ряд машин; увидели в берлинских предместьях и дачных районах шикарные двух- и трехэтажные собственные дома с электричеством, газом, ванными и великолепно возделанными садами... Увидев эту сытую, устроенную, благополучную жизнь обычного немца, умопомрачительную роскошь вилл, замков, особняков, поместий, увидев крестьянские дворы: чистоту, опрятность, благосостояние... стада на пастбищах... в деревенских домах шкафы и комоды, а в них – одежда, хорошая обувь, шерстяные и пуховые одеяла, фарфор... увидев все это, советский военнослужащий ощущал непривычную новизну всех предметов и окружающих явлений и невольно задавался вопросом, чего же им, немцам, еще не хватало при такой-то райской жизни... Всеобщая ненависть к немцам, несмотря на приказы, наставления, указания на изменение отношения к мирному немецкому населению, невольно разгоралась еще больше при сопоставлении их уровня жизни – и тех зверств, которые они совершили...» [2].

При этом следует отметить особую проблему восприятия советскими людьми заграницы, довоенные представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годы внушаемые идеологические стереотипы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы». Так, 6 февраля 1945 г. начальник Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенант А.Д. Огороков на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главного Политического Управления РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника отмечал: «...У нас сейчас появились новые политические настроения. Сельское хозяйство Восточной Пруссии – высоко развитое и организованное. Это хозяйство кулацкое, основанное на эксплуатации труда. Прусская вотчина – юнкерско-помещичье хозяйство. Поэтому все хорошо, богато выглядит. И когда наш красноармеец-крестьянин попадает сюда, особенно красноармеец в политическом отношении незрелый, с сильными мелкобуржуазными, частнособственническими взглядами, то он невольно сопоставляет колхоз с немецким хозяйством. Отсюда факты восхваления немецкого хозяйства. У нас даже отдельные офицеры восхищаются немецкими вещами... Агитатор и пропагандист мимо этих новых явлений в политических настроениях проходить не должен, ибо эти настроения основаны на неправильных выводах об увиденном... Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства... Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями, надо правильно разъяснить вопрос о системе хозяйства в Восточной Пруссии. Неплохо будет затронуть вопрос и в нашей печати, показать Восточную Пруссию как реакционное гнездо» [3].

Опасения политработников были не напрасны. «В Германии мы увидели, что такое цивилизация, – вспоминал минометчик Н.А. Орлов. – Даже к самому маленькому немецкому поселку вела асфальтированная дорога. Все деревья вдоль дорог были пронумерованы. Кругом чистота. Сельские сортиры были выложены кафелем. Поразили имперские дороги. На обочинах не было телеграфных или электрических столбов. Лента дороги использовалась немецкой авиацией как взлетная полоса, и мы от немецких самолетов в конце войны лиха натерпелись немало. Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погреба, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями... Еды в их запасниках было столько, что немцы еще могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну...» [4].

Даже бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой – озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. «Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтовому другу Ю.П. Шарапову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н.Н. Решетникова. – Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках... Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько

сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания» [5].

Это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим “разрушительством”, и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди выплескивали чувство мести за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход своей горечи.

Нельзя отрицать и факты «трофейно-посылочной лихорадки» в советских войсках на заключительном этапе войны и сразу после ее окончания. Письма с фронта четко фиксируют подобные настроения. Так, 19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнослужащая М. Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют...» [6]. В. Герасимова писала родным 20 февраля из действующей армии: «Фриц бежит, все свое бросает... В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются» [7]. 11 февраля Е. Охрименко хвалилась в письме к брату: «Живем хорошо, трофеи ребята приносят, достают...», а 22 февраля бесхитростно признавалась: «Мамочка, есть у меня на примете хорошенький паренек, и любит он меня, и я его люблю... У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня. Так что ... с мужем замечательным приеду домой...» [8].

Военное командование и политорганы именовали это явление «барахольством», отмечали его опасность для армейской дисциплины и морального духа армии, призывали к принятию «самых решительных мер» [9]. Генерал-лейтенант А.Д. О कोरोков в своем выступлении заявлял: «...Я особо хочу выделить вопрос об опасности явлений пьянства, барахольства, насилий, бессмысленных поджогов и т.п. Опасность этих явлений в том, что они расшатывают воинскую дисциплину, порядок, организованность... История знает много фактов, когда победоносные войска, вступив на территорию противника, распускались и становились уже не теми войсками, которыми были до вступления на территорию врага... Почему надо более сурово, более решительно и более сильно дать оценку этим явлениям? Потому что в них большая опасность. Люди теряют облик воинов Красной Армии, ориентируются на легкую добычу, на легкую жизнь... Был такой факт, когда все обозы в одной части оказались забитыми шелками, скатертями и другим барахлом, а боеприпасов было только ½ боекомплекта, и когда потребовалось дать огонь, то сделать этого не смогли. Мы можем оказаться в таких условиях, когда немец соберет кулак и нанесет сильный контрудар. И если наши обозы будут загружены барахлом, то это приведет нас к печальным последствиям: мы можем скомпрометировать то великое наступление, которое развернули... Надо оздоровить обстановку, действовать вплоть до исключения из партии и снятия людей с руководящих должностей, ибо интересы партии, интересы государства нам выше всего. Война еще не кончилась, а мысль многих руководящих офицеров занята барахлом. Сейчас надо сделать крутой поворот в сторону борьбы с этим явлением, используя все формы и методы, ибо опасность очень велика: мы можем потерять армию. Побрякушки могут поглотить наших людей. Если никакие надолбы и доты не задержали нашего наступления, то занавески, ситцы могут стать более крепкими дотами, чем железо и бетон... Немцы ... сознательно оставляют барахло, чтобы наши бойцы запутались в нем. Тут нужно повести решительную борьбу, иначе мы можем потерять армию, а отвечаем за это мы. За душу бойцов отвечаем мы, коммунисты... Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса» [10].

Однако «нажиться» и «обогатиться» стремились все же немногие, в основном «тыловики и обозники». Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались в письмах и дневниках очень часто. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность» [11]. Большинство советских военнослужащих старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания. 24 февраля 1945 г. Г. Ярцева писала с фронта: «...Если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым...» [12].

Можно понять чувства тех, кто отправлял домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь шла не об изъятых у населения ценностях, а об оставленных и бесхозных вещах. Так, старшина В.В. Сырлицин в письмах к жене в июне 1945 г. объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем, и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное «тузами» берлинскими и распределяли по-товарищески, кому что нравится...» В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре: никто не грабит и не берет

ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном Берлинском магазине и складе, или найденные распротрошенные чемоданы тех, кто давал «стрекоча» из Берлина» [13].

А вот рассказ минометчика Н.А. Орлова: «...По поводу трофеев. Наглого грабежа на моих глазах не было. Если кто-то что-то брал, то только в брошенных домах и магазинах. «Всевидающее око» особистов в Германии не дремало. За мародерство иногда расстреливали... Когда разрешили посылать посылки домой, ... я матери послал посылку с отрезами ткани, и она благополучно дошла до адресата. Нарвались как-то на ящик немецких часов-«штамповок», всем расчетом соорудили посылки, но эти посылки «пропали без вести». У каждого в роте появилась «коллекция» часов и зажигалок, которую держали, как правило, в котелках. Знаменитая фронтовая игра «махнем, не глядя» уже выглядела так: стоят двое, у каждого за спиной котелок, которыми и «махались». Но чтобы кто-то кольца золотые в кисете таскал – я не видел...» [14].

Приказ НКО СССР № 0409 от 26 декабря 1944 г. «Об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны» [15] вызывает особо яростные споры. Так, еще в 1989 г. публицист В. Кардин говорил: «После того, как наша армия перешла государственную границу, приказом разрешили посылки на родину», – и задавался вопросом: «Содействовал ли вообще этот приказ моральному здоровью войска?» [16]. А писатель-диссидент Лев Копелев открыто называл его «узаконенным мародерством»: «Да, посылки действительно разрешили. Незадолго до начала зимнего наступления. Каждому солдату предоставлялось право посылать одну или две восьмикилограммовые посылки в месяц. Офицерам вдвое больше и тяжелее. Это было прямое и недвусмысленное поощрение будущих мародеров, науськивание на грабежи. Что иного мог послать солдат домой? Старые портянки? Остатки пайка?..» [17].

Цифры Копелев приводит неточные, что выглядит довольно странно: будучи политработником, он должен был хорошо знать содержание этого приказа: полагалась только одна посылка в месяц, солдату – весом 5 кг, офицеру – 10 кг, генералу – 16 кг [18]. При этом право отправлять посылку семье предоставлялось не всем подряд, а лишь военнослужащим передовых частей, «хорошо исполняющим службу», в качестве поощрения [19], с письменного разрешения командования воинской части [20]. Также командование от своего имени высылало посылки семьям раненых и погибших солдат и офицеров [21]. И вся процедура отправки, и содержание посылки были четко регламентированы. Те вещи, которыми она укомплектовывалась, солдат не выискивал среди брошенного на дорогах барахла, не подбирал в оставленных домах и тем более не отнимал у мирного населения, как утверждают некоторые авторы. Командование предоставляло к его услугам специальный склад, куда свозилось бесхозное имущество, признанное трофейным и выделенное в специальный «посылочный фонд» [22], откуда и выдавались по строго установленной квоте «товары широкого потребления», а если быть точнее, первой необходимости. Отрез ткани, кусок мыла или швейные иглы, высланные в посылке на родину, были реальной помощью семьям, оставшимся без кормильца в голодной, раздетой, разоренной немецкими оккупантами стране. Из ткани можно было сшить одежду или обменять ее на продукты, мыло и иголки ценились на вес золота, килограмм гвоздей использовался на восстановление разрушенного дома, а бумага и карандаши были необходимы детям в школе. А вот предметы роскоши в сожженной дотла деревне никого не интересовали.

Цель приказа была вполне разумной и справедливой: поддержать семьи фронтовиков за счет награбленного Германией богатства, в том числе вывезенного из СССР. Кстати, некоторые солдаты «из принципа» отправляли домой только вещи с советскими фабричными клеймами, символическим жестом возвращая их на Родину «из немецкого рабства». Политдонесения свидетельствуют: приказ был воспринят как забота государства о фронтовиках и их близких и встречен с большим одобрением [23].

Разумеется, не обходилось без злоупотреблений, особенно на первых порах, когда организационного опыта еще не хватало. Бойкие тыловики и интенданты ухитрились отправлять по несколько посылок вместо одной положенной, в то время как солдатам и офицерам передовых частей было не до визитов на почту – они воевали [24]. Были и случаи расхищения воинских посылок как на этапе первичной транспортировки, так и в недрах самой почтовой службы, о чем свидетельствуют многие документы [25]. И начальник Тыла 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Н.А. Антипенко был уличен членом Военного Совета фронта К.Ф. Телегиным в неких «сомнительных операциях» [26]. Но все это – «эффект исполнителя», который способен извратить любое полезное начинание. С нарушениями боролись, виновных наказывали, система работала, преодолевая естественные трудности. Были предусмотрены все возможные нюансы. Так, например, согласно «Инструкции по приему, обработке, пересылке и доставке воинских посылок с действующих фронтов в тыл страны», утвержденной Постановлением ГКО № 7192с от 23 декабря 1944 г.: «Не врученные посылки адресатам, ввиду их ненахождения, обратно отправителям не возвращаются, а по истечении 2-месячного срока хранения в местах выдачи передаются для реализации в государственную торгующую сеть для продажи по государственным ценам инвалидам Отечественной войны и семьям

фронтовиков. Поступившую от реализации сумму госторгующие организации сдают предприятиям Наркомсвязи для пересылки почтовыми переводами отправителям этих посылок» [27].

После окончания войны логичным продолжением «трофейно-посылочной» темы стало Постановление ГКО № 9054-С от 23 июня 1945 года «О мероприятиях, связанных с проведением закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» [28], в котором, помимо обеспечения комплектом нового обмундирования, сухим пайком в дорогу (а сверх того солидным продовольственным набором в подарок) и единовременным денежным вознаграждением, предлагалось разрешить Военным Советам фронтов и армий «бесплатную выдачу из трофейного имущества в качестве подарков увольняемым по демобилизации красноармейцам, сержантам и офицерам, хорошо исполнявшим службу, некоторых предметов бытового пользования», а также организовать для них через хозяйственные аппараты войсковых частей и соединений продажу за наличный расчет трофейных товаров и предметов широкого потребления по утвержденной на одного человека норме. Чуть раньше, в Постановлении ГКО № 90360 от 9 июня 1945 г. [29] предлагалось «выдать всем генералам в собственность, безвозмездно, из числа трофейных по одной легковой машине» (офицерскому составу – мотоциклы и велосипеды), а также предоставить возможность приобрести за наличный расчет пианино, охотничьи ружья, сервизы, ковры, гобелены, меха, фотоаппараты, часы и др. Вот эти-то подарки командования и вещи, приобретенные на выданное сразу за несколько месяцев (а то и лет!) денежное содержание военнослужащих, были привезены в СССР демобилизованными советскими солдатами и офицерами. И было их не так уж много, как представляют сегодня не знакомые с реальной картиной тех лет современные писатели и журналисты. Тех же, кто особо возмущается по поводу «генеральских машин», хочется спросить: а сами пешком ходите, господа? Или боевой генерал победившей армии не заслуживал персонального автомобиля?

Гуляющие по Интернету «разоблачительные статьи» пестрят «перестроечными» штампами и откровенными ляпами: «Рядовым разрешались посылки до 8 кг [опять *Копелевская цифра!* – Е.С.], маршалы и генералы везли добро эшелонами... Много появилось тогда в СССР немецких аккордеонов, особенно ценилась марка «Вельтмайстер». Привезли немало велосипедов, в том числе и ранее невиданных мопедов. Офицеры пытались разжиться высококачественной одеждой, особенно кожаной. Кому повезло, смог довести до своего дома немецкое кожаное пальто или такую же куртку, высококачественную обувь, женские сумки и другие аксессуары «красивой жизни». Но не всем удавалось перевезти вещи через контрольно-пропускные пункты. Ведь разжиться невиданными «чудесами» хотели и пограничники, и сотрудники НКВД, которые не попали на немецкую территорию. Теперь они изымали из солдатских «сидоров» все, что им понравилось. А тех, кто не хотел отдавать, наказывали – иногда достаточно строго» [30].

Однако документы свидетельствуют об обратном. Пункт 17 упомянутого выше Постановления ГКО № 9054-С от 23 июня 1945 г. гласил: «Освободить военнослужащих, уволенных из Красной Армии, при переезде Государственной границы от таможенного досмотра» [31]. Верховный Главнокомандующий, знающий, что такое «эффект исполнителя», заранее оградил фронтовиков от произвола «тыловых крыс». Или кто-то считает, что приказ Сталина, доведенный до всех военнослужащих, можно было безнаказанно проигнорировать?

Предлагаемые вниманию читателей документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Российского государственного военного архива лишь недавно рассекречены и публикуются впервые (кроме № 1). Они позволяют проследить процесс выполнения Приказа НКО СССР № 0409 от 26.12.1944 г. в частях Действующей Армии на 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, возникающие на разных этапах проблемы и способы их решения. Автор надеется, что их публикация будет в значительной мере способствовать восстановлению подлинной исторической картины и затруднит дальнейшие спекуляции на данную тему.

Примечания:

1. О размере вывезенных из Германии репараций см.: Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций, М., 1994. С. 20; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. С. 117.
2. Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2006. № 1. [Электронный ресурс]: URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/03.html (дата обращения 15.08.2013)
3. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4-5, 12; Д. 78. Л. 30-32.
4. Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню». // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html> (дата обращения 15.08.2013)
5. Переписка Ю.П. Шарапова с Н.Н. Решетниковой. 1942–1945 гг. // Личный архив.
6. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 85.
7. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.
8. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 90-91.
9. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 17-20; Д. 76. Л. 225, 226; Д. 78. Л. 30-32 и др.
10. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4-5, 12; Д. 78. Л. 30-32.
11. Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М. – Магнитогорск, 2010. С. 496.

12. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 86.
 13. Цит. по: Тажиудинова И.Г. Указ. соч. С. 497.
 14. Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню».
 15. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). М.: ТЕРРА, 1997. С. 344-345.
 16. Кардин В. Не застрять бы на обочине. (Из писем фронтовому другу) // Дружба народов. 1989. N 2. С. 243.
 17. Копелев Л. Хранить вечно. В 2 кн. Харьков, 2011. Кн. 1. С. 131.
 18. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). С. 344.
 19. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). С. 344; ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 279; Ф. 1641. Оп. 1. Д. 167. Л. 14.
 20. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 281, 283.
 21. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 281; Ф. 1641. Оп. 1. Д. 167. Л. 14-15.
 22. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 29. Л. 63.
 23. ЦАМО РФ. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 166. Л. 80; Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 280.
 24. ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 281-283.
 25. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 394-398; РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 529. Л. 20.
 26. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 90.
 27. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). С. 347.
 28. ЦАМО РФ, Ф. 46. Оп. 2414. Д. 100. Л. 10-15.
 29. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 32. Л. 94-95.
 30. Страна Чемодания // http://www.chel-att.ru/raznoe/strana_chemodaniya_chast_2/ (дата обращения 15.08.2013)
 31. ЦАМО РФ, Ф. 46. Оп. 2414. Д. 100. Л. 15.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1.

Приказ НКО СССР «Об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны»

№ 0409

26 декабря 1944 г.

Одобен Народным комиссаром обороны СССР

Государственный Комитет Обороны постановлениями за № 7054 от 1 декабря 1944 г.² и за № 7192с от 23 декабря 1944 г.³ разрешил хорошо исполняющим службу красноармейцам, лицам сержантского и офицерского состава, а также генералам действующих фронтов отправку личных посылок на дом.

Отправка посылок может производиться не более одного раза в месяц в размерах: для рядового и сержантского состава – 5 кг, для офицерского – 10 кг и для генералов – 16 кг.

Во исполнение этих постановлений Государственного Комитета Обороны – приказываю:

1. С 1 января 1945 года в военно-почтовых станциях открыть прием личных посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров частей, соединений и учреждений, а также от генералов действующих фронтов Красной Армии для отправки в тыл страны.

2. Посылки из подразделений и частей на военно-почтовых станциях принимать от отправителей (красноармейцы, сержанты и офицеры) только при наличии в каждом случае разрешения командира части, соединения или руководителя соответствующего военного учреждения.

3. Прием воинских посылок от красноармейцев и сержантского состава производить бесплатно. От офицерского состава и генералов взимать за пересылку посылок по 2 рубля за килограмм.

Органам военно-полевой почты принимать посылки и с объявленной ценностью: от рядового и сержантского состава – до 1000 рублей, от офицеров до 2000 рублей и от генералов – до 3000 рублей с взиманием страхового сбора по действующему тарифу.

4. Для приема почтовых посылок начальнику Главного управления связи Красной Армии организовать:

а) в составе военно-почтовых станций соединений – отделение почтовых посылок из трех человек;

б) в составе армейских военно-почтовых станций 1-го и 2-го эшелонов – отделение посылок из двух человек в каждой;

в) в составе армейских военно-почтовых баз – отдел посылок из 15 человек;

г) в составе фронтовых военно-почтовых станций первого и второго эшелонов – отделение посылок из двух человек в каждой;

д) в составе фронтового военно-сортировочного пункта – отдел посылок из 20 человек.

² Постановление ГКО СССР. № 7054 от 1 декабря 1944 г. «О фактах незаконного использования трофейного имущества». Упоминается: Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). С. 349.

³ Постановление ГКО СССР № 7192с от 23 декабря 1944 г. «Об организации приема и доставки почтовых посылок от бойцов и командиров действующих фронтов Красной Армии в тыл страны. (Утверждение Инструкции по приему, обработке, пересылке и доставке воинских посылок с действующих фронтов в тыл страны)». Упоминается: Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). С. 346.

Для формирования перечисленных выше отделов и отделений почтовых посылок увеличить штатную численность военно-почтовых станций дивизии, корпуса, армии и фронта на одного офицера в каждой, а штатную численность фронтového военно-сортировочного пункта увеличить на пять офицеров. Остальной состав отделов, отделений посылок укомплектовать до установленного штата за счет существующей численности военно-почтовых органов дивизий, армий и фронтов.

5. Отpravку посылок из военно-почтовых станций соединений до военно-почтовых баз армий и от армейских баз до фронтových военно-почтовых сортировочных пунктов производить транспортом соединений, армий и фронтов. Командирам соединений, военным советам армий и начальникам тыла фронтов, помимо предоставления транспорта для перевозки посылок, выделять для сопровождения посылок необходимую охрану.

6. Перевозку воинских посылок с фронтových почтово-сортировочных пунктов для сдачи органам Наркомата связи производить специальными военно-почтовыми поездами.

Начальнику Главного управления связи и начальнику тыла Красной Армии, совместно с НКПС, сформировать и материально обеспечить по одному поезду для 1-го и 2-го Прибалтийских, 1, 2 и 3-го Белорусских, 1, 4, 2 и 3-го Украинских фронтов в составе 15 крытых вагонов и одного людского вагона для обслуживающего персонала и воинской охраны, в общем количестве до 25 человек.

Сформированные военно-почтовые поезда подчинить начальникам связи фронтов.

При скоплении на фронтových военно-почтовых сортировочных пунктах большого количества посылок военным советам фронтов представлять заявки в НКПС на дополнительное количество вагонов в состав военно-почтовых поездов.

7. Для вывоза воинских посылок из фронтových военно-почтовых сортировочных пунктов, расположенных в районе железных дорог западно-европейской колеи, начальнику тыла Красной Армии генералу армии т. Хрулеву и начальнику Главного управления связи Красной Армии маршалу войск связи т. Пересыпкину сформировать по вышеуказанному типу военно-почтовые поезда из вагонов западно-европейской колеи и обеспечить перевалку посылок в военно-почтовые поезда отечественной колеи.

8. Воинские посылки из военных почтово-сортировочных пунктов фронтов для передачи их органам Наркомсвязи доставлять военно-почтовыми поездами:

от 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов – до ст[анции]. Рига;

от 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов – до ст[анции]. Минск;

от 1, 4, 2 и 3-го Украинских фронтов – до ст[анции]. Киев.

Воинские посылки из частей и соединений 14-й отдельной армии доставлять органам связи в г. Мурманск, а из частей, соединений Ленинградского фронта – в г. Ленинград.

9. Начальнику Главного организационного управления Генерального штаба Красной Армии к 1 января 1945 г. внести изменения и дополнения в штаты органов военно-полевой почты в соответствии с пунктами 4, 6 и 7 настоящего приказа.

10. Начальнику тыла Красной Армии перевести с 1 января 1945 года весь офицерский, сержантский и красноармейский состав, занятый на приеме, доставке и охране воинских посылок, на питание по норме № 1 приказа НКО № 312 1941 г.

11. Начальнику Финансового управления Красной Армии установить с 1 января 1945 г. всему офицерскому и сержантскому составу, работающему по приему и доставке воинских посылок с фронтов, повышенные на 25% оклады содержания.

12. Принять к руководству и исполнению прилагаемую Инструкцию по приему, обработке, пересылке и доставке воинских посылок с действующих фронтов в тыл страны.

13. Командирам частей, соединений и начальникам учреждений действующей армии разъяснить всем военнослужащим Инструкцию о порядке отправки личных посылок из действующей армии в тыл страны.

14. Военным советам фронтов представить мне к 15 февраля 1945 года доклады о ходе выполнения настоящего приказа.

Заместитель Народного комиссара обороны СССР
генерал армии Булганин

**ИНСТРУКЦИЯ
по приему, обработке, пересылке и доставке воинских посылок
с действующих фронтов в тыл страны**

Утверждена Постановлением ГОКО
№ 7192с от 23 декабря 1944 г.

Общее положение

Воинские посылки от рядового, сержантского, офицерского состава и генералов Красной Армии для отправки в тыл страны принимаются в военно-почтовых станциях соединений действующих фронтов Красной Армии.

Вес посылок установлен:

от рядового и сержантского состава – до 5 кг, от офицерского состава – до 10 кг, от генералов – до 16 кг.

Максимальный размер посылки не должен превышать 70 см в каждом из трех измерений.

Воинские посылки от красноармейцев и сержантского состава принимаются бесплатно, от офицерского состава и генералов за плату по 2 рубля за килограмм. Посылки, по желанию отправителей,

могут подаваться также и с объявленной ценностью: от рядового и сержантского состава – 1000 рублей, от офицеров – до 2000 рублей и от генералов – до 3000 рублей с взиманием страхового сбора по действующему тарифу.

Запрещается отправлять в посылках: оружие, предметы военного снаряжения и обмундирования Красной Армии, воспламеняющиеся, взрывчатые вещества, ядовитые вещества, медикаменты, всякого рода жидкости, скоропортящиеся продукты, письменное вложение, деньги в различной валюте, всякого рода литературу и другой печатный материал.

Приему подлежат посылки, упакованные в жесткую укупорку (деревянный ящик, чемодан), обшитые прочной материей или в мягкой укупорке, обшитой прочной материей.

Прием посылок

Посылки из подразделений и частей на военно-почтовую станцию доставляются лично отправителями (красноармейцами, сержантами, офицерами) и принимаются к отправке при наличии разрешения командира части, соединения или руководителя соответствующего военного учреждения.

Посылки к отправке предъявляются в открытом виде для проверки вложения. После проверки вложения посылка наглухо забивается и зашивается, перевязывается крестообразно шпагатом с пропуском под оболочку по углам посылки и опечатывается печатью военно-почтовой станции.

В правом верхнем углу посылки и на сопроводительном бланке делается надпись «Воинская».

В приеме каждой посылки военно-почтовой станцией отправителю выдается отдельная квитанция установленной формы.

Сдача посылок предприятиям Наркомата связи

Воинские посылки учреждениями военно-полевой почты сдаются предприятиям Наркомсвязи в установленных пунктах, с поименной проверкой посылок, по группам, разработанным в соответствии с установленным порядком сортировки и направления корреспонденции, с обязательной сдачей бланка сопроводительного адреса.

На накладных делается отметка «Воинская».

Посылки с поврежденными оболочками, неопечатанные, с сильно поврежденными или неясными печатями, посылки, издающие течь или явно с недостающим весом, сдаются предприятиям Наркомсвязи только после переделки их и устранения перечисленных дефектов при актах.

Если при сдаче будут обнаружены смешанные группы посылок, то в этом случае они выгружаются из вагонов, приводятся в порядок в соответствии с документами и только после этого сдаются военно-почтовой распределительной базе Наркомсвязи.

Выдача посылок в предприятиях Наркомата связи

Извещения адресатов о прибытии в их адрес посылки обрабатываются выделенным порядком и доставляются предприятиям Наркомсвязи в установленные контрольные сроки.

Неврученные посылки адресатам, ввиду их ненахождения, обратно отправителям не возвращаются, а по истечении 2-месячного срока хранения в местах выдачи передаются для реализации в государственную торгующую сеть для продажи по государственным ценам инвалидам Отечественной войны и семьям фронтовиков.

Поступившую от реализации сумму госторгующие организации сдают предприятиям Наркомсвязи для пересылки почтовыми переводами отправителям этих посылок.

Материальная ответственность

За посылки, утраченные по обстоятельствам военного времени в районах фронтового тыла, органы военно-полевой почты и Наркомсвязи материальной ответственности перед получателями и отправителями не несут. За посылки, утраченные по другим обстоятельствам, выплачивать возмещение стоимости посылок отправителям в пределах объявленной ценности, за счет страхового фонда Наркомсвязи, установленным порядком.

Заявления о розыске посылок от отправителей принимаются и рассматриваются управлениями связи фронтов и в центре – Управлением военно-полевой почты Главного управления связи Красной Армии.

Заявления о розыске посылок, поданные получателями в предприятия Наркомсвязи, последними направляются в Военное бюро учета почтовых отправок г. Москва.

Порядок приема, оформления, обработки, пересылки и выдачи воинских посылок в части, не предусмотренной настоящей Инструкцией, осуществляется в соответствии с действующими правилами и инструкциями по почтовой эксплуатации.

Народный комиссар связи СССР Сергейчук
Начальник Главного управления связи Красной Армии
маршал войск связи Пересыпкин

РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 491-498.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-3). Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). М.: ТЕРРА, 1997. С. 344-347.

№ 2.
Служебная записка

30.1.45 г. ВС/063

Только лично
Всем первым и вторым членам Военных Советов армий

Мне стало известно, что генерал-лейтенант и [интендантской] / с [лужбы] Антипенко договаривался с некоторыми членами Военных Советов и начальниками тылов Армий о присылке специальных посылок трофейного имущества для Членов Военного Совета фронта и руководящих работников Полевого Управления фронта, без предварительного согласия тех, кому предложено присылать такие посылки.

Подобную практику считаю недопустимой.

В случае необходимости, тот или иной Член Военного Совета фронта сам может Вам сказать об этом и в услужливых посредниках не нуждается. Делается это Антипенко для того, чтобы под посылками нам от Вас – развязать себе руки для более широких «операций».

Категорически воспрещаю делать что-либо по указанию генерал-лейтенанта Антипенко для Военного Совета фронта, потребовать этого от Ваших начальников тылов и интендантских работников.

Его указание, полученное некоторыми т.т. на совещании 26.1.45, не выполнять и подобными операциями по его предложениям не заниматься.

Генерал-лейтенант Телегин

30 января 1945 г.

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 90.

№ 3.

Политдонесение политотдела 328 стрелковой краснознаменной дивизии об отзывах и настроениях личного состава дивизии в связи с приказом НКО о разрешении отправлять на родину посылки

1 февраля 1945 г.

№ 056

Секретно

Начальнику политотдела 47-й Армии
полковнику тов. Калашник
Начальнику политотдела 77 с [трелкового] к [орпуca]
гв [ардии]. полковнику тов. Писаренко

Сообщение личному составу дивизии о том, что приказом НКО разрешено отправлять на родину посылки, было встречено бойцами, сержантами и офицерами с большим удовлетворением.

Красноармеец минометной роты Бурак заявил: «Этим приказом проявлена большая забота товарища Сталина о воинах и восстанавливается справедливость. Мы будем посылать на родину то, что немцы награбили у нас и нажили за счет труда наших людей, угнанных на немецкую каторгу».

Красноармеец-разведчик 2 с [трелкового] б [атальона] 1103 с [трелкового] п [олка] Бойко в беседе с бойцами своего подразделения говорил: «Мы пришли в Германию не как грабители, а как армия победителей. У меня немцы сожгли и разграбили все хозяйство. Если я пошлю родным какие-нибудь вещи, это будет для них некоторым утешением за то, чего лишили нас немцы». Такие же мнения высказывают бойцы и других подразделений.

Большинство офицеров, главным образом, старшего командного состава считают, что им «не с руки» заниматься отправкой посылок на родину.

За январь месяц по дивизии было отправлено от бойцов, сержантов и офицеров 135 посылок, из них: от рядового и сержантского состава 86 посылок. От офицеров, главным образом, младшей и средней группы 49 посылок. В посылках главным образом отправляется новое готовое платье и обувь, имеются случаи отправки вещей, бывших в употреблении, представляющих малую ценность. В редких случаях в посылках отправляются консервированные жиры и сахар.

Для примера привожу содержимое посылки красноармейца 2 стрелковой роты 1105 с [трелкового] п [олка] Барышева. Ботинки новые 1 пара, туфли новые детские 1 пара, тетради, карандаши, карманный фонарь, ручка «вечное перо», платки носовые, духи, чулки шелковые 2 пары, белье женское нижнее, часы ручные, кошелек кожаный, сахарин. Всего весом – 5 кг.

Малое количество посылок, отправленных на родину, объясняется стремительным продвижением дивизии вперед. Учитывая это, командование дивизии дало указание тылам частей об организации и отправке посылок на родину бойцам, отличившимся в наступательных боях. Отправив такую посылку, командование части сообщает бойцу, что его семье отправлена посылка, передает ему квитанцию и перечень содержимого посылки. Первым в дивизии несколько таких посылок отправлено в отдельной зенитно-пулеметной роте.

Начальник политотдела 328 с [трелковой] к [раснознаменной] д [ивизии]
подполковник Годунов

ЦАМО РФ. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 166. Л. 80.

№4.

Политдонесение Политуправления 1-го Украинского фронта о выполнении приказа НКО № 0409 «Об организации приема и доставки посылок военнослужащих в тыл страны».
1 марта 1945 г. № 0131 Секретно

Начальнику Главного Политического Управления
 Красной Армии генерал-полковнику тов. Щербакову А.С.
 Копия: Военному совету фронта

С получением приказа НКО № 0409 в частях и соединениях фронта сразу же развернулась разъяснительная работа. При политотделах корпусов и соединений состоялись совещания руководящих политработников и командиров частей, на которых изучался приказ НКО № 0409 и Военного Совета фронта № 0273.

Проведены инструктивные совещания работников полевых почтовых станций с участием представителей политорганов. На этих совещаниях изучены приказ НКО № 0409 и Военного Совета фронта № 0273, а также инструкции по приему и обработке посылок. Обращено внимание работников почт на оказание помощи бойцам в правильном написании адреса, оформлении посылки и т.п.

Приказ НКО № 0409 был изучен с офицерским составом, при этом особое внимание обращалось на то, чтобы командиры частей и подразделений широко использовали это важнейшее мероприятие как поощрение военнослужащих, честно и добросовестно несущих свою службу.

В частях и соединениях приказ и инструкция прочитаны личному составу. Политработники и агитаторы подразделений провели групповые и индивидуальные беседы с бойцами.

В красноармейских газетах помещались статьи, излагающие порядок приема посылок от военнослужащих, правила заполнения переводов, упаковки посылок и написания адресов на них.

Политорганы соединений оказали практическую помощь военно-почтовым станциям в подборе работников отделений по приему посылок. Эти отделения в большинстве соединений укомплектованы проверенными и надежными людьми. Многие из них являются коммунистами и имеют опыт почтовой работы. В соединении, где начальником политотдела полковник Светлов, все работники отделения посылок – коммунисты. В соединении полковника Охупкина из трех работников отделения – 2 коммуниста. Работникам военно-почтовых станций разъяснен приказ НКО № 0409 о повышении им денежного содержания.

Личный состав горячо одобрил приказ НКО № 0409, считает его важным государственным делом, направленным к лучшему материальному обеспечению семей фронтовиков. Ст. сержант 507 сп соединения, где начальником политотдела полковник Волгин, тов. Мокрый сказал: «Я вижу, как отечески заботится о нас товарищ Сталин. Это он, родной наш, беспокоится о воинах. Он знает нужды наших семей, понимает, как будут они рады, получив подарок-посылку. Это обязывает нас еще сильнее бить немцев до их окончательного разгрома».

Красноармеец 77 полка Пахомов говорит: «Наше командование и лично товарищ Сталин проявляют большую заботу о тех, кто с честью отстает с оружием в руках интересы нашей Родины. Наши семьи имеют льготы и получают материальную помощь от государства. Сейчас мы сможем послать им посылки, вернуть часть того, что награбили немцы».

Командир 88 отд[ельного] батальона капитан Матвеев (соединение, где начальником политотдела полковник Михайлов) в своем выступлении заявил: «Разрешение на отправку посылок в тыл страны – это забота нашего вождя не только о нас, воинах, но и о наших семьях. На приказ НКО № 0409 ответим повышением воинской дисциплины и беспощадным истреблением немецких захватчиков».

Прием посылок начался 1 января 1945 года. По 9 соединениям фронта с 1 января 1945 года по 15 февраля от военнослужащих принято 135950 посылок, в том числе от бойцов переднего края 68083. В соединении, где начальником политотдела генерал-майор Гришаев, принято 26319 посылок, из них от бойцов и сержантов – 20297, от офицерского состава – 6022. Личный состав переднего края отправил 14100 посылок.

Особенно большой поток посылок был в феврале 1945 г., когда войска фронта вступили на территорию Германии.

Отделения посылок в большинстве своем справляются с задачей. Большого накопления посылок в военно-почтовых станциях армий и соединений не наблюдается. Во многих почтовых станциях, обслуживающих армейские части, разработаны графики приема посылок, для каждой части отведены определенные дни сдачи посылок, что значительно ускорило эту работу.

Во многих соединениях прием посылок производится от бойцов и офицеров переднего края непосредственно в полках и батальонах, куда выезжают работники отделений посылок армий и соединений. К этому привлекаются работники тыловых подразделений, командиры хоз. взводов, старшины и др.

Хорошо поставлена отправка посылок в соединении, где начальником политотдела подполковник Яровой. В частях этого соединения бойцам оказывается помощь в пошиве мешочков для посылок, в написание адресов, в подборе содержимого посылок и т.д. Сдача посылок проходит организованно. В установленное время с полевой почты выезжает приемщик и на месте оформляет прием посылок от бойцов.

Большую заботу о бойцах проявляет командование и партполитаппарат 124 отд. танкового полка. В январе месяце было отправлено 7 посылок бойцам, которые вследствие ранения получили инвалидность и находятся дома. В феврале подготовлено для отправки 13 посылок семьям бойцов и офицеров, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Подготовлена посылка семье капитана Юрченко, погибшего в боях на германской территории, представленного посмертно к званию Героя Советского Союза, семьям ст. лейтенанта Гончарова, сержанта Слепова, рядового Богданова и др.

Вместе с тем в выполнении приказа НКО № 0409 вскрыто много существенных недостатков.

Командование и политорганы отдельных соединений не придали должного значения вопросу организации и отправки посылок, не оказали надлежащей помощи военно-почтовым станциям и не контролировали их работу. В результате в ряде мест установлено грубое нарушение приказа НКО № 0409. Отдельные командиры и начальники не использовали выдачу справок как меру поощрения лучших бойцов, выдавали их без учета, по несколько справок одному лицу, а также лицам, не заслужившим права на получение справки. В ряде мест эти справки подписывались не командирами частей, а второстепенными лицами и даже писарями. Пользуясь этим, некоторые военнослужащие, особенно тыловых подразделений, отправляли по 5–6 посылок в месяц. Начальник военно-почтовой станции соединения, где начальником политотдела полковник Кладовой, капитан Закалин за полтора месяца отправил в тыл 7 личных посылок. Работники этой же базы – старший приемщик сержант Заплавский и шофер-красноармеец Крупин – отправили в январе по 4 посылки каждый.

Начальник канцелярии штаба армии, где начальником политотдела генерал-майор Воронков, капитан Старосельский, злоупотребляя своим служебным положением, занялся барахольством и за несколько дней отправил родным 4 посылки.

В ряде соединений приказ НКО № 0409 выполняется очень медленно. Работники полевых почт не проявляют в этом отношении должной оперативности. В результате в некоторых частях неудовлетворительно организован прием посылок от бойцов и офицеров переднего края. Выезды работников отделений посылок непосредственно в части не практиковались, а личный состав переднего края, ведя непрерывные бои, не имел времени пойти на полевую почту. В соединении, где начальником политотдела подполковник Александров, из принятых 690 посылок только 255 послано бойцами и офицерами переднего края. В соединениях, где начальниками политотделов подполковники Глухов и Ступин, за полтора месяца не принято от личного состава ни одной посылки.

Организация приема и отправки посылок затруднена отсутствием достаточного количества транспорта. Военно-почтовой базе соединения, где начальником политотдела полковник Кладовой, по штату положено 16 автомашин, а в наличии только 8. Из них совершают рейс 6 машин, а 2 – находятся в ремонте. Отделения посылок соединений своих автомашин не имеют. Для транспортировки посылок они используют попутные автомашины. В результате посылки лежат по несколько дней на ППС, а направляясь с попутным транспортом, пропадают. 720 посылок, принятых полевой почтой соединения, где начальником политотдела подполковник Терентьев, около 20 дней не отправлялись на армейскую базу. На армейской базе на 15 февраля скопилось 8413 посылок, не отправленных на фронтовой обменный пункт.

Военно-почтовые станции ощущают затруднения в работе по приему и доставке посылок в связи с недостатком посылочных бланков и сургуча. Особенно плохо с обеспечением бланков приданных частей. Соединение подполковника Квашник, приданное армии, где начальником политотдела генерал-майор Гришаев, совершенно не имеет бланков для посылок. Несмотря на это, армейская полевая почта категорически отказывается выдать бланки, мотивируя, что бригада снабжается ими с полевой базы.

Для устранения выявленных недостатков приняты следующие меры:

Начальникам политорганов предложено систематически контролировать выполнение приказа НКО № 0409, оказывать необходимую помощь в работе отделений посылок и военно-полевых баз, улучшить воспитательную работу с личным составом почтовых учреждений, исключить всякую возможность на незаслуженное право пользования в отправки посылок бойцам и офицерам, плохо несущим службу.

Военные Советы армий издали специальные приказы по устранению выявленных недочетов. В приказе от 7 февраля 1945 года Военный Совет армии, где начальником политотдела генерал-майор Воронов, предложил командирам соединений и частей завести журналы учета выдачи справок на сдачу посылок, выдавать их только хорошо исполняющим службу красноармейцам, лицам сержантского и офицерского состава. Потребовал от командиров корпусов и дивизий обеспечить охрану посылок во время транспортировки и своевременную доставку их от военно-почтовых станций соединений до армейских почтовых баз.

В ряде соединений политорганы совместно с прокуратурой провели специальную проверку работы полевых почт по организации приема и отправки посылок. Вскрытые недостатки обсуждены на совещаниях почтовых работников, намечены меры по их устранению.

Политорганы и партийные организации проводят сейчас большую работу по организованной отправки командованием частей посылок военнослужащих переднего края. Командование частей использует также как поощрительное мероприятие отправление посылок от своего имени в адрес семьям отличившихся, раненых и погибших в боях.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

Практика показала, что значительная часть бойцов и офицеров переднего края, несущих службу, а также раненые не имеют возможности лично присутствовать при сдаче посылки на военно-почтовых станциях, как этого требует инструкция. Отправка посылок из-за этого задерживается. К тому же на

военно-почтовых станциях создаются большие очереди, отнимающие много времени у военнослужащих. Нередко бойцы возвращаются обратно в свои подразделения, не сдав посылки, что вызывает нарекания, жалобы с их стороны. Командиры частей, посылая от своего имени посылки семьям отличившихся воинов, погибших в боях или раненых, также не имеют возможности сдавать посылки лично. **Поэтому прошу поставить вопрос о разрешении приема посылок не только лично от каждого отправителя, а и от специальных уполномоченных, выделенных командованием с представлением списка отправителей и документа, подтверждающего, что содержимое посылки строго соответствует инструкции.**

Прошу также поставить вопрос о приеме посылок от вольнонаемных, честно относящихся к своим служебным обязанностям (в приказе НКО № 0409 о них не говорится).

Начальник Политического Управления
1-го Украинского фронта
гв. генерал-майор Яшечкин

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 279-283.

№ 5.

**Постановление Военного Совета 1-го Белорусского фронта
16 марта 1945 г. № 034 Действующая Армия Секретно**

Придавая исключительно важное политическое значение мероприятию по приему и доставке на родину посылок от бойцов и офицеров Государственный Комитет Обороны СССР постановлением за № 7777-С от 10 марта разрешил:

I.

1. Отпускать бесплатно из складов частей (соединений) хорошо исполняющим службу красноармейцам, сержантам и офицерам боевых частей, а также раненым, находящимся на излечении в госпиталях фронтов и армий, для отправки в посылках на родину трофейные продукты: сахар или кондитерские изделия – 1 кг, мыло 200 грамм в месяц и трофейные изделия широкого потребления по 3–5 предметов в месяц из перечисленных наименований:

Носки - 1 пара
Чулки - 1 пара
Перчатки - 1 пара
Носовые платки - 3 шт.
Подтяжки - 1 пара
Дамская обувь - 1 пара
Дамское белье - 1 комплект
Дамское платье - Одно
Помада - 1 тюбик
Гребни - 1 шт.
Расчески - 1 шт.

Головные щетки - 1 шт.
Бритвы - 1 шт.
Лезвия - 10 шт.
Зубные щетки - 1 шт.
Зубная паста - 1 тюбик
Детские предметы - 1 вид
Одеколон - 1 флакон
Пуговицы - 12 штук
Конверты и бумага почтовая - Дюжина
Карандаши простые и химические - 6 шт.

II.

Во исполнение решения Государственного Комитета Обороны за № 7777-С от 10 марта с/г. Военный Совет фронта ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Разрешить расход трофейного сахара за март–май включительно 1945 г. в количестве 1650 тонн с распределением по армиям и отдельным частям и соединениям РГК¹, согласно приложению № 1.

Расход трофейного сахара или кондитерских изделий и мыла производить в пределах лимита, устанавливаемого ежеквартально для каждой армии и отдельных частей и соединений РГК.

Начальнику трофейного управления весь предусмотренный ассортимент товаров передать на склады интенданта фронта, а последнему принять и представить план распределения на утверждение Военного Совета фронта к 20.3.45 г.

2. Прием посылок от бойцов и офицеров производить в каждой отдельной воинской части фронта.

Обязать командиров каждой отдельной воинской части назначить приказом по части по одному сержанту или младшему офицеру, в обязанности которых вменить прием посылок в части, контроль за содержимым посылок и доставку их на военно-почтовые станции.

Воинские посылки после просмотра и окончательной упаковки их в воинской части перевозить на военно-почтовые станции соединения перевозочными средствами воинских частей и сдавать на военно-почтовые станции представителями частей.

Разрешить военно-почтовым станциям соединений принимать посылки без осмотра вложения, в окончательно упакованном виде, оформляя прием и отправку их по назначению в соответствии с правилами военно-почтовой эксплуатации.

3. Военным Советам армий, командирам отдельных соединений и частей:

¹ Резерв Главного Командования

а) Обеспечить правильное распределение лимита сахара, кондитерских изделий, мыла и других трофейных предметов широкого потребления вышеперечисленных наименований для комплектования посылок.

б) Оказывать всемерную помощь хорошо исполняющим службу красноармейцам, сержантам и офицерам в комплектовании ими посылок и отправке их на родину.

в) Обязать командиров частей и соединений определить каждой воинской части день сдачи посылок на военно-почтовые станции, не допуская скопления сдающих посылки.

г) Выделить военно-почтовым учреждениям пригодные помещения для приема и обработки посылок, обеспечив их необходимой охраной.

д) Доукомплектовать военно-почтовые учреждения личным составом за счет лиц, ранее работавших в органах связи, а в настоящее время занимающих другие должности. При необходимости усилить военно-почтовые станции, военно-почтовые базы личным составом из запасных полков и резерва для приема, разработки и сопровождения посылок.

е) Обеспечить своевременную и быструю транспортировку воинских посылок от военно-почтовых станций до армейских военно-почтовых баз и фронтового почтового сортировочного пункта, возложив на Начальника тыла армии ответственность за обеспечение перевозочными средствами, а также за своевременную погрузку посылок в вагоны и продвижение этих вагонов до распределительной станции снабжения фронта.

ж) Снабдить все военно-почтовые станции упаковочными материалами: сургуч, шпагат, а также изготовить в армейских типографиях необходимые бланки и накладные для воинских посылок.

з) Для ускорения продвижения посылок в тыл страны отправлять посылки из армейских военно-почтовых баз рассортированными по областям, не допуская смешивания групп посылок одной области с другой.

4. Начальнику Тыла фронта генерал-лейтенанту интендантской службы тов. Антипенко.

а) Организовать своевременную и быструю транспортировку воинских посылок от армейских военно-почтовых баз до фронтового сортировочного пункта 15, а также своевременную погрузку военно-почтовых поездов и их отправку с фронта в тыл страны.

б) Придать военно-почтовому сортировочному пункту № 15 отдельную автомобильную роту в составе 50 автомашин для перевозки посылок от фронтовых обменных пунктов с частями, не имеющими ВПБаз¹ (части РК, 16 Воздушная армия, МЭП² и ПЭП³) и подвоза посылок к военно-почтовым поездам от ВПСР-15⁴.

в) Оборудовать военно-почтовый поезд № 122 необходимыми стеллажами и приспособлениями для разработки и укладки посылок. При скоплении посылок состав военно-почтовых поездов доводить до 60 вагонов.

г) В случае задержки в пути и несвоевременного возвращения военно-почтовых поездов, по заявке начальника связи фронта, немедленно формировать дополнительные военно-почтовые поезда.

д) Учитывая трудоемкость погрузки, укладки посылок в вагоны по группам, представлять на загрузку военно-почтовых поездов с количеством 60 вагонов необходимое время 3–4 суток.

е) Военно-почтовые поезда ввести в график и на всем пути следования их установить контроль за быстрым продвижением до места назначения и обратно.

5. Начальнику отдела Организационного и Укомплектования и Начальнику связи фронта к 20 марта доукомплектовать военно-почтовый сортировочный пункт и военно-почтовый поезд № 122 личным составом из числа негодных к строю, но достаточно грамотных и годных к физическому труду.

На сопровождение посылок авторотой выделить из 10 запасной дивизии 50 человек рядового и сержантского состава и передать их в распоряжение Начальника военно-почтового сортировочного пункта № 15.

6. Командирам частей, соединений, начальникам учреждений разъяснить всем военнослужащим порядок сдачи посылок, обратив внимание на то, что комплектовать посылки разрешается только лучшим красноармейцам и лицам сержантского состава и широко это использовать как меру поощрения.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза Г. Жуков
Член Военного Совета 1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант Телегин

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 31. Л. 129-130об.

№ 6.

Постановление Военного Совета 1-го Украинского фронта № 0010 о плане распределения лимита сахара и трофейных изделий широкого потребления, согласно приказу войскам № 019 от 14 марта 1945 г.

23 марта 1945 г.

Действующая армия

Сов. секретно

¹ военно-полевая база

² местный эвакуационный пункт

³ полевой эвакуационный пункт

⁴ военно-почтовый сортировочный пункт

1. Утвердить следующий план распределения лимита сахара, мыла и трофейных изделий широкого потребления для бесплатного отпуска хорошо исполняющим службу красноармейцам, сержантам и офицерам боевых частей, а также раненым, находящимся на излечении в госпиталях фронта и армий, для отправок посылок на родину (приложение № 1)¹.

2. Учесть ресурсы трофейных изделий широкого потребления в армиях и решениями Военных Советов армий выделить фонды этих изделий боевым частям и армейским госпиталям, по количеству установленных планом комплектов посылок.

3. Начальнику Тыла фронта дать указание Интенданту, Начальнику Санитарного Управления и Начальнику Трофейного Управления фронта об отпуске сахара, мыла и изделий широкого потребления госпиталям и боевым частям фронтового подчинения, а также армиям, которые не имеют достаточного количества трофейных изделий широкого потребления.

4. Командирам соединений, частей, начальникам госпиталей вести строгий учет полученным продуктам и предметам посылочного фонда, не допуская использования не по прямому назначению.

Предупредить всех должностных лиц о строгой ответственности за незаконное, неправильное использование посылочного фонда продуктов и изделий широкого потребления.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта
Маршал Советского Союза Конев
Члены Военного Совета 1-го Украинского фронта
генерал-лейтенант Крайнюков
генерал-лейтенант Кальченко

Начальник тыла 1-го Украинского фронта
генерал-лейтенант Анисимов

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 29. Л. 63.

№ 7.

**Донесение Военного Совета 1-го Белорусского фронта о жалобах военнослужащих
31 марта 1945 г.**

№ ВС/0279

Секретно

Управление кадров ЦК ВКП(б)
товарищу Жукову
Заместителю начальника
Главного Политического Управления Красной Армии
генерал-лейтенанту товарищу Шикину

При этом представляю выписки из писем военнослужащих частей фронта с жалобами на то, что отправляемые на родину посылки в ряде случаев обворовываются, вложенные в посылки вещи изымаются, а вместо них вкладываются разные тряпки и другие негодные вещи.

Подобные жалобы не единичны и число их с каждым днем увеличивается по мере того, как отправители получают письма с подтверждением о получении посылок.

В связи с этими сигналами Прокуратуре фронта и Политуправлению предложено в пределах фронта организовать тотальную проверку порядка приема, обработки и сопровождения посылок к сортировочным базам Наркомата Связи, с тем, чтобы выявить возможные случаи разукomплектования посылок и виновных в этом привлечь к строжайшей судебной ответственности.

Однако это мероприятие не сможет предотвратить разворования содержимого посылок, так как есть основания полагать, что это имеет место больше всего при прохождении посылок от сортировочных баз Наркомата Связи к получателям.

Докладывая об этом, прошу поставить вопрос перед Народным Комиссаром Связи о повышении ответственности работников почтовой службы и усилении контроля за прохождением посылок военнослужащих.

Приложение: По тексту.

Член Военного совета 1 Белорусского фронта
генерал-лейтенант Телегин

ВЫПИСКА

**из писем военнослужащих с жалобами на разукomплектование посылок,
отправляемых военнослужащими**

Оправитель: Военнослужащий ОКР² «СМЕРШ» 69 Армии Жучков П.С.

Получатель: Жучков Н.Н. – Москва, Алексеевский Студгородок. 3 ПРОЕЗД, Д. 2., КВ. 7.

¹ Приложение не публикуется.

² отдел контрразведки

«...Получил от жены письмо о том, что вместо посылки она получила рваные тряпки. Неужели еще до сего времени паразиты на почте творят свое гнусное дело, когда их черти доканают...»

Отправитель: Военнослужащий 328 сд, 47 армии Шикин В.М.

Получатель: Глушков В.П.

«...Федор Автономов получил письмо, что жена получила посылку, но в ней оказались перья куриные и рваные тряпки, а его вещи вынули (нецензурно) почтовые, которые не имеют совести. Сидят в тылу и воруя посылки фронтовиков, с которыми приходится не спать и тщательно ушивать...»

Отправитель: Военнослужащий Минченко Р.Н. – Управление 143 сд 47 армии.

Получатель: Минченко Д.З., Куйбышев областной 28.

«...В тылу сидят сволочи! Если что и пошлешь, то разве получите? У нас несколько человек получили ответ, что вместо посылки получают всякую мразь».

Отправитель: Военнослужащий 1 самоходной артбригады 69 армии Макаров А.М.

Получатель: Кукшева Е.И., Воронежская обл., ст. Грязи, ул. Марата.

«...Есть случаи, вместо товара получают веревки, жена пишет: «Дорогой муженек, зачем ты мне выслал веревки», а вес этой посылки точно сходится...»

Отправитель: Военнослужащий 909 сп 247 сд 69 армии Кода И.А.

Получатель: Кода Н.И. – Омская область, Молотовский р-н, п/с Благовещенка.

«...Приготовил вам уже третью посылку, но нам на фронт пришло письмо очень нерадивое, что готовил солдат-фронтовик своим детям, жене, отцу, матери, а их переделали почтовые крысы, которые не видели и не слышали, что это за фронт. Они вещи вынули, а кирпичи, ключья отправили...»

Отправитель: Военнослужащий военно-почтовой станции Гладченко Д.П.

Получатель: Гладченко – Краснодарский край, Гулькевичский р-н, ст. Гирей, 1 Куб.-Сахарный завод.

«...Солдат в 4 года раз посылает посылку, и находятся такие люди на почте, что подменяют вложения...»

Отправитель: Военнослужащий 127 отд. гв. батальона связи 29 гв. ск¹ 8 гв. Армии Донченко В.М.

Получатель: Донченко М.К. – Донбасс, Авдеевский р-н, Кирпичный завод №25.

«...Наши бойцы уже получают из дома письма, что вместо посылок они получили кирпичи и опилки. Знаешь, у нас есть такие паразиты, что могут это делать. Я тебе послал три посылки, неужели они не дойдут, – беспокоюсь...»

Отправитель: Военнослужащий Цымбалюк И.В. – 635 сп 143 сд 47 армии.

Получатель: Цымбалюк Е.В. – Томская область, Тегульский детский с/с. Сибиряк.

«...У нас ребята посылали, так получили ответ, что получили камни да вшивое барахло...»

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 394-398.

№ 8.

Политдонесение политотдела 328 стрелковой краснознаменной дивизии о ходе выполнения постановления Военного Совета фронта № 034 по вопросу организации и отправки посылок на родину личным составом 328 с[трелковой] в[аршавской] к[раснознаменной] д[ивизии]

3 апреля 1945 г.

№ 0227

Секретно

Начальнику политотдела 47-й Армии
полковнику тов. Калашник
Начальнику политотдела 77 с[трелкового] к[орпуса]
гв. полковнику тов. Писаренко

Разрешения на отправку посылок на родину выдаются лучшим бойцам как поощрение за хорошие боевые действия и безупречную службу, за подписью командиров частей и спецподразделений по представлению командиров подразделений. В феврале месяце имели место случаи, когда отдельные бойцы и офицеры, пользуясь бесконтрольностью в выдаче разрешений на отправку посылок, послали по 2–3 посылки за месяц. Главным образом этим пользовались люди, не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях. Например, в 606 отдельном саперном батальоне писарь штаба старшина Егоров, кладовщик сержант Лыников, старшина Ильин послали в феврале месяце по 2 посылки. В медсанбате дивизии 15 офицеров послали 42 посылки. Характерно, что командир медсанбата майор Корчагин и его зам. по политчасти майор Гринь в феврале месяце послали по 3 посылки.

¹ стрелковый корпус

Все командиры частей и подразделений в начале марта были предупреждены о том, что с выдачей разрешений на отправку посылок не наведен надлежащий порядок. В марте месяце нарушений в выдаче этих справок не было. За первый квартал 1945 года по дивизии отправлено 6895 посылок, из них офицерских 1791.

Линейные подразделения отправили 5640 посылок, из них офицерских – 1322.

Медсанбат, учебная рота, зенитно-пулеметная рота, управление штаба дивизии – 951 посылку, из них 368 офицерских.

Тылы дивизии, ПАХ¹, ДВЛ² – 254, из них 75 офицерских.

В январе месяце с дивизии было отправлено 196 посылок, из них 107 офицерских, в феврале – 2365, из них 732 офицерских, в марте – 4334, из них 952 офицерских.

По указанию политотдела в частях дивизии организована отправка посылок на родину семьям отличившихся в боях раненых и павших смертью храбрых. Организованная отправка таких посылок началась в конце февраля месяца.

До 1 апреля этих посылок было отправлено – 379. Лучше других частей работа по отправке посылок семьям раненых и убитых бойцов и офицеров организована в 1103 с[трелковом] п[олку]. Здесь зам. командира по политчасти майор Левин уделяет этому вопросу должное внимание. До 1 апреля 1103 сп было отправлено 258 таких посылок. В 3 батальоне 1103 сп 35 % всех посылок составляют посылки для семей раненых и убитых бойцов и офицеров. Так, например, семье командира орудия Бондаренко, раненого во время наступления и отправленного в госпиталь на лечение, отправлена посылка, состоящая из мужского костюма, 2 шелковых платья, 6 м[етров] мануфактуры, 2 отрезов по 3 м[етра], мужских ботинок.

Семье тов. Петрова – бывшего парторга 2 с[трелкового] б[атальона] этого же полка, павшего смертью героя – отправлена посылка, состоящая из дамского пальто, дамских туфель, 2 отрезов шелка, 4 простыни, 10 м[етров] мануфактуры, 2 пары детской обуви, часы.

Красноармейцы, находящиеся в госпитале после ранения и вернувшиеся после излечения в полк, узнав, что командование полка послало их семьям посылки, выражают свое удовлетворение заботой о них и их семьях.

Так, например, красноармеец тов. Сидорчук (1103 сп) говорит: «Я доволен заботой командования полка, а в особенности политработников, что они позаботились о моей семье и послали посылку на родину в то время, когда я был в госпитале. Сейчас я вернулся обратно к себе в часть, и я никогда не забуду о том, что обо мне не забыли даже тогда, когда меня не было здесь. Заботу командования чувствую не только я, но и моя семья, получившая эту посылку».

Отправка посылок из частей на полевую почту проходит организованно. Вся работа за организацию этого дела возложена на командиров х[оз], взводов и зам. командиров батальонов по политчасти.

Сдача посылок на почте проходит в присутствии кого-либо из политработников или парторга подразделений.

Абсолютное большинство бойцов и командиров положительно отзываются о возможности отправки посылок на родину.

Мл. сержант пом. командира 1 взвода 1103 сп Ярушич говорит: «Я послал хорошую посылку домой с большой надеждой, что она дойдет. Эта посылка будет большой помощью семье, так как в период оккупации моя семья сильно пострадала от немцев. Эту заботу партии и правительства я никогда не забуду».

Сержант командир орудия 889 а[ртиллерийского] п[олка] Башаков говорит: «В разрешении отправки посылок на родину я вижу большую заботу нашего правительства о семьях бойцов, находящихся на фронте. От этой войны наши семьи много пострадали. Пусть хоть эти посылки немного облегчат им жизнь, пока они живут далеко от нас».

Большое недовольство у личного состава вызывает медлительность доставки посылок на родину. Так, из отправленных посылок в феврале месяце ни на одну до сих пор нет подтверждения об их получении адресатами.

Командир роты связи капитан Савин говорит: «Я послал 2 посылки, одну еще в начале февраля, и до сих пор ни одна не получена дома. Прошло уже 2 месяца, а письма из дома до меня доходят за 10–12 дней. Я не уверен, что посылки вообще будут получать дома».

Красноармеец 1 сб 1105 сп Матвеев говорит: «Я послал посылку 4 февраля, а вчера получил из дома письмо, что посылку еще не получили, а эта посылка дома была бы неплохим подспорьем. Я думаю, что не стоит больше посылать посылок, все равно они не доходят».

Красноармеец 9 стр. роты 1103 сп Орлов говорит: «Послал я одну посылку, и та где-то пропала, я так и знал, что из этого ничего не выйдет».

Работниками Политотдела и партийно-политического аппарата частей проводится большая разъяснительная работа по разъяснению личному составу всех вопросов, связанных с отправкой и доставкой посылок адресатам.

Начальник политотдела 328 свкд
подполковник Годунов

ЦАМО РФ. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 167. Л. 14-16.

¹ полевой армейский хлебозавод

² дивизионный ветеринарный лазарет

№ 10.

Из Доклада Политотдела 38 Пограничного Краснознаменного ордена Суворова полка войск НКВД Начальнику Войск НКВД по охране тыла Группы Советских Оккупационных войск в Германии генерал-майору тов. Зимину о политико-моральном состоянии и воинской дисциплине в полку за III-й квартал 1945 года.

30 сентября 1945 г.

№ П/00639

Сов. секретно.

<...>Характерными фактами аморальных явлений являются:

В марте месяце с.г. личным составом 15 заставы были собраны посылки для отправки семьям погибших бойцов Бошко и Китаева. В связи с неправильной упаковкой посылки дважды не были приняты и возвращены обратно. Никому не докладывая об этом, Петухов самовольно вскрыл обе посылки. Когда некоторые бойцы узнали об этом, обратились к Петухову с просьбой дать им что-либо из вещей. Петухов отдал кр-цу Речкину костюм, а кр-цу Ильину ботинки, остальные все вещи присвоил себе.

Коммунист Петухов исключен из членов ВКП(б).

При сдаче посылки военнослужащих полка на полевую почту № 24520 группа бойцов: Катаев Андрей Филиппович, рождения 1923 года, русский, кандидат в чл. ВКП(б), Сметанников Родион Сергеевич, рождения 1915 года, русский, б/п, Данилов Алексей Яковлевич, рождения 1922 года, русский, член ВЛКСМ, возглавляемые ст. сержантом Брыкиным Николаем Дмитриевичем, рождения 1919 года, русский, рабочий, образование – 7 классов, член ВКП(б) – занялись систематическим хищением посылок военнослужащих. Так, например:

18.6.45 года при сдаче посылок было вскрыто две посылки, часть вещей была обменена на водку и совместно распита, а часть вещей присвоена участниками.

17.7.45 года Брыкин указанной группе бойцов дал задание найти для него в посылках часы и подошвы. Посылку с часами указал Сметанников, а с подошвами – Данилов. Из этих посылок Брыкин изъясил и присвоил себе часы, две пары подошв и отрез лена, плащ. Кр-ц Данилов, разыскивая для Брыкина посылку с подошвами, вскрыл три посылки, вещи которых распределены между всеми участниками. Действуя таким путем, группа под руководством Брыкина только за две сдачи вскрыла 11 посылок, из них две посылки совсем не пошли адресату, а в остальные посылки вместо взятых вещей вкладывалось валяющееся тряпье и отправлялось адресатам.

Коммунист Брыкин исключен из членов ВКП(б), комсомолец Данилов исключен из членов ВЛКСМ.

Вся группа участников в хищении посылок Военным Трибуналом подвергнута лишению свободы с отбыванием меры наказания в ИТЛ сроком на 5 лет каждого без поражения в правах. <...>

РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 529. Л. 20.

№ 12.

Постановление Военного Совета Группы Советских Оккупационных Войск в Германии о выдаче генералам и офицерам трофейного имущества

13 июня 1945 г.

№ 0101

г. Берлин

Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны от 9 июня 1945 г. за № 90360 Военный Совет Группы Советских Оккупационных Войск в Германии

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Выдать всем генералам в собственность, безвозмездно, из числа трофейных по одной легковой машине.

Выдачу машин и специальных удостоверений произвести Начальнику Автомобильного Управления группы полковнику Вайзману, по списку, утвержденному Военным Советом Группы Советских оккупационных войск.

Начальнику Автомобильного Управления полковнику Вайзману и Начальнику Отдела горюче-смазочных материалов полковнику Ложкину к 1 июля разработать и представить через Начальника Тыла сообщения о порядке снабжения горючим, обеспечения водительским составом, ремонтом и запасными частями автомашин, передаваемых в собственность генералам.

2. Обязать Командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерал-лейтенанта Орел, Начальника Трофейного управления генерал-майора Жижина, Начальника Дорожного управления генерал-майора Донец и Начальника Отдела комендатур полковника Шестакова к 20 июня 1945 г. представить Начальнику Тыла генерал-лейтенанту Антипенко данные о наличии (по маркам и по техническому состоянию) трофейных мотоциклов и велосипедов.

Начальнику Тыла разработать и представить на утверждение Военного Совета, на основании полученных данных, порядок бесплатной выдачи офицерскому составу мотоциклов и велосипедов.

3. Интенданту Группы Советских Оккупационных войск полковнику Ткачеву к 30 июня 1945 г. представить Военному Совету через Начальника Тыла списки генералов, желающих приобрести за плату пианино-рояль, радиоприемник, фотоаппараты, охотничьи ружья и часы, с указанием их расценки как из имеющегося у них наличия, так и фронтowych складов.

4. Интенданту Группы Советских Оккупационных войск полковнику Ткачеву учесть наличие, скомплектовать и произвести оценку ковров, гобеленов, мехов, сервизов, чайных и столовых, фотоаппаратов и товаров широкого потребления и представить свои сообщения Военному Совету через Начальника Тыла Группы войск для выдачи за плату генералам и офицерам.

5. Для оценки трофейного имущества, указанного в пунктах 3 и 4 настоящего постановления, выдаваемого генералам и офицерам, создать оценочные комиссии из представителей политоргана, финансового отдела и специалистов соответствующих служб. Комиссии создать распоряжением Военных Советов Армий.

Фронтovou оценочную комиссию создать в составе: председатель комиссии – Начальник Финансового Отдела Полковник Дутов и члены от политоргана подполковник Марушевский, от Интендантского Управления полковник Некрасов.

Комиссии разрешить привлекать соответствующих специалистов по согласованию с начальниками родов войск и служб.

Главнокомандующий Группой Советских Оккупационных Войск в Германии
Маршал Советского Союза Г. Жуков
Член Военного Совета Группы Советских Оккупационных Войск в Германии
генерал-лейтенант Телегин
Начальник Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии
генерал-лейтенант Антипенко

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 32. Л. 94-95.

№ 13.

2 июля 1945 г.

вх. № 04540

Секретно

Начальнику Политуправления Северной Группы войск
генерал-лейтенанту тов. Огорокову

Передаю Постановление ГКО № 9054-С от 23.6.45 г. для руководства и исполнения.

А. Боголюбов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО

23 июня 1945 года

№ 9054-С

Москва, Кремль

**О мероприятиях, связанных с проведением закона о демобилизации старших
возрастов личного состава действующей армии**

В соответствии с законом о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии, принятого 23.6.45 Верховным Советом, ГКО

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Увольнение рядового, сержантского и офицерского состава по демобилизации производить по месту их жительства. В гг. Москву, Ленинград, Киев, Минск увольнять только лиц, проживающих в этих городах до мобилизации в К[расную] А[рмию].

2. При увольнении по демобилизации выдавать на руки следующие документы:

а) Рядовому и сержантскому составу – проходное свидетельство, красноармейскую книжку, продовольственный, денежный и вещевой аттестаты, удостоверения о награждении орденами и медалями, проездные документы по жел. дорожным и водным путям сообщения;

б) Офицерскому составу – отпускной билет, расчетную книжку, вещевую книжку, прод. аттестат, проездные документы по жел. дорожным и водным путям сообщения.

3. Перевозку военнослужащих, увольняемых по демобилизации, по жел. дорожным и водным путям сообщения производить строго по плану, не допуская отправок из войсковых частей и учреждений неорганизованных групп демобилизованных. В этих целях красноармейцев и сержантов, подлежащих увольнению, сосредотачивать в запасных частях, где распределять их по командам и эшелонам и отправлять в сопровождении офицерского состава.

Увольняемый офицерский состав отправлять отдельными группами.

4. Обязать НКПС¹ (т. Ковалева) и ЦУП ВОСО КА² (т. Дмитриева) перевозку военнослужащих, увольняемых по демобилизации производить:

а) Из частей и учреждений фронтов – воинскими эшелонами до пунктов назначения эшелона (областных, краевых и республиканских центров) или до распределительных жел. дор. станций на территории СССР;

б) Из частей военных округов и от узлов распределительных станций – воинскими эшелонами или в отдельных вагонах в пассажирских и товарно-пассажирских поездах, в зависимости от количества подлежащих перевозке демобилизованных.

Военным Советам фронтов и Военных Округов заявку на перевозку увольняемых по демобилизации представлять в ЦУП ВОСО КА не позднее, чем за 10 суток до наступления перевозки.

5. В целях надлежащего обслуживания военнослужащих, увольняемых по демобилизации, и обеспечения воинского порядка на ж.д. на период демобилизации НКО СССР сформировать:

а) 68 военно-распорядительных комендатур и агитпунктов, согласно приложению № 1¹.

¹ Наркомат путей сообщения

² Центральное управление Военных сообщений Красной Армии

б) 50 этапно-заградительных комендатур, согласно приложению № 2².

в) 65 подвижных комендатур сопровождения воинских эшелонов с демобилизованными. Для проведения указанных выше мероприятий разрешить НКО увеличить численность органов ВОСО КА на 22000 человек.

6. Обязать Военные Советы фронтов, округов и армий:

а) Обеспечить рядовой и сержантский состав, увольняемых по демобилизации, полным комплектом обмундирования и обуви по следующей номенклатуре: пилютка со звездой, шинель или ватная куртка с погонами, гимнастерка с погонами, шаровары, сапоги или ботинки с обмотками, две пары нательного белья, одно полотенце, две пары портянок, ремень поясной, ремень брючный, вещмешок, котелок или миска, ложка и кружка, а офицерскому составу положенным ему по норме вещь[евого] довольствия.

б) Запретить замену обмундирования и обуви, находящихся в пользовании у военнослужащих, увольняемых по демобилизации, на предметы пониженного качества.

7. Военнослужащие, увольняемые по демобилизации, обязаны при увольнении сдать в свои части находящиеся у них на руках оружие, боеприпасы, снаряжение и предметы военно-технического имущества.

8. Обязать Главного Интенданта КА т. Драчева и Начальника ЦУП ВОСО КА т. Дмитриева организовать питание увольняемых красноармейцев, сержантов и офицеров в пути следования к месту жительства по ж.д. и водным путям сообщения, через военно-продпункты на станциях и пристанях. Для усиления пропускной способности военно-продпунктов передать во временное пользование ЦУП ВОСО КА 237 вагонов-кухонь с обслуживающим персоналом из подлежащих расформированию военно-санпоездов. Независимо от питания в пути следования выдать на руки каждому красноармейцу и сержанту сухой паек по норме № 12 приказа ГКО № 312 1941 г., увольняемым из Действующей Армии на 10 суток и из Военных округов и Закавказского фронта – на 5 суток. Выдать бесплатно, в качестве подарка, увольняемым по демобилизации из Действующей армии, одновременно:

а) Рядовому и сержантскому составу, сверх отпускаемого сухого пайка по 10 кг муки, по 2 кг сахара и по две банки мясных консервов (338 гр. банка).

б) Офицерам – продуктовую посылку (сахар, конфеты, консервы, колбаса, сыр, кондитерские изделия, чай и др.) весом 20 кг каждому.

9. Выдать демобилизуемым одновременно денежное вознаграждение за каждый год службы в армии в период Великой Отечественной войны в следующих размерах:

а) Рядовому составу всех родов войск и служб, получающему денежное содержание по общевойсковому тарифу – годовой оклад за год службы.

б) Рядовому составу спец. частей и подразделений, получающему повышенное денежное содержание – полугодовой оклад за каждый год службы.

в) Сержантскому составу всех родов войск – полугодовой оклад по должностным ставкам в пределах до 900 рублей и не ниже 300 рублей за каждый год службы.

г) Офицерскому составу, прослужившему в период Великой Отечественной войны: один год – двухмесячный оклад, два года – трехмесячный оклад, три года – четырехмесячный оклад, четыре года – пятимесячный оклад.

Рядовому, сержантскому и офицерскому составу, имеющему право на получение полевых денег, единовременное денежное вознаграждение исчислять, исходя из оклада и полевых денег в размере, установленном постановлением СНК СССР № 1753-759/СС 26.6.41 г. Личному составу гвардейских и ударных частей единовременное денежное вознаграждение по настоящему постановлению выплачивать по общевойсковому окладу содержания. Продолжительность службы исчислять в полных годах. Службу сверх шести месяцев считать за полный год.

10. Причитающееся военнослужащим, увольняемым из войсковых частей и учреждений, расположенных на иностранных территориях, единовременное денежное вознаграждение платить в войсковых частях и учреждениях по месту службы в советской валюте. По желанию военнослужащих единовременное денежное вознаграждение может быть выплачено полностью или частично в местной валюте по установленному курсу.

11. Разрешить Военным Советам фронтов и армий:

а) Бесплатную выдачу из трофейного имущества в качестве подарков увольняемым по демобилизации красноармейцам, сержантам и офицерам, хорошо исполнявшим службу, некоторых предметов бытового пользования, как-то: велосипедов, радиоприемников, фотоаппаратов, часов, музыкальных инструментов, бритвенных приборов и других предметов, имеющихся в наличии во фронтах и армиях.

б) Организовать, кроме того, через хоз. аппараты войсковых соединений и частей продажу за наличный расчет увольняемым военнослужащим трофейных товаров и предметов широкого потребления по норме на одного человека: ткани гражданского образца не более 6 метров, верхнее платье, белье и трикотаж гражданского образца, взамен тканей из того же расчета по метражу; прочие предметы широкого потребления в нормах по усмотрению Военных Советов фронтов и армий. Продажу трофейных товаров производить по ценам, согласно приложению № 3³. Трофейные товары и предметы широкого потребления, не вошедшие в перечень № 3, но имеющиеся в наличии в частях фронта, продавать по ценам, установленным распоряжением Военных Советов фронтов. На территории иностранных государств стоимость товаров оплачивается в соответствующей валюте по установленному курсу.

¹ Приложение не публикуется

² Приложение не публикуется

³ Приложение не публикуется

12. Обязать СНК Союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов Депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций в городских районах предоставлять работу демобилизуемым не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства с учетом приобретенного ими опыта и специальности в Красной Армии, но не ниже выполнявшейся ими работы до ухода в Красную Армию, а также обеспечить демобилизованных жилой площадью и топливом.

13. Обязать исполнительные комитеты районных и сельских Советов депутатов трудящихся и правления колхозов оказывать всемерную помощь возвращавшимся домой демобилизуемым из армии колхозникам в деле устройства их на работу и обзаведения хозяйством.

14. Обязать Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся в районах, пострадавших от немецкой оккупации, отводить бесплатно демобилизуемым из Красной Армии, нуждающимся в постройках или ремонте жилища, лесосечный фонд для заготовки строительного леса.

15. Обязать Всесоюзный банк финансирования коммунального и жилищного строительства (цеккомбанк) в районах, пострадавших от немецкой оккупации, выдавать нуждающимся демобилизуемым ссуды на строительство и восстановление жилых домов в сумме от 5 до 10 тысяч рублей. Со сроком погашения от 5 до 10 лет.

16. Обязать Государственный банк СССР (тов. Голева) произвести обмен на советскую валюту возвращающимся на родину военнослужащим, увольняемым из Красной Армии, полученную ими в счет денежного содержания иностранную валюту и валюту, выпущенную Военным Командованием, но не более чем за 3 месяца. Обмен произвести в войсковых частях и учреждениях по месту службы.

17. Освободить военнослужащих, уволенных из Красной Армии, при переезде Государственной границы от таможенного досмотра.

Председатель ГКО И. Сталин

ЦАМО РФ, Ф. 46. Оп. 2414. Д. 100. Л. 10-15.

№ 14.

Постановление Военного Совета Группы Советских Оккупационных Войск в Германии об обеспечении увольняемых по демобилизации красноармейцев и сержантов обмундированием, подарками и о продаже за плату предметов из трофейного имущества 2 июля 1945 года.

№ 0121

г. Берлин Секретно

В соответствии с решением ГОКО № 9054с от 23 июня об обеспечении увольняемых по демобилизации красноармейцев и сержантов Военный Совет

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обеспечить каждого увольняемого вполне исправным комплектом обмундирования, по нормам указанным в приказе Группе Советских Оккупационных Войск № 013 от 22.06.45 года.

Лицам, имеющим плохое обмундирование, произвести подмену, для чего Интенданту Группы выдать из числа трофейных новых шинелей 40000, переокрасив их в xxxxx¹ цвет, шаровар суконных 40000. Кроме того к 1.07.45 создать фонд для подмены увольняемым из отечественного обмундирования:

Шинелей-курток – 20000; Гимнастерок х/б² - 30000; Шаровар х/б – 30000; Вещ. мешков - 30000 выдавая их по действительной необходимости.

Военным Советам Армий и Командирам частей выдачу трофейных шинелей производить только после соответствующей подкраски, подгонки, замены пуговиц, хлястика и пришивки погон.

2. Выдать каждому увольняемому, хорошо исполнявшему службу, в качестве подарка из трофейного имущества по одному какому-либо из нижеуказанных предметов бытового пользования: велосипеду, или радиоприемнику, или фотоаппарату, или музыкальному инструменту.

Для этого Интенданту Группы выделить: радиоприемников – 30000; велосипедов – 10000; фотоаппаратов – 12000; швейных машин - 2000

3. Разрешить продажу за плату, по ценам, указанным в Постановлении ГКО, каждому подлежащему увольнению: ткани х/б - 3 метра; ткани шерстяной, суконной или шелковой - 3 метра и по одному предмету верхней одежды мужской, женской или детской.

Для этого Интенданту Группы выделить из трофейного имущества, имеющегося в наличии на фронтовых, армейских складах и комендатурах:

Ткани х/б - 675000 метров; Ткани шерстяной, суконной или шелковой - 675000 метров; Костюмов мужских (пиджак или рубаха верхняя и брюки) – 35000; Пальто мужское – 10000; Пальто женское – 5000; Обuvi мужской гражданской – 10000; Обuvi женской гражданской – 5000; Обuvi детской – 10000; Платьев женских – 10000; Разных предметов детской одежды - 50000

4. Утвердить прилагаемый расчет выдачи подарков и предметов, подлежащих продаже по армиям и частям (высылается Интендантом Группы войск).

¹ Вставка сделана от руки, цвет указан неразборчиво, возможно, черный.

² хлопчато-бумажный

5. Начальнику Военторга Группы подполковнику т. Ван-Хадло организовать продажу подлежащим увольнению по демобилизации чулок женских, трикотажа женского и детского, бритв, лезвий и других предметов хоз. обихода.

Военным Советам Армий и командирам частей при выдаче подарка и при продаже за плату установить индивидуальный подход к каждому увольняемому, учитывая его заслуги перед Родиной и семейное положение.

О ходе выполнения настоящего постановления донести Военному Совету через Начальника Тыла Группы 10 июля 1945 года.

Главнокомандующий Группой Советских Оккупационных Войск в Германии
Маршал Советского Союза Г. Жуков
Член Военного Совета Группы Советских Оккупационных Войск в Германии
генерал-лейтенант Телегин
Начальник Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии
генерал-лейтенант Антипенко

ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 32. Л. 188-190.

УДК 93/94

**«Это наши законные трофеи...»
Система организации посылок из действующей Красной Армии в 1945 г.
по рассекреченным архивным документам**

Елена Спартаковна Сенявская

Институт российской истории РАН, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Аннотация. Вниманию читателей представлены недавно рассекреченные документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Российского государственного военного архива, в которых раскрывается механизм организации приема и доставки воинских посылок советских военнослужащих из действующей армии на заключительном этапе Великой Отечественной войны, с территории Германии в тыловые районы СССР. Приводятся как директивные документы Народного комиссариата обороны и Государственного Комитета Обороны, постановления Военных Советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, Группы Советских Оккупационных Войск в Германии, так и донесения политуправлений фронтов и политотделов воинских частей о настроениях личного состава в связи с приказом НКО о разрешении отправлять на родину посылки, о ходе выполнения этого приказа, возникающих проблемах и способах их преодоления. Во вступительной статье освещаются особенности восприятия советскими военнослужащими вражеской страны, образа жизни и быта ее населения, причины такого явления как барахольство, а также реакция политорганов на «новые настроения» в войсках, возникшие после пересечения государственной границы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Германия; 1945 год; Красная Армия; настроения личного состава; трофеи; воинские посылки; подарки командования демобилизуемым военнослужащим; рассекреченные архивные документы.

LETTERS TO THE EDITOR

UDC 94

**The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly
at the Beginning of World War II (1939-1940)**

Ivan V. Petrov

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
PhD student
E-mail: ivanpet1990@hotmail.com

Abstract. The problem of Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly in so-called “Vilnius Region” during 1939-1940 is the subject of this article. We highlighted the principal stages of this process and the main dramatis personae, who took part in the struggle for autocephaly of Lithuanian Orthodox parishes and against it. The camp of supporters of Lithuanian-Belorussian autocephaly consisted of former Pro-Polish Orthodox priests, such as Archbishop Theodosius (Theodosiev), Archimandrite Philip (Morozov) and others; Belorussian intellectuals from Vilna and Belorussian nationalists. At the same time the camp of supporters of Pro-Moscow position consisted of Metropolitan Elefery (Bogoyavlenskiy), who was at the head of the Lithuanian Orthodox Eparchy, Russian emigrant clerics, anti-polish Orthodox priests and some part of Pro-Soviet Lithuanian Orthodox believers. This struggle continued about a year and ended in victory of Pro-Moscow camp and dismissal for the supporters of Belarusian-Lithuanian autocephaly.

Besides the article paid special attention that national aspect of activity of this religious organizations and a history of internal conflicts in this Eparchy during World War II so far has not gained a special consideration.

Keywords: Baltic Exarchate; Lithuanian-Belorussian Orthodox Autocephaly; occupation; collaboration; Archbishop Theodosius (Theodosiev); Archimandrite Philip (Morozov); Metropolitan Elefery (Bogoyavlenskiy); “Vilnius Region”.

Введение. Период между двумя мировыми войнами на всей территории бывшей Российской Империи отличался резким падением влияния Православной Церкви. Так, если в Советском Союзе властями проводилась политика государственного атеизма, то в странах, которые обрели независимость (Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Польша) был взят курс на образование независимых от Московской Патриархии национальных Православных Церквей. Так, в Польше проводилась политика «пацификации», целью которой была полонизация местных православных приходов, передача православных храмов и церковных зданий католикам и униатам, активная пропаганда унии среди православных. Подобный процесс был распространен не только на исконно польскую территорию, но и на украинские и белорусские земли, а также оккупированный Польшей так называемый «Виленский край». К примеру, в одной из современных работ данный процесс характеризуется так: «В годы польского правления в Виленском крае не возник ни один новый Дом молитвы, напротив, православные храмы осквернялись и разрушались. В Вильне варварски была разорена Александро-Невская часовня на Георгиевской площади (ныне Савивальдибес), в городе прекратили существование все – как средние, так и начальные православные духовные заведения, общеобразовательные русские школы были лишены государственных субсидий» [1]. Еще одной формой борьбы с православием стало удаление «неудобных» пастырей и замена их на идущее на компромиссы духовенство. Так, в 1923 был выслан в соседнюю Литву архиепископ Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский), который резко критиковал националистическую политику польских церковных властей. На его место варшавскими властями был назначен бывший Смоленский епископ Феодосий (Феодосиев), который воспринимался частью паствы как представитель вредного и антиправославного польского влияния. Однако жесткая политика полонизации православных в «Виленском крае» закончилось сразу же после того, как Польша потерпела военное поражение в начале Второй мировой войны. По договору от 10 октября 1939 года в состав Литвы возвращался оккупированный Вильнюсский уезд, и теперь вновь встал вопрос о юрисдикционной принадлежности местных православных приходов. В связи с чем в этот же период возникает спор о возможности проведения литовско-белорусской автокефалии на данной территории. Исследованию процесса дискуссии, о которой идет речь, и будет посвящена данная статья.

Материалы и методы. В основу работы легли материалы ранее широко не использованного Дела № 695 Описи 4 Фонда 391 (F.391) Литовского Центрального Государственного архива в Вильнюсе (LCVA), в котором содержится обширная информация по поводу возникновения и развития движения за литовско-белорусскую автокефалию в период 1939–1940 годов. Находящиеся в

описи материалы представляют собой переписку между местным духовенством, статьи и послания православных Литвы как в защиту, так и в осуждение архиепископа Феодосия (в частности материалы таких периодических изданий, как «Lietuvos Aidas», «Krynica», «Эхо», послания и публицистические работы самих архиепископа Феодосия (Феодосиева) и архимандрита Филиппа (Морозова). Также автором использованы новейшие исследования по истории Православной Церкви в Литве в прошедшем столетии.

В данной статье автором были использованы аналитический, хронологический, проблемно-тематический, описательный методы исторического познания.

Обсуждения. Несмотря на то, что в последние годы стали выходить работы, так или иначе затрагивающие историю Православных Церквей Балтии в XX столетии [2], отдельно история попытки проведения литовско-белорусской автокефалии авторами не затрагивалась, что во многом и обусловило интерес автора к данной теме.

Результаты. С возвращением Вильнюсского уезда Литве в Вильнюс возвращается и митрополит Елевферий (Богоявленский). Следует отметить, что именно он был одним из последних сторонников Московской Патриархии в Европе в конце 1920-х–1930-х годов, почему и был назначен управляющим Западно-Европейскими русскими приходами Московского Патриархата. Нельзя не вспомнить и о его работе «Неделя в Патриархии» [3], в которой литовский иерарх описывает свои впечатления от визита в Советский Союз в 1928 году. Одной из целей данной работы, безусловно, являлось негласное оправдание канонической линии митрополита Сергия (Страгородского) в среде зарубежных православных священников и мирян. Уже в октябре 1939 года владыка Елевферий (Богоявленский), еще находясь в Каунасе, заявляет о том, что является единственным главой Православной Церкви региона, подтверждая тем самым каноническое единство с Московской Патриархией. Однако не все духовенство и миряне положительно восприняли возвращение владыки в литовскую столицу. Так, один из основных будущих проводников литовско-белорусской автокефалии архимандрит Филипп (Морозов) счел освящение вильнюсских храмов митрополитом Елевферием собственной святой водой оскорблением местного духовенства и мирян в столь сложное для них время [4]. Также прибывшего владыку обвиняли в том, что он вместо принципа соборности начал осуществлять в буквальном смысле «иерархическую диктатуру». Не нравилось части православных Вильнюса и то, что особую роль в жизни епархии стал играть Литовский Епархиальный Совет, состоящий из прибывших из Каунаса лиц. Начался в конце 1939 – начале 1940 года и процесс отстранения от служения части местного духовенства, многие представители которого запятнали себя в период насильственной «пацификации». Так, 7 декабря 1939 года священник Александр Ковш, белорус по национальности, был отстранен от настоятельства церкви святителя Николая Мирликийского в ответ на жалобу части его прихожан [5]. И хотя данный священнослужитель подал на жалобщиков в суд, он так и не был возвращен к служению. Началось расследование и служения самого архимандрита Филиппа (Морозова), связанное с его уклонением в унию и последующего возвращения в православие в 1920-е годы. Закончилось оно отстранением пастыря от служения.

Между тем другая часть литовского духовенства в этот период вернулась к священнослужению. Классическим может послужить в этой связи пример отца Луки Голода. Именно этот пастырь в период жестких гонений на православных в так называемом «Виленском крае» со стороны польских властей и местных автокефалистов сохранил со своим приходом верность Патриарху Тихону (Беллавину). Из-за своей непримиримой позиции по отношению к польской автокефалии Голод был запрещен в середине 1920-х годов в служении, арестован и этапирован в слонимскую тюрьму. После кратковременного служения в оккупированной литовской столице в 1927 году тяжело больной священник переехал во Францию, но после 1932 года он вернулся в Вильнюс, где окормлял местную православную общину, сохранявшую верность Московской Патриархии, что вызвало противодействие со стороны польских властей, которым удалось выслать священника под Варшаву. До лета 1939 года опальный клирик вынужден был находиться вне своей виленской паствы, но позже ему удалось вернуться в Вильнюс и даже стать настоятелем Никольской Церкви в столице (как раз вместо отца Александра Ковша). У противников митрополита Елевферия такое назначение, конечно, вызвало ярое противодействие.

20 декабря 1939 года последовал указ Московской Патриархии митрополиту Елевферию (Богоявленскому), по которому, в ответ на прошение владыки Феодосия (Феодосиева) от 10 ноября того же года, было принято решение, что отныне архиепископ после принесения им «должного покаяния» должен будет быть принят в общение с Московской Патриархией в сане бывшего архиепископа Смоленского на покое в ведении владыки Елевферия с возможностью возвращения к служению только с согласия последнего [6]. Владыка Феодосий объяснял «свое отпадение в раскол» тем, что ему не удалось уяснить отношений между Польской Православной Церковью и Московской Патриархией, почему он и принял Литовскую кафедру в 1923 году, не разобравшись в каноничности подобного шага, и теперь просил простить ему этот шаг. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергий (Старгородский) руководствовался своим решением от 16 октября 1939 года, согласно которому священники, уклонившиеся в межвоенный период в автокефалию, могли вернуться к служению через чин покаяния (их таинства и хиротонии признавались

действительными), в то время как назначения автокефалистскими церковными управлениями глав церковных кафедр действительными не признавались и должности эти признавались вакантными [7]. Однако вскоре владыка Феодосий (Феодосиев) изменил свою лояльную позицию по отношению к Москве. Архиепископ встал на защиту некоторых запрещенных в служении своих сторонников. Особенно показателен в этой связи пример архимандрита Филиппа (Морозова). 13 февраля 1940 года Феодосий составил на имя митрополита Елевферия отношение по поводу «дела об уклонении архимандрита Филиппа в 1925 году в католичество», заявив в нем, что сразу после его измены православию на него было возложено запрещение в священнослужении, в результате чего он был извергнут из сана, лишен монашества, отлучен от Церкви и предан анафеме. Также владыка Феодосий (Феодосиев) отметил не только факт покаяния со стороны архимандрита Филиппа, но и его «открытость», «искренность его заблуждения», «то, что он якобы не отрекался от догматов Православия», и, наконец, факт возвращения в православие вместе с архимандритом целой группы священников. К тому же в документе описывается аудиенция в январе 1927 года главы Виленской кафедры с раскаявшимся архимандритом, а также согласие на отмену запрещения как главой Польской Православной Церкви митрополитом Дионисием (Валединским). Наконец, отмечено, что уже в 1930 году архимандрит Филипп (Морозов) был на Пасху награжден Иконой Нерукотворного Спаса за «свою законоучительско-миссионерскую работу на пользу Церкви» [8].

Теперь для части православного клира и паствы региона, недовольной решениями владыки Елевферия, стали все более соблазнительны примеры автономных Православных Церквей Финляндии, Эстонии и особенно Латвии. Рупором литовско-белорусских автокефалистов стала издаваемая в Вильнюсе белорусскоязычная газета «Krynicka», в которой вышла целая серия статей, в которых приводилось множество аргументов в пользу независимости Православной Церкви от Москвы. Аргументы эти часто представляли собой параллели с синодальным управлением Российской Церковью. К примеру, недоумение и даже озлобление вызвало решение Литовского Епархиального Совета о запрещении владыке Феодосию (Феодосиеву) каких-либо встреч с гражданскими властями (с вполне ожидаемыми обвинениями митрополита Елевферия и Литовского Епархиального Совета в «папизме» и напоминаниями о времени обер-прокурорства) [9]. В № 32 (741) «Krynicka» от 23 апреля 1940 года автор К. Миланович пришел к выводу, что Православная Церковь в регионе находится в кризисе и срочно необходимо искать пути для «ее оздоровления» [10]. Обобщая сказанное, автор статьи обвинил митрополита в прямом пренебрежении национальными интересами белорусов и потакании только русскому элементу региона. В № 38 (747) того же издания выходит статья, которая стала квинтэссенцией всего высказываемого сторонниками белорусско-литовской автокефалии ранее [11]. В ней говорилось, что нынешняя Православная Церковь в Литве является «оплотом российской реакции», что она далека от народных масс, ибо находится под нажимом «российских националистических традиций» (особо отмечено, что Литовский Епархиальный Совет состоял из бывших «русификаторов», «бывших людей» – русских эмигрантов). Опять же приводились примеры Православных Церквей в соседних Латвии и Эстонии, которые выбрали путь независимости от Московского Патриархата и большевистской Москвы. Политическим и неканоничным называется в статье и аргумент, что только независимая держава может иметь свою Православную Церковь.

На такие демарши тут же отвечали сторонники владыки Елевферия. Так, в одной из литовских русскоязычных газет автор Лебедев сделал попытку подробно разобрать сущность идеи проведения литовско-белорусской автокефалии [12]. Автор выделяет предпосылки появления автокефалий, внимательно рассматривает канонические аспекты их проведения и приходит к выводу, что Православная Церковь в Литве невероятно бедна и не сможет содержать своих иерархов (заявляя, что у Поместной Православной Церкви должно быть как минимум 12 епископов, ибо в противном случае это была бы «пародия на автокефалию»). Единственным вопросом, который, по мнению автора статьи, сейчас стоит перед православными Литвы, является вопрос о викариатстве, хотя и здесь Лебедев замечает, что нельзя забегать вперед и идти на поводу у «непрощенных советов». Другой автор, скрывающийся под псевдонимом «К. В-ский», проанализировав религиозную ситуацию с православными приходами в стране, пришел к мнению, что возникшие с возвращением Вильнюса дебаты о создании автономной Литовской Православной Церкви в составе Константинопольского Патриархата есть лишь безосновательные претензии со стороны некоторой части окружения архиепископа Феодосия (Феодосиева), оказавшейся после ограничения деятельности Польской Православной Церкви «не у дел» [13]. Проводит автор и апологию единства Литовской Церкви с Московской Патриархией, особо отмечая дарование широкой автономии со стороны Русской Православной Церкви, которое митрополит Елевферий (Богоявленский) получил во время своего визита в Москву. Правда, в конце статьи достаточно громогласно и тенденциозно говорится о малой зависимости Московской Патриархии от советского государства и о возможности такой же малой зависимости от новых литовских властей в случае вхождения литовских приходов в Русскую Православную Церковь. В другой статье тот же автор провел каноническую критику Латвийской Православной Церкви, описывая ее переход в лоно Константинопольского Патриархата [14].

Отдельно отметим статью журналиста и публициста Дмитрия Ишевского, где он проанализировал выступление части вильнюсского духовенства и мирян, считая, что часть

православного духовенства города была «развращена» в прошлые годы польскими властями и попала под влияние организации «Белорусский Центр» во главе с ксендзом Адамом Станкевичем [15]. Далее Ишевский жестко характеризует сторонников автокефалии, обвиняя их в нечестии и авантюризме. Сравнивал он процесс так называемой «белоруссизации» Православной Церкви в Литве с печальным периодом пацификации в Польше, обвиняя сторонников автокефалии в том, что они хотят внести новый раздор между православными Литвы: украинцами и белорусами, с одной стороны, и русскими – с другой. Острая критика времени, названного Ишевским «эрзац-автокефалией» Польской Православной Церкви, а также выхода в самой известной литовской газете «Lietuvos Aidas» от 22 апреля 1940 года статьи профессора А. Янулайтиса, в которой была предпринята попытка обоснования, в том числе канонического, литовско-белорусской автокефалии, переплетается с завуалированной поддержкой советской религиозной политики, что хорошо видно в моменте упоминания присутствия советского посла Деревянского вместе с супругой и торгпредом на пасхальном богослужении в Рижском Кафедральном соборе, а также довольно спорных предположений о положительном отношении руководства СССР к Московской Патриархии [16].

Помимо активных сторонников и противников идеи литовско-белорусской автокефалии из среды духовенства, политических и общественных деятелей, постепенно в спор включились и миряне. В частности, часть православных мирян Вильнюса отправила специальное послание на имя вице-премьера кабинета министров Литвы, в котором они описывали свое видение последних событий [17]. В данном послании красной линией, с одной стороны, проходит критика насильственной колонизации местных православных приходов в годы межвоенной независимости Польши, с другой же – отмечается освобождение православных бывшего «Виленского края» от влияния колонизаторов, что характеризуется как светлое и радостное событие. В то же время отмечается, что настоящим диссонансом стала политика владыки Елевферия, который, согласно позиции авторов послания, вносит своими действиями необычайный разброд в бытие православных приходов региона. Архиепископ Феодосий наоборот охарактеризован здесь как борец с колонизацией края, ревностный пастырь, павший жертвой политики митрополита Литовского и Виленского. Также политика последнего привела, по мнению подписавшихся, к таким серьезным ошибкам, как отстранение от служения настоятеля Пречистенского собора протоиерея Иосифа Дзичковского, отца Александра Ковша и архимандрита Филиппа (Морозова); увольнение, охарактеризованное как «изгнание», из учебных заведений преподавателей Закона Божия протоиереев Николая Рогальского и Василия Беляева, которых заменил отец Лука Голод; вызванный деятельностью новых церковных властей конфликт между русскими прихожанами и белорусами из-за празднования независимости Литвы и «скандальные выборы» Приходского совета Кафедрального собора. Все это объясняется двумя причинами: отстранением владыки Феодосия и неправильными действиями окружения митрополита Виленского и Литовского.

В ответ на эти «мольбы» архиепископ Феодосий принимает решение 23 апреля 1940 года «для успокоения православной общественности в Виленской области» и «поднятия престижа Православия» в Литве создать при себе Временный Епископский Совет, состоящий из председателя наместника Савватия, архимандрита Филиппа, священника Александра Ковша и секретаря Бильдюкевича [18]. О данном решении он тут же известил как самих назначенных пастырей, так и светские власти Литвы. Квинтэссенцией данного действия на этот раз стало послание архиепископа Феодосия (Феодосиева) Константинопольскому Патриарху Вениамину (Кириаку) от 22 мая 1940 года [19]. Прежде всего владыка Феодосий объясняет главе Вселенского Патриархата свою позицию осенью 1939 года. В частности, он пишет, что был вынужден «в связи с тяжелыми военно-политическими переживаниями» и утомлением отказаться от управления Виленской епархией, о чем уведомил в письме от 10 мая 1940 года митрополита Сергия (Страгородского). Тут же архиепископ обрисовывает картину политики приехавшего в регион митрополита Елевферия (Богоявленского), который не признавал каноническим переход в лоно Константинополя Польской Православной Церкви и вызванные этим фактом церковные изменения. Однако по прошествию месяцев у владыки Феодосия усиливалось отрицательное отношение к политике митрополита Литовского и Виленского. Называет он и конкретные причины своей изменившейся позиции: непризнание каноничности и безблагодатности таинств ППЦ, склонность митрополита Елевферия к папизму, жесткая политика последнего по отношению к местному православному духовенству, с другой стороны, лояльное отношение литовского государства к Православной Церкви, каноническая независимость Православной Церкви в регионе от Московской Патриархии, что подтверждено как властями Литвы, так и Константинопольским Патриархатом, резкая позиция белорусской общественности по отношению к Московской Патриархии. В связи со всеми вышеуказанными пунктами владыка Феодосий (Феодосиев) заявляет о своем выходе из-под омофора РПЦ и о возвращении к управлению Виленской епархией. В конце послания пастырь просит главу Вселенского Патриархата простить ему его временное отпадение и подтвердить автономный в церковном отношении статус «Виленской области» под «благодатной защитой и канонической юрисдикцией» Константинополя.

Скорее всего, владыка Феодосий пошел на подобные шаги из-за крайнего обострения противостояния в среде православных приходов региона. Если сначала он действительно по причине растерянности и быстрого развития событий в Балтии принимает «условия Москвы», то уже через

полгода решает пойти на пересмотр этой своей позиции. Естественно, одной из главных причин подобного поступка было нежелание идти в фарватере политики митрополита Елевферия. Сам владыка Елевферий, активный и верный сторонник Московского Патриархата, решил отстранить от служения многих неугодных и оппозиционно настроенных по отношению к себе и своей позиции священников. Возникшая этому оппозиция тоже не бездействовала и, воспользовавшись ресурсами белорусской прессы, начала активно выдвигать (в том числе с канонических и исторических позиций) идею о проведении литовско-белорусской автокефалии Православной Церкви. В этой связи достаточно сложная задача – выявить, насколько искренне сторонники автокефалии защищали именно белорусскую национальную идею, применительно к Православной Церкви. Скорее, им хотелось заявить о себе как о независимой силе, равноудаленной как от церковных властей в Москве, так и от польского влияния, а также сохранить свои посты, которые многие представители духовенства попросту потеряли. В ответ поддерживающие владыку Елевферия пастыри и миряне также начали достаточно широкую газетную и общественную кампанию против автокефалистов. Однако даже обращение в Константинополь не возымело силы, и архиепископу Феодосию (Феодосиеву) не удалось осуществить своих замыслов. Особую роль тут сыграла и разворачивающаяся война, и начало процесса советизации Балтии, и нехватка сторонников. Более с такой остротой вопрос о литовско-белорусской автокефалии в довоенные и военные годы уже не вставал.

Примечания:

1. Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.; Прот. Василий Новинский. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005. 562 с.
2. Шлевис Г. Православные храмы Литвы. Вильнюс: SAVO, 2005. С. 6.
3. Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 173-318.
4. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 138.
5. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 139.
6. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 150.
7. Ibid.
8. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 141-141app.
9. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 73.
10. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 71.
11. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 70.
12. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 102ap.
13. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 88ap.
14. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 99.
15. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 32.
16. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 32-33.
17. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 39.
18. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 48.
19. LCVA. F. 391. Ap. 4. V. 695. L. 54-57.

УДК 94(47).084.

Проблема Литовско-белорусской православной автокефалии в начале Второй мировой войны (1939–1940)

Иван Васильевич Петров

Санкт-Петербургский университет, Российская Федерация
Аспирант
E-mail: ivanpet1990@hotmail.com

Аннотация. Проблема Литовско-Белорусской православной автокефалии в так называемом «Вильнюсском регионе» в 1939-1940 гг. является предметом исследования данной статьи. Мы осветили основные этапы данного процесса и основных действующих лиц, принимавших участие в борьбе за автокефалию литовских православных приходов и против них. Лагерь сторонников Литовско-Белорусской автокефалии состоял из бывших про-польских православных священников, таких как архиепископ Теодосиус (Теодосиев), архимандрит Филипп (Морозов) и др.; белорусских интеллектуалов из Вильны и белорусских националистов.

Ключевые слова: литовско-белорусская автокефалия; архиепископ Феодосий (Феодосиев); архимандрит Филипп (Морозов); митрополит Елевферий (Богоявленский); «Виленский край».

UDC 316.347(470.62):94“1939/45”

The Third Reich and the Cossacks: Relations during the World War II

Oleg V. Ratushnyak

Kuban State University, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Abstract. The article analyses the fight of the Cossacks on the side of the Nazi Germany in the World War II. Both the emigrant Cossacks and the Soviet Cossacks are the subject of the research. The study is topical due to disputes on the problem of collaboration, which recently started in the academic circles and among the public. The article reveals the reasons of Hitler support by a substantial number of Cossacks, the attitude of the Nazi leaders towards the Cossacks, the main spheres of cooperation between the Cossacks and the Nazi Germany. The conclusion that the emigrant Cossacks cannot be fully attributed to collaborators due to the fact that they were not citizens of the USSR was made. However, many Cossacks who went with the Germans to the west showed not so much the support of Germany as the desire to avoid possible repressions of the Soviet leadership. In its turn, the leadership of the Third Reich and the command of the Wehrmacht, despite the official ideological attitude, were forced to cooperate with the representatives of the Cossacks closely and make extensive use of its potential in the course of war for a variety of objective reasons.

Keywords: World War II; Third Reich; Wehrmacht; the Cossacks; collaboration; Kazachiy Stan; emigration.

Введение. Прошло почти 70 лет с момента окончания Второй мировой войны, но споры, связанные с различными проблемами, порожденными войной как в области науки, так и в области политики, по-прежнему не утихают. Одна из таких проблем – проблема коллаборационизма. Она долгое время рассматривалась в советской/российской историографии как характерная преимущественно для западных государств. Однако в последнее время российским исследователям пришлось коренным образом пересмотреть данную точку зрения. С открытием многих документов и возможностью свободного обсуждения подобного рода тем уже нельзя было обойти внимание тот факт, что сотни тысяч советских граждан в годы войны участвовали в различных формах сотрудничества с оккупантами. Кроме того, на стороне оккупантов выступили и некоторые российские эмигранты. Особенно активно в поддержке похода Гитлера на восток проявили себя представители российского казачества. Участие российских эмигрантов в войне на стороне Третьего Рейха порождает еще одну научную проблему: можно ли отнести к коллаборационистам эмигрантов, которые на момент оккупации не являлись гражданами СССР. Различны были и мотивы и формы сотрудничества с оккупантами.

В данной статье сделана попытка проанализировать участие казаков-эмигрантов и казаков из числа советских граждан во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии. При этом обращается внимание на мотивы и формы этого участия, а также делается попытка восстановления точной хронологии изучаемых событий.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе материалов ряда российских архивов, периодики Второй мировой войны, опубликованных источников и достижений российской историографии по данной проблематике. В процессе анализа материала использовались описательный и историко-генетический методы. Описательный метод вполне оправдан при исследовании еще недостаточно изученных событий в плане обработки и подачи фактического материала. Историко-генетический метод позволил вскрыть причинно-следственные связи и закономерности изучаемого явления. Оба метода помогают охарактеризовать анализируемые исторические события и их участников в их индивидуальности и образности.

Обсуждение. Проблема участия казачества во Второй мировой войне на стороне Третьего Рейха становилась предметом исследования как зарубежных, так и российских исследователей. Среди зарубежных исследователей следует отметить Н. Бетелла, И. Бреэре, Ф. Верардо, Ф. Грелка, С. Карнера, Ф. Ланнуа, Х. Штадлера, посвятивших свои труды различным аспектам участия казаков во Второй мировой войне. Среди отечественных исследователей, уделивших внимание данной проблеме, можно выделить П. Крикунова, К. Александрова, Ю. Цурганова, М. Семирягу, М. Шкаровского. И зарубежные, и отечественные исследователи обращались к анализу таких проблем, как коллаборационизм, причины, характер и последствия участия казаков во Второй мировой войне, трагедия в Лиенце. Однако в целом проблема участия казачества во Второй мировой войне еще нуждается в своем изучении, включая расширение фактологической базы исследования и ее осмысление.

Результаты. В отличие от значительной части российской эмиграции казаки-эмигранты в большинстве своем поддержали поход гитлеровских войск на Восток. Известие о нападении Германии на СССР привело к целому ряду заявлений лидеров казачьего зарубежья о поддержке германских войск в «крестовом походе» против большевистской власти. В дальнейшем в лагере казаков-эмигрантов стали все активнее раздаваться голоса о необходимости прямого участия казачества в данной войне на стороне фашистской Германии. Однако руководство Третьего Рейха первоначально негативно отнеслось к подобной поддержке. По утверждению Гитлера, «только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!» [1]. Кроме того, германское руководство рассчитывало на быструю победу. Согласно версии бывшего донского атамана П.Н. Краснова, немцы избегали привлечения эмигрантов для участия в войне против СССР, так как считали, что это усилит сопротивление Красной Армии и местного населения, видевших в эмигрантах возвращение помещичьих порядков [2].

В годы Второй мировой войны активизировали свою деятельность казаки-самостийники (или, как их еще называли, казаки-националисты). Свою работу они вели под лозунгом «Борьба за свержение советской власти и создание казачьей национальной федеративной республики без коммунистов». И если первоначально они рассчитывали на поддержку Англии и Польши, то после нападения Германии на СССР ставка была сделана на Гитлера [3]. При этом активизировалась борьба внутри казачества между так называемыми единонеделимцами и самостийниками (хотя и те, и другие в большинстве своем поддерживали Германию в борьбе против СССР). Самостийники, в отличие от единонеделимцев, делали ставку на Гитлера не только как на освободителя казачьих земель, но и в силу того, что видели в национал-социализме определенную близость социальному устройству жизни казачества [4]. В отличие от единонеделимцев, которые настороженно относились к сотрудничеству с военнопленными красноармейцами, самостийники с первых дней войны уже ставили вопрос о необходимости пропаганды среди пленных казаков идей Казаккии – самостоятельного казачьего государства – и привлечении их к войне на стороне Германии [5]. Казаки-националисты одними из первых обратились к руководству Третьего Рейха с просьбой принять казачество в ряды германской армии или позволить самостоятельно создавать казачьи части для совместной борьбы с немцами против СССР. Однако германское руководство (и прежде всего Гитлер) считало нежелательным участие эмигрантов в этой войне. Поэтому первоначально воинские части из эмигрантов создавались по инициативе самих эмигрантов и некоторое время не признавались немцами. А привлечение военнопленных и сочувствующих лиц к участию в войне на стороне Германии проходило по инициативе непосредственно командиров немецких частей без официального одобрения высшего руководства.

Формирование первой воинской части из эмигрантов – Отдельного Русского Корпуса (Русский Охранный Корпус) – началось в сентябре 1941 г. в Белграде по инициативе генерала М.Ф. Скородумова. В Корпус зачислялись добровольцы в возрасте от 18 до 55 лет, способные к строевой службе. Чины корпуса ставились на полное содержание германских вооруженных сил [6]. 23 октября 1941 г. командование 1-м Сводным полком Корпуса принял генерал В.Э. Зборовский (казак ст. Ладожской Кубанского казачьего войска). В конце октября в состав 7-й гвардейской сотни полка были включены казаки Лейб-гвардии дивизиона Собственного Его Императорского Величества Конвоя. В конце ноября полк принял участие в первых боях. В декабре 1-й Сводный полк был переформирован в 1-й Казачий полк [7].

Отдельный Русский Корпус использовался немцами только на балканском театре военных действий, и германское руководство пресекало даже разговоры о возможности использования Корпуса на восточном фронте. В мемуарной и исследовательской литературе иногда это объясняется тем, что сами эмигранты не хотели воевать против своих же соотечественников. По-видимому, это далеко от истины. Многие эмигранты как раз рвались на восточный фронт. Основными причинами такого рвения были стремление свергнуть ненавистный большевистский режим и увидеть родные края. Однако руководство Третьего Рейха было прекрасно осведомлено о высокой патриотичности большинства российских эмигрантов, в том числе и казаков. Учитывая то место, которое отводилось России в планах нацистских бонз, они имели все основания опасаться использования вооруженных сил российской эмиграции на восточном фронте. Именно поэтому первые части, используемые против Красной Армии, формировались из военнопленных и сочувствующего местного населения, и инициатива в этом первоначально принадлежала непосредственно представителям вермахта.

Осенью 1941 г., когда стало ясно, что «блицкриг» увенчался провалом и войска понесли значительные потери, командиры воинских частей германской армии стали самостоятельно формировать части из военнопленных и сочувствующих лиц. В сентябре 1941 г. офицер армейской контрразведки Х. фон Клейст предложил командованию 18-й немецкой армии для более эффективной борьбы с партизанами использовать казаков. В октябре 1941 г. данная инициатива получила продолжение в официальном разрешении командующим тыловыми районами формировать вспомогательные воинские подразделения (в том числе и казачьи) из числа военнопленных и местного населения [8].

Первая казачья часть была сформирована в октябре 1941 г. в Могилеве во главе с И.Н. Кононовым (донской казак), офицером Красной Армии, добровольно перешедшим на сторону немцев. Дивизион (батальон) Кононова формировался преимущественно из казаков, находившихся в германском плену.

Успешное использование казаков на фронте и острая необходимость в восполнении потерь личного состава привели к тому, что в апреле 1942 г. Гитлер лично дал разрешение на официальное использование казачьих воинских подразделений. Летом 1942 г. центром формирования казачьих частей из советских военнопленных стала Украина (Винница, Славута, Шепетовка). К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тысяч человек [9]. Основной упор при создании казачьих частей из военнопленных и сочувствующих был сделан на использование их для охраны стратегически важных объектов (склады, железные дороги, мосты) и борьбы с партизанами.

Достаточное количество казаков, желающих сотрудничать с германской армией, привело к тому, что в скоро времени стали формироваться части по войсковому признаку: донские, кубанские, терские...

Необходимо учитывать и тот факт, что многие казаки из числа военнопленных, давая согласие на переход в воинское подразделение, стремились прежде всего избежать тяжелой жизни, а порой и смерти в немецких лагерях. Стремясь вырваться из лагерей некоторые военнопленные, не будучи казаками, выдавали себя за таковых. Не случайно, что во время боев с партизанами и частями Красной Армии многие из них переходили обратно. Этим переходам способствовало и знакомство воочию с «новым немецким порядком» и жестокостями оккупантов.

В свою очередь убежденные противники советской власти проявили себя с точки зрения немцев с лучшей стороны. Так, 82-й казачий эскадрон под командованием кубанского казака М. Загородного был принят полностью на немецкое довольствие и проявил себя как надежный союзник в качестве разведывательного отряда немецкой боевой группы. Интересно, что первоначально отряд Загородного был

сформирован из советских военнопленных для конвоирования их в тыл германской армии, но, справившись с поставленной задачей, казаки выразили желание принять участие в боевых действиях на стороне немцев [10].

Из крупных подразделений казаков, принимавших активное участие в войне на стороне фашистских захватчиков, были казачий конный полк имени атамана М.И. Платова под командованием майора Э. Томсена, казачий пластунский полк майора Рентельна, полки Леманна, Вольфа и полк под командованием полковника И. Юнгпульца, состоявший из двух эскадронов (один – из немцев, другой – из казаков). Каждый полк насчитывал в среднем около 2 тысяч бойцов [11].

К 5 сентября 1942 г. германские войска оккупировали территорию Кубани. В силу целого ряда причин и, в первую очередь, в силу политики, проводившейся советской властью в 1920–1930-е гг. (расказачивание, репрессии казаков), часть населения казачьих областей встречало немцев как освободителей от большевистского ига. Вот как один из очевидцев тех событий рисует встречу немцев на Кавказе: «Убежденные враги большевизма видели в победе немцев разгром своего исконного врага; бывшие собственники – надежду на хотя бы частичное возвращение их имущества, главным образом, отобранных домов; репрессированные и жившие по фиктивным документам (а таких немало) – освобождение от вечного страха перед вездесущим НКВД; голодные – возможность насытиться...» [12].

Уже в сентябре 1942 г. в районе Краснодара началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии. До января 1943 г. казаки дивизии участвовали преимущественно в операциях против партизан. Позже дивизия приняла участия и в боях против частей РККА. В станице Крымской под руководством М.М. Шаповалова проходило формирование еще одной казачьей дивизии под названием «Свободная Кубань». Однако в ее состав были зачислены только около 400 человек, когда данному подразделению пришлось принять участие в боях с наступающими советскими войсками [13].

Несомненно, что в казачьих землях находились и активные защитники родины от захвата ее фашистскими оккупантами, и свидетельством этого явилась развернувшаяся партизанская война и подпольная деятельность на оккупированных территориях. Так, «только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов, многие из которых состояли из казаков» [14]. Но были и те, кто с первых же дней прихода фашистов высказал свою готовность к тесному сотрудничеству с ними.

Осенью 1942 г. в Краснодаре была образована инициативная группа возрождения Кубанского казачьего войска во главе с Г.П. Тарасенко и И.И. Белым. Вскоре при ней были созданы штаб и канцелярия в качестве основных рабочих органов. Группа старалась организовать регистрацию казаков, наладить связь со станицами и руководством военного командования германской армии на Северном Кавказе. Однако особых успехов группа не добилась. С одной стороны, это было связано с противоречивой политикой германских властей на оккупированных территориях. Немцы, порой, сами не знали, на кого делать ставку при организации социально-экономической жизни жителей Кубани. С другой стороны, вскоре проявились все «прелести» оккупации, и многие жители Кубани, в том числе и казаки, постепенно стали понимать сущность «немецкого порядка».

Если сравнивать степень лояльности к оккупантам, то на Дону, судя по всему, она была выше, чем на Кубани. Это проявилось, в частности, и в том, что формирование казачьих подразделений на Кубани проходило менее централизованно и менее массово.

Заигрывая с казаками, немецкое руководство пошло на восстановление в казачьих землях казачьего самоуправления в лице окружных и станичных правлений и атаманов. Более того, на северо-западе Кубани был создан автономный казачий округ, включавший 6 районов Краснодарского края с населением около 160 тысяч человек. В нем практически полностью было восстановлено казачье самоуправление и выстроена вертикаль власти от станичного до верховного атамана. В компетенцию атамана входило обеспечение социально-экономической жизни населения округа, включая развитие хозяйства, образования, культуры, поддержание порядка силами организуемой из жителей полиции и т.п. Главной же задачей, которая возлагалась на жителей округа и его атаманов, было создание и обеспечение вооруженных отрядов для борьбы с большевиками. Речь шла не только о борьбе с партизанскими отрядами, но и об участии в войне на стороне фашистских захватчиков [15].

Поражения и значительные потери личного состава на Восточном фронте заставили Гитлера в идеологических соображениях изменить свое мнение о казачестве (или, по крайней мере, допустить некоторые изменения в своей первоначальной доктрине). Он готов относить казаков к потомкам остготов, то есть к племенам, близким по крови германцам [16]. Гитлер уже не так активно возражает против использования потенциала казачества, как военнопленных, так и казаков-эмигрантов.

В декабре 1942 г. при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий создается Казачье управление Дона, Кубани и Терека во главе с Н.А. Гимпелем. Среди прочих задач Казачье управление ставило подготовку организации временного казачьего правительства за границей, которое было создано весной (31 марта) 1944 г. в форме Главного управления казачьих войск во главе с П.Н. Красновым. Одним из членов Главного управления казачьих войск был и кубанский атаман генерал В.Г. Науменко, который в своем приказе отмечал, что одной из основных задач, возложенных на Главное управление казачьих войск, является «сбор и организация казаков, отошедших с германскими войсками, находящихся в тылу Восточного фронта и в разных государствах Европы» [17].

Немаловажное значение в использовании казачества придавалось германским руководством и идеологической работе. В частности, с 1943 г. в г. Берлине (Германия) издаются журналы «На казачьем посту» и «Казачьи Ведомости» (издавались до 1945 г. включительно).

Одним из главных свидетельств тяжелого положения Третьего Рейха и изменения его отношения к казачеству стала декларация от 10 ноября 1943 г., подписанная начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром Восточных областей А. Розенбергом. В декларации казаки

признавались верными соратниками и союзниками германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. В случае невозможности проживания в родных краях германское руководство обещало устроить «казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера», обеспечив их всем необходимым [18].

Весной 1943 г. в районе г. Млава (Польша) началось формирование первой крупной регулярной воинской части – 1-й казачьей кавалерийской дивизии, состоявшей полностью из казаков, под командованием немецкого полковника Г. фон Паннвица (в скором времени произведенным в генерал-майоры). В состав дивизии были введены казачьи полки под командованием Вольфа, Томсена, Юнгшюльца и дивизион Кононова. Все командные должности в дивизии занимали немцы. Исключением являлся И.Н. Кононов, возглавивший 5-й донской казачий полк. Позже Г. фон Паннвиц сформировал конвойную сотню, преимущественно из казаков-участников гражданской войны [19]. Осенью 1943 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была направлена в Югославию, преимущественно для борьбы с местными партизанами.

Заигрывание с казаками было в значительной степени связано с резким ухудшением положения германской армии на Восточном фронте и с начавшимся отступлением гитлеровских войск. Отступление оккупантов вызвало и уход с родных земель определенного числа местного населения. Особенно большой процент уходящих был среди казачества (большой, по сравнению с другим населением, но в целом количество ушедших было несравненно меньше численности оставшихся). Очередной исход казаков стал новой трагичной страницей истории казачества. Основными причинами ухода были опасения новых репрессий, вызванных сотрудничеством с фашистами во время оккупации, и нежелание оставаться в государстве, которое на протяжении более чем 20 лет перемальвало казачество как мощные жернова бездушного устройства. Многие уходили с семьями, так как ясно представляли, что ждет родных и близких ушедших с врагом, а также потому что, в отличие от эмиграции 1920 г., понимали, что уходят навсегда и назад дороги уже не будет.

По мере наступления Красной Армии казаки, одиночки и с семьями, уходили на запад. При этом на должность Походного атамана Кубанского казачьего войска претендовали сразу несколько человек, в том числе И.И. Саломеха и И.И. Белый. К весне 1943 г. большинство ушедших были сосредоточены в различных частях Украины. Через Керчь на Украину с 25 января по 20 февраля 1943 г. ушли 93957 кубанских казаков (мужчин, женщин, детей) [20]. Скопление громадной массы людей требовало определенной ее организации. Первоначально появилось много различных атаманов и руководителей, претендующих на руководство уходящими казаками, создавались казачьи правления, штабы и т.п. Отчасти этому способствовали и командиры немецких частей, пытавшиеся поддержать всех, кто мало-мальски подходил на роль организатора казачьей массы. Однако споры и ссоры между этими «атаманами» вносили еще большую сумятицу и заставили оккупантов создать в конце ноября 1943 г. так называемый Казачий Стан во главе с походным атаманом С.В. Павловым. Все казаки и казачьи части, находившиеся на оккупированной территории, должны были войти в состав данной организации.

В соответствии с Декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 г. казакам для расселения была выделена территория в Каменец-Подольской области. С.В. Павлову поручалось организовать размещение и существование казачьих станиц, организацию и содержание казачьих частей. С созданием весной 1944 г. Главного управления казачьих войск Казачий Стан был подчинен генералу П.Н. Краснову.

В Каменец-Подольской области казаки пробыли меньше полугода. Стремительное продвижение советских войск принудило казаков продолжить свой отход на запад. Новым местом их размещения стала Белоруссия (район г. Новогрудок). Здесь была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своими станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в составе 11 казачьих полков [21]. Здесь была создана и своеобразная Казачья епархия, которую возглавил протоиерей В. Григорьев [22]. Как известно, Белоруссия в годы Великой Отечественной войны была одним из мест, в котором получило особое распространение партизанское движение. При этом речь идет не просто о численности и количестве партизанских отрядов, но и об их повышенной активности. Скорее всего, это и было одной из причин того, что именно данная территория была отдана под заселение казакам. Стараясь обеспечить спокойное существование себе и своим семьям, казаки уже в силу этого вынуждены были вести активную борьбу с партизанами. А учитывая взаимную неприязнь партизан (защитников советской власти в глазах казачества) и казаков («фашистских прихвостней» в понимании партизан), можно было ожидать, что борьба будет упорной и беспощадной. И, действительно, по сообщению комиссара г. Новогрудок казачьим частям в скором времени удалось очистить часть территории от партизан, поставить под свой контроль и свою охрану пути сообщения [23]. В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами был убит Походный атаман Казачьего Стана С.В. Павлов. В скором времени Казачий Стан возглавил Т.И. Доманов.

В июле 1944 г., когда возникла угроза окружения, казаки из Белоруссии стали прорываться на территорию Польши. Однако и в Польше они надолго не задержались. В августе 1944 г. германским руководством было принято решение о переброске Казачьего Стана и казачьих частей в Северную Италию (область Фриули). По-видимому, одной из причин переброски казаков в данный район было стремление немецкого командования обеспечить здесь, как и в Белоруссии, силами казаков порядок. Северная Италия, как и Белоруссия, была наводнена партизанами, чему в немалой степени способствовали и местные условия (в Белоруссии – леса, в Северной Италии – горы). Стратегически данная территория была важна для германского командования, так как обеспечивала определенную связь между Балканами и Центральной Европой и находилась на пути англо-американских войск, продвигающихся с юга Аппенинского полуострова.

Здесь, в Северной Италии, произошло своеобразное воссоединение казаков, оказавшихся в эмиграции в 1920 г., с казаками, ушедшими за границу вместе с отступающими фашистскими войсками. Было даже несколько случаев воссоединения семей. Расположение казаков было по-прежнему организовано по войсковому принципу. Поселившись в Северной Италии, казаки перенесли сюда не только свои обычаи и

традиции, но и свои названия. Так села Олессио, Каваццо и Тразагис стали называться Новочеркасском, Краснодаром и Новороссийском (соответственно) [24]. Практически все казаки в возрасте от 18 до 45 лет находились в составе воинских частей. Более старшие казаки (от 45 до 70 лет), способные носить оружие, несли караульную службу по охране своих станиц в составе специального охранного батальона. Молодые казаки (16–17 лет) проходили подготовку в учебной военной школе и юнкерском училище. Казаки-подростки (14–16 лет) обучались и трудились в созданной военно-ремесленной школе [25].

Ухудшение положения на фронте, катастрофическая нехватка военных кадров привели к созданию Резерва казачьих войск для мобилизации всех казаков, проживающих на территории Третьего Рейха. Казачий Резерв возглавил генерал А.Г. Шкуро (кубанский казак), которому в сентябре 1944 г. было поручено организовать сбор казаков и уроженцев казачьих земель для формирования Казачьего Освободительного Корпуса [26]. Формировать Корпус было решено на базе 1-й казачьей кавалерийской дивизии Г. фон Паннвица. Уже к середине сентября 1944 г. в столице Третьего Рейха были созданы вербовочный штаб, комендатуры, этапный лагерь для приема мобилизованных. 17 сентября 1944 г. вышел приказ генерала П.Н. Краснова (начальника Главного управления казачьих войск) «О формировании Казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана» [27].

В Казачий корпус зачисляли всех желающих казаков, годных к строевой службе. Его основу, помимо 1-й казачьей кавалерийской дивизии, составляли военные подразделения казаков, перебрасываемые с различных участков фронта. В то же время в Корпус зачислялись казаки-эмигранты, казаки-военнопленные и казаки, находившиеся в Германии на различных работах.

25 февраля 1945 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была официально преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. Общая численность Корпуса была около 25 тысяч человек [28]. В апреле 1945 г. командир корпуса Г. фон Паннвиц на собрании делегатов полков корпуса был избран Походным атаманом казачьих войск. В скором времени после предварительных переговоров казачий кавалерийский корпус был включен в состав Русской Освободительной армии ген. А. Власова [29].

Практически с самого момента создания казакам 15-го корпуса приходилось вести тяжелые бои, преимущественно сдерживая натиск Народно-освободительной армии Югославии и болгарских войск. Под давлением превосходящих сил противника в мае 1945 г. было принято решение об отводе 15-го корпуса в Австрию, которая стала своеобразным местом сбора всех казаков. Сюда был направлен не только Казачий Стан, но и казачьи части Русского корпуса, а также вообще казаки-эмигранты, разбросанные по территории Третьего Рейха и сопредельных с ним государств.

Практически все казаки (Казачий Стан, 15-й казачий корпус и другие казачьи части) капитулировали перед английскими войсками и были расположены в районе Лиенца. Большинство из них, конечно же, страшило перспектива возвращения в СССР. Однако в соответствии с договоренностью между представителями «большой тройки», достигнутой еще в феврале 1945 г. в ходе Ялтинской конференции, союзники должны были вернуть в СССР всех его бывших граждан.

28 мая 1945 г. большинство казачьих офицеров (половина из которых относилась к эмиграции 1920 г.) под предлогом проведения совещания были вывезены англичанами из лагерей и переданы представителям НКВД и советского военного командования. Среди выданных был и командир 1-й казачьей дивизии (позже – 15-го казачьего корпуса) генерал Г. фон Паннвиц. Как гражданин Германии он мог остаться среди пленников англичан и тем самым спасти свою жизнь. Однако за годы совместной службы с казаками он настолько сблизился с ними, со своей частью, что посчитал необходимым разделить судьбу своих подчиненных. Сам Паннвиц заявил так: «Я делил со своими казаками счастливое время, я останусь с ними и в несчастье» [30].

История сохранила достаточно много свидетельств о тех трагичных днях, когда проходила выдача казаков. Англичанам пришлось пускаться в ход все средства, включая оружие и танкетки. Выдача казаков проходила вплоть до середины июня 1945 г. Естественно, зная, что их ждет при возвращении в Советский Союз, многие казаки готовы были идти на все, чтобы не вернуться. Они пытались уйти в горы, прыгали в холодные воды бурной р. Дравы (на берегу которой располагалось большинство казачьих лагерей). Некоторые пытались кончить жизнь самоубийством. Кому-то удалось убежать в горы, кто-то был оставлен англичанами (в основном те, кто смог доказать свое новое гражданство, полученное в годы эмиграции). Однако значительное количество казаков было возвращено в СССР. Большинство из них погибло в лагерях, и лишь немногим удалось вернуться в свои края или уехать за границу. Так, из 2000 казаков Казачьего Стана, выданных англичанами, в советских лагерях выжили и дождалась своего освобождения в 1955–1956 гг. только 200 человек [31]. Практически все руководители казачества, включая П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Т.И. Доманова и Г. фон Паннвица, были казнены.

Выводы. Таким образом, в силу ряда объективных и субъективных причин часть казачества как из числа эмигрантов, так и из числа советских граждан оказалась в годы Второй мировой войны на стороне фашистской Германии. Подобная позиция, несмотря на порой значимые причины, объективно и в исторической перспективе была направлена против собственной родины, собственного народа. В то же время казаков-эмигрантов нельзя в полной мере отнести к коллаборационистам вследствие того факта, что они не являлись гражданами СССР. Граждан СССР, сотрудничавших с врагом, можно разделить на две основные категории – гражданское население и военнослужащие. Степень участия и тех, и других в войне на стороне Третьего Рейха была различной. При этом многие казаки, уходившие с немцами на запад, проявляли не столько поддержку Германии, сколько желание избежать возможных репрессий со стороны советского руководства. В свою очередь, руководство Третьего Рейха и командный состав вермахта, несмотря на официальные идеологические установки, в силу ряда объективных причин вынуждены были пойти на тесное сотрудничество с представителями казачества и активно использовать его потенциал в ходе войны.

Примечания:

1. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Пер. с нем. Смоленск, 2000. С. 277.
2. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 51.
3. Черные дела «белого движения» (Публикация В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 82.
4. Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 58.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 60-61.
6. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.
7. Русский корпус. Сост. Д. Вертепов. Нью-Йорк, 1960. С. 21, 27.
8. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 333-334.
9. Там же. С. 379.
10. Там же. С. 354-356.
11. Ланнуа де Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945. М., 2006. С. 17.
12. Двинов Б. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 23-24.
13. Черкасов А.А. Предисловие // Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы. Сборник документов. Сочи, 2003. С. 10-11.
14. Крикунов П. Указ. соч. С. 216.
15. Там же. Р. 261-263.
16. Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 124.
17. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.
18. На казачьем посту. Берлин. 1943. № 14. С. 2.
19. Крикунов П. Указ. соч. С. 467.
20. Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне: К истории создания Казачьего Стана (1942–1943 гг.) // Новый часовой. 1997. № 5. С. 171.
21. Крикунов П. Указ. соч. С. 437-438.
22. Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 191-192.
23. На казачьем посту. Берлин. 1945. № 43. С. 2.
24. Баудинов Г. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 29.
25. На казачьем посту. Берлин. 1945. № 42. С. 10-11.
26. ГАРФ. Ф. 5761. П. 1. Д. 13. С. 134.
27. Крикунов П. Указ. соч. С. 505-507.
28. Там же. С. 513-515.
29. Ланнуа Ф. Указ. соч. С. 64.
30. Цит. по: Стеенборг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 236.
31. Ланнуа Ф. Указ. соч. С. 187.

УДК 316.347(470.62):94“1939/45”

**Третий Рейх и казачество:
к вопросу о взаимоотношениях в годы Второй мировой войны**

Олег Валерьевич Ратушняк

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: oleg_ratushnyak@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется участие казаков во Второй мировой войне на стороне Германии. Объектом исследования являются как казаки-эмигранты, так и казаки из советских граждан. Актуальность работы определена дискуссией развернувшейся последнее время в научных кругах и среди общественности по проблеме коллаборационизма. В статье показаны причины поддержки частью казачества Гитлера, отношение руководства Третьего рейха к казачеству, основные направления сотрудничества казачества с фашистской Германией. Сделан вывод о том, что казаков-эмигрантов нельзя в полной мере отнести к коллаборационистам вследствие того факта, что они не являлись гражданами СССР. При этом многие казаки, уехавшие с немцами на запад, проявляли не столько поддержку Германии, сколько желание избежать возможных репрессий со стороны советского руководства. В свою очередь, руководство Третьего Рейха и командный состав вермахта несмотря на официальные идеологические установки в силу ряда объективных причин вынуждены были пойти на тесное сотрудничество с представителями казачества и активно использовать его потенциал в ходе войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Третий Рейх; вермахт; казаки; казачество; коллаборационизм; Казачий Стан; эмиграция.

REVIEWS AND SURVEYS

UDC 947.8

Review of Collection of Documents “Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War. 1941-1945 (On the documents by Archive Agency of Krasnoyarsk Region, 2010. 497 p.)”

¹ Dmitrii A. Malyutin

² Aleksandr G. Gryaznukhin

³ Larisa F. Malyutina

¹⁻³ Siberian Federal University, Russian Federation

¹ PhD student

E-mail: sfairat@inbox.ru

² PhD (History)

E-mail: agagag@mail.ru

³ PhD (History)

E-mail: ladressa@mail.ru

Abstract. The paper presents the review of the collection of documents, including the data on social and economic situation in Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War, the activity of party and Soviet authorities, deeds by Krasnoyarsk natives in the frontline and labor achievements in the rear. The collection contains the documents, describing the daily life in wartime, the public mood, the living conditions, social security, the status of disabled veterans. The presented data, concerning patriotic activity of the orthodox church, camps of People's Commissariat for Internal Affairs, facts of desertion, speculation, criminality in the region prove weight and objective approach of the composite author to the documents selection.

Keywords: “Krasnoyarsk Region during the Great Patriotic War. 1941-1945 (On the documents by Archive Agency of Krasnoyarsk Region; review.

В год 65-ой годовщины Великой Победы увидел свет сборник документов «Красноярский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945». Издание осуществлено в рамках государственной программы Красноярского края «Книжное Красноярье».

В редакционную коллегию вошли известные ученые края Л.Э. Мезит, Н.В. Ворошилова, А.В. Толмачева – кандидаты исторических наук, доценты Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; ведущие специалисты архивного агентства Красноярского края – О.Р. Сордия, В.А. Пушкарева, А.П. Дворецкая, Е.А. Иванова, Н.С. Янушкевич. Коллектив проделал огромную работу по изысканию документов, их тщательному отбору и систематизации. Издание характеризует научную основательность.

Сборник документов состоит из четырех тематически-хронологических блоков, материал которых содержит переписку партийных и советских органов, докладные записки, решения исполнительных органов, отчеты, доклады, приказы, списки использованных архивных фондов, что вполне традиционно для подобного рода изданий.

Во введении составители дали краткую характеристику социально-экономического состояния Красноярского края, ставшего в годы Великой Отечественной войны огромной строительной площадкой. Авторы успешно реализовали поставленную цель – показать социальную историю Красноярского края в годы войны. В этом проявился новаторский характер сборника.

Как и в предыдущих сборниках документов, в данном издании присутствуют материалы о красноярцах на фронтах войны, так как в регионе было сформировано более 20 воинских соединений и отдельных специальных частей, в ряды РККА было призвано почти 562 тысячи человек. Военной подготовкой было охвачено свыше 121 тысячи человек. Представлены и документы о патриотических движениях красноярцев по оказанию всенародной помощи фронту: за годы войны на фронт было отправлено 253 вагона с подарками красноярцев. Немало документов раскрывает героический труд рабочих, крестьян, деятельность медицинского персонала десятков госпиталей, учителей и педагогов школ и вузов, восстановление эвакуированных в Красноярский край предприятий и т.д. Авторы опубликовали новые архивные документы, расширив базу для исследований.

Содержательная часть сборника отличается от своих предшественников. Впервые представлены документы, раскрывающие повседневную жизнь красноярцев в тяжелые военные годы, общественные настроения, жилищно-бытовые условия, социальное обеспечение. Авторы не пытаются приукрасить действительность, а архивными документами показывают многоцветную палитру повседневной жизни населения Красноярского края. Показан не только героизм на фронте и в тылу, но и факты асоциальной действительности, чему посвящен раздел 7 главы 4. В разделе приводятся документы, справки о формах преступности, фактах дезертирства, спекуляции, уклонения от призыва на фронт и работы на промышленных предприятиях. В них отмечается наличие у части населения «панических,

пораженческих» настроений, приводятся данные о детской беспризорности и мерах решения этой проблемы (с. 465-469).

Представлены материалы о лагерях НКВД, в т.ч. Норильского (с. 380, 386), акты обследования санитарно-бытовых условий спецпереселенцев. Впервые опубликованы документы, раскрывающие направления решения кадровой проблемы, в том числе привлечение на производство не только женщин, но и красноармейцев, спецпереселенцев. Даны сведения о жизни и патриотической деятельности на территории Красноярского края в 1941–1945 гг. православной церкви, которая передала в фонд обороны свыше 4 млн. рублей (с. 331-332).

Впервые увидели свет документы о положении инвалидов Великой Отечественной войны, которых в крае насчитывалось на 1 января 1945 г. более 25 тысяч человек. Авторы публикуют акты обследования санитарного состояния домов-интернатов, домов инвалидов, докладные записки о проблемах обучения и трудоустройства инвалидов, решения партийных и советских органов по данному вопросу. Это говорит об объективном подходе авторского коллектива к подбору документов.

Составители не игнорируют документы партийных и комсомольских органов в угоду отдельным современным исследователям, спекулирующим сегодня на отрицательном отношении к деятельности КПСС.

Основой документальной базы сборника стали материалы Государственного архива Красноярского края, в том числе и хранящиеся воспоминания красноярцев (с. 201, 418 и др.). Сборник документов скоро может остаться единственным источником изучения материалов газеты «Красноярский рабочий», так как экземпляры, которые находятся в краевой библиотеке, потеряны для изучения. Над ними поработали «черные исследователи», вырезав многие статьи из почти всех экземпляров «Красноярского рабочего» военного времени.

Дополняют материалы сборника и представленные фотоматериалы из фондов Государственного архива Красноярского края, муниципальных архивов городов Норильска, Канска, с. Ванавара, личных архивов.

Кропотливая и четкая подборка документов сказалась на сохранении оригинальности языка и стиля документов, что создает возможность окунуться в атмосферу речи, грамотности и чувств людей того времени. Авторы создают нелакированное представление о жизни и деятельности красноярцев в годы войны, их вкладе в Великую Победу.

На наш взгляд, сборник документов «Красноярский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» полностью отвечает современному этапу исторических исследований. Он дает возможность рассмотреть тот или иной процесс в развитии, помогает найти новую проблему для исследования истории Великой Отечественной войны, изучить и раскрыть новые грани жизни сибиряков в суровые военные годы.

УДК 947.8

Рецензия на сборник документов «Красноярский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (по документам архивного агентства Красноярского края). Красноярск, 2010. 479 с.»

¹ Дмитрий Александрович Малютин

² Александр Григорьевич Грязнухин

³ Лариса Федоровна Малютина

¹⁻³ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

¹ Аспирант

E-mail: sfairat@inbox.ru

² Кандидат исторических наук

E-mail: agagag@mail.ru

³ Кандидат исторических наук

E-mail: ladressa@mail.ru

Аннотация. Представлена рецензия на сборник документов, который включает в себя материалы о социально-экономическом положении Красноярского края в годы Великой Отечественной войны, деятельности партийных и советских органов, подвигах красноярцев на фронтах и трудовых победах в тылу. В сборнике впервые представлены документы, раскрывающие повседневную жизнь в военные годы, общественные настроения, жилищно-бытовые условия, социальное обеспечение, положение инвалидов войны. Представленные материалы о патриотической деятельности православной церкви, лагерях НКВД, фактах дезертирства, спекуляции, преступности в регионе подтверждают взвешенный и объективный подход авторского коллектива к подбору документов.

Ключевые слова: сборник документов; Красноярский край; Великая Отечественная война; рецензия.